

ЕРЕВАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ЯЗЫКОВ
И СОЦИАЛЬНЫХ НАУК им. В.Я. БРЮСОВА

На правах рукописи

АЙРАПЕТЯН АРЕВИК ШМАВОНОВНА

**СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
ГЛАГОЛОВ ЗРИТЕЛЬНОГО ВОСПРИЯТИЯ**

ДИССЕРТАЦИЯ

*на соискание ученой степени кандидата филологических наук по
специальности ф. 02.04 – «Славянские языки»*

Научный руководитель:

кандидат филологических

наук, доцент Л.Е. МАРКОСЯН

ЕРЕВАН – 2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I. ТАКСОНОМИЧЕСКИЕ ТИПЫ ГЛАГОЛОВ И ПРИНЦИПЫ ИХ КЛАССИФИКАЦИИ	12
1.1. Подходы к проблеме классификации глаголов в традиционной грамматике	13
1.2. Классификация глагольных (предикативных) типов в функциональной лингвистике	16
1.2.1. Классификация глагольных типов в американской лингвистике.....	18
1.2.2. Таксономия глагольных типов в русской лингвистике.....	25
1.2.3. Логико-семантические классификации предикатов	32
1.3. Состав, структура и общие критерии выделения глаголов зрительного восприятия в русистике	39
ГЛАВА II. ГЛАГОЛЫ ЗРИТЕЛЬНОГО ВОСПРИЯТИЯ В СВЕТЕ ТЕОРИИ ВАЛЕНТНОСТИ	48
2.1. Теория валентности: к постановке проблемы.....	48
2.2. Разработка теории валентности в зарубежной лингвистике: Л. Теньер.....	50
2.3. Концепция валентности в трудах советских и российских лингвистов: С.Д. Кацнельсон	53
2.4. Различные подходы к дифференциации валентностных типов	55
2.5. Синтаксическая и семантическая валентность: точки пересечения	57
2.6. Невыраженные валентности. Случаи нетривиального соотношения семантических и синтаксических валентностей	67
2.7. Облигаторность / факультативность валентностей глагола	71
2.8. Валентность vs. диатеза vs. залог	75
2.9. Глаголы зрительного восприятия через призму концепции диатетического сдвига	78
ГЛАВА III. СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ГЛАГОЛОВ ЗРИТЕЛЬНОГО ВОСПРИЯТИЯ	83
3.1. Глаголы собственно зрительного восприятия	84
3.2. Глаголы направленного зрения	103
3.3. Глаголы, обозначающие способность зрения	121
3.4. Глаголы со значением “быть доступным для зрительного восприятия”	122
ВЫВОДЫ ПО ТРЕТЬЕЙ ГЛАВЕ	127
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	138
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ	149

ВВЕДЕНИЕ

Изучение состава и функционирования глаголов различных лексико-семантических групп (ЛСГ) представляет особый интерес на современном этапе теоретического осмысления их эссенциальных особенностей и той роли, которую они играют в семантико-синтаксической организации высказывания. Кроме того, все более актуальным и востребованным становится вопрос практического применения полученных результатов в процессе обучения русскому языку как иностранному, поскольку глаголы, входящие в состав одной ЛСГ, как отмечал Ю.Д. Апресян, обладают не только сходной семантикой, но и одинаковой или близкой синтаксической сочетаемостью.

В данной диссертационной работе исследуется *ЛСГ глаголов зрительного восприятия* (ЗВ) в русском языке. Исследование выполнено в русле основных принципов анализа, выработанных лингвистами, примыкающими к Московской семантической школе. Конкретный специфицированный анализ ведется с опорой на выявление синтаксических возможностей реализации того или иного значения глагола. В соответствии с таким декларированным подходом в ходе работы осуществляется детальный семантический анализ валентностной, актантно-ролевой структуры глаголов данной группы (выделяются синтаксические и семантические актанты, устанавливаются не только их количество и типы, но и семантические роли), а также диапазон их конструктивных реализаций на поверхностно-синтаксическом уровне. Исследование семантической структуры глаголов ЗВ также проводится в рамках динамического подхода: рассматриваются неочевидные механизмы семантической деривации. Это позволяет создать целостную картину семантических процессов и семантико-словообразовательных связей между отдельными представителями внутри всего класса глаголов зрительного восприятия.

Восприятие является одним из основных проявлений жизнедеятельности человека, важной и необходимой ступенью в его познавательной деятельности. Под восприятием понимается «субъективный образ предмета, явления, ситуации, непосредственно воздействующих на органы чувств, а также процесс формирования этого образа,

включающий понимание и осмысление на основе предшествующего опыта» [СЭС 1998: 45]. Человеку для ориентации в окружающем мире служат различные органы восприятия, ведущим же анализатором, на базе которого производится категоризация и концептуализация окружающих объектов, является зрение. Самую главную и самую широкую по объему информацию о внешнем мире человек получает именно благодаря зрительному восприятию: мы в первую очередь видим окружающий нас мир и лишь затем воспринимаем его органами слуха, обоняния и др. Зрительная информация многими рассматривается как наиболее полная и точная. Следовательно, можно сказать, что зрительное восприятие занимает доминирующее положение среди остальных типов восприятия – слухового, обонятельного, вкусового и осязательного, – поскольку снабжает нас наибольшей частью информации об окружающем мире. «Процесс зрительного восприятия включает процедуры узнавания, классификации, интерпретации, установления каузальных и иных связей» [Арутюнова 1999: 419]. Именно зрение является наиболее мощным орудием познания мира – не только видимого, но и невидимого, абстрактного и даже внутреннего мира человека: «...человек способен видеть абстрактные объекты – душу и смысл, зло и ложь, суть вещей и суть дела...» [Арутюнова 1989: 20].

Таким образом, **актуальность** данной диссертационной работы обусловлена особой ролью самого явления зрительного восприятия, а также необходимостью глубокого и всестороннего исследования глаголов зрительного восприятия, напрямую актуализирующих этот процесс, описания сложной, многомерной структуры глаголов этой лексико-семантической группы на базе теории валентности в рамках динамического подхода.

Цель диссертационного исследования – представить системное описание семантико-синтаксической организации и поведения глаголов зрительного восприятия в русском языке.

В соответствии с поставленной целью были определены следующие **задачи**:

- представить аналитический обзор наиболее значимых лексико-семантических классификаций глаголов;
- определить состав, структуру и общие критерии выделения глаголов зрительного восприятия в русистике;

- изложить основные вопросы теории глагольной валентности и рассмотреть глаголы зрительного восприятия в свете данной теории, в частности через призму концепции диатетического сдвига;
- проанализировать семантическую структуру глаголов ЗВ, выявить факторы, влияющие на семантическую деривацию глаголов исследуемой ЛСГ, и условия реализации разных значений одного и того же глагола ЗВ.

Объектом исследования являются высказывания, содержащие глаголы ЗВ, семантико-синтаксическая организация конструкций, в которых наглядно проявляется варьирование семантической структуры этих глаголов.

Предмет исследования – системное изучение валентностной структуры глаголов ЗВ в рамках динамического подхода, включающего описание изменений в актантно-ролевой структуре глаголов в процессе семантической деривации.

Для решения поставленных задач использовались следующие **методы исследования**:

- ✓ **Метод сплошной выборки** фактического языкового материала;
- ✓ **Описательный метод**, предполагающий дальнейшую интерпретацию собранного материала и его классификацию.
- ✓ **Контекстуальный анализ**, позволяющий проследить специфику функционирования языковых единиц в тексте.
- ✓ Основной для данной работы **метод валентностного анализа**, позволяющий всесторонне описать семантико-синтаксическую организацию глаголов исследуемой ЛСГ и их поведение в структуре высказывания.

Специфика настоящей работы состоит в применении комплексного подхода к изучаемому явлению, который предполагает:

- конструирование прототипического семантического описания;
- выявление и описание соответствующих лексико-семантических вариантов;
- представление значения глаголов зрительного восприятия как набора семантических компонентов, реализуемых в виде его валентностей;

- исследование процессов семантической деривации в рамках данной ЛСГ;
- анализ феноменов «склеивания» и «расщепления» валентностей, а также диатетических сдвигов при семантической деривации.

Всестороннее изучение слова как основной единицы языковой системы является важной задачей современной лингвистики. Большую роль в решении этой задачи играет семантическая теория валентности, которая продолжает оставаться одним из актуальных направлений современной лингвистики. За период своего существования теория валентности оформилась в одно из важнейших направлений современного семантического синтаксиса, которое вносит определяющий вклад в исследование планов содержания и выражения в языке, в изучение сочетаемости слов и структуры предложения, прежде всего применительно к глаголу и их конструктивному потенциалу. В настоящее время достигнуты значительные результаты в разработке понятийного аппарата данной теории, в частности в определении принципов валентностной классификации глаголов, в выявлении соотношения валентности и значения глагола, в выделении семантических типов актантов. В то же время до сих пор спорными остаются такие вопросы теории валентности, как полный список и разграничение актантов, выявление обязательных и факультативных актантов, соотношение категорий теории валентности с категориями традиционной грамматики. Недостаточно изучены проблемы соотношения валентности и словообразовательных средств, особенности реализации валентности при семантической деривации глагола и др. Для решения этих и смежных вопросов необходимо проводить дальнейшие исследования конкретного языкового материала.

Полученные результаты исследования позволяют сформулировать следующие

положения, выносимые на защиту:

1. Исходными для исследования лексико-семантических групп глаголов, в том числе и ЗВ, является, в первую очередь, определение и выделение синтаксически обязательных и семантических валентностей.

2. С большой долей вероятности можно постулировать актуализацию семантических ролей и участников действия и их взаимовлияние при формировании семантико-синтаксической организации предложения.
3. Поверхностно-синтаксическое выражение семантических валентностей стоит в зависимости от семантических свойств глаголов.
4. Вопрос о статусе, соотношении и иерархической организации синтаксической и семантической валентностей ставится в прямой зависимости от выделения семантической и синтаксической валентностей. Соотношение синтаксических и семантических валентностей глаголов анализируемой группы различается и количественно и качественно.
5. Семантические валентности субъекта (Экспериента) и объекта (Перцепта) глаголов ЗВ определенным образом проецируются на синтаксическом уровне, и эта экстраполяция часто варьируется.
6. Таксономический класс небезразличен к составу участников пропозиции и структуре предложения.
7. При лексических деривациях глаголов ЗВ, образовавшихся в результате диатетических сдвигов, наблюдаются «склеивание» и «расщепление» валентностей.
8. Предикаты ЗВ могут использоваться не только для передачи ситуации ЗВ, но и для выражения отношения субъекта восприятия к отражаемой действительности или к объекту восприятия. В подгруппе глаголов НЗ выделяется целый ряд глаголов, в которых, помимо семантической валентности Экспериента, открывается новая позиция – закадрового Наблюдателя. Данные глаголы подгруппы НЗ указывают на две дополнительные валентности, актуализируемые в их семантике – Способа и Оценки.

Научная новизна исследования заключается в реализации комплексного семантико-синтаксического анализа глаголов зрительного восприятия в русском языке в рамках динамического подхода, включающего выявление лексико-семантических, валентных особенностей изучаемых языковых единиц.

Теоретическая значимость диссертации заключается в системном подходе к языковым явлениям, в исследовании взаимосвязей между семантикой глагола и его поверхностно-синтаксическими актуализациями. Работа вносит известный вклад в развитие семантико-синтаксических исследований, в изучение проблем внутренней и внешней валентности. Материалы исследования могут представлять интерес для дальнейших научных изысканий в области семантического синтаксиса в целом и при изучении семантико-синтаксической организации глаголов чувственного восприятия, в частности. Предложенная в работе методика исследования может быть применена при описании глаголов других ЛСГ.

Практическая значимость работы заключается в том, что результаты данного исследования могут найти непосредственное применение в преподавании современного русского языка, при обучении русскому языку как иностранному, в разработке лекционных курсов по семантическому синтаксису.

Материал исследования. Источниками языкового материала послужили словарные данные и примеры, взятые из электронного ресурса «Национальный корпус русского языка» (НКРЯ). Общее количество проанализированных единиц – 65 лексем (78 ЛСВ).

Апробация работы. Диссертация обсуждалась и была рекомендована к защите на кафедре русского языка и профессиональной коммуникации Института гуманитарных наук Российско-Армянского университета. Основные положения диссертации обсуждались на разных республиканских и международных научно-практических конференциях, прошедших в Армении и России. По теме исследования опубликовано семь статей.

Методологической основой нашего исследования послужили труды ведущих специалистов в области семантического синтаксиса (Л. Теньер, Ю.Д. Апресян, В.Г. Гак, Е.В. Падучева, Н.Д. Арутюнова, Ф. Данеш, А. Вежбицка, Ч. Филлмор и др.)

Структура работы выдержана в соответствии с общей концепцией, целью и задачами исследования. Работа, общий объем которой составляет 150 страниц, состоит из Введения, трех глав, Заключения, списка использованной литературы (114 наименований), списка словарей (14 наименований) и списка исследованных глаголов зрительного восприятия.

Во **Введении** обосновывается выбор темы исследования, ее актуальность, формулируется цель и определяются задачи работы, описываются методы, научная новизна и материал исследования, излагаются теоретическая и практическая значимость работы.

В **первой главе** «Таксономические типы глаголов и принципы их классификации» проводится аналитический обзор основных лексико-семантических классификаций глаголов, представляющих несомненный интерес в современной лингвистике. По свидетельству многих известных лингвистов, в частности Т.В. Булыгиной, Ю.Д. Апресяна, проблема выявления, классификации и систематизации глагольных предикатов и предикатов вообще – одна из актуальнейших и труднейших задач современного языкознания. В первой главе мы останавливаемся на традиционном определении глагола, на определении, данном в Грамматике-70 и Грамматике-80, подробно рассматриваем классификации глаголов, данные З. Вендлером, У.Чейфом, Г.А. Золотовой, М.В. Всеволодовой, В.А. Плунгяном, Е.В. Падучевой, проводим сравнительный анализ подходов этих исследователей. Цель такого обширного обзора – показать не только значимость каждой из классификаций в развитии данной области лингвистики, но и выявить общие, взаимно пересекающиеся моменты. Кроме того, рассматриваются также подходы разных исследователей к определению состава, структуры и выявлению общих критериев выделения ЛСГ глаголов зрительного восприятия в русском языке.

Вторая глава работы «Глаголы зрительного восприятия в свете теории валентности» посвящена изложению основных вопросов теории глагольной валентности. В ней освещается проблема определения понятия валентности и отграничения валентности от квазисинонимичных понятий сочетаемости, управления и дистрибуции; представлена история формирования теории валентности в лингвистике, как в зарубежной (Л. Теньер), так и в советской и российской (С.Д. Кацнельсон, М.Д. Степанова и Г. Хельбиг, Ю.Д. Апресян); указаны основные валентные типы глаголов (авалентные, одно-, двух- и трехвалентные глаголы); описаны критерии разграничения и классификации валентностей (представлены теории Ю.Д. Апресяна, Ч. Филлмора, В.Г. Гака, В.В. Богданова); показаны случаи нетривиального соотношения семантических и синтаксических валентностей (рассмотрены

работы Е.В. Муравенко, А.Д. Шмелева, Е.В. Падучевой, В.А. Плунгяна и Е.В. Рахилиной, И.М. Богуславского); исследована проблема разграничения обязательных и факультативных валентностей (Ю.Д. Апресян, Л.Д. Чеснокова, С.М. Кибардина); сопоставлены понятия валентности, диатезы и залога (Л. Теньер, И.А. Мельчук и А.А. Холодович, Ю.Д. Апресян, Е.В. Падучева), и, наконец, глаголы зрительного восприятия рассмотрены через призму концепции диатетического сдвига.

В третьей главе «Семантическая структура глаголов зрительного восприятия» осуществляется анализ актантно-ролевой структуры глаголов зрительного восприятия в русском языке. Глава разделена на четыре параграфа в соответствии с четырьмя подгруппами данной ЛСГ: глаголы собственно ЗВ, глаголы направленного зрения, глаголы, обозначающие способность ЗВ, и, наконец, глаголы со значением «быть доступным для ЗВ». На большом иллюстративном материале исследуются валентности глаголов ЗВ – Экспериент, Наблюдатель, Перцепт – Стимул, Зрительный образ, Ментальный образ, - Направление (вкуче с «фиктивным движением»), Место, Инструмент, Способ; рассматривается проблема инкорпорированных актантов; изучаются вопросы «склеивания» и «расщепления» валентностей при переходе с семантического уровня на уровень поверхностно-синтаксической реализации валентностей; особое внимание уделяется вопросу семантической деривации рассматриваемых глаголов, в частности, их способности приобретать ментальные значения – от «мысленного представления, воображения» до «понимания, осознания», «полагания, мнения» и даже «знания».

В Заключении представлены выводы, полученные при обобщении результатов исследования.

Основные положения диссертации изложены в следующих публикациях:

1. К проблеме лексикографического описания глагола видеть. Материалы III международной научно-методической конференции “Русский язык в странах СНГ: современный статус и перспективы развития” (30 ноября – 2 декабря 2007 года). - Ереван, Изд-во РАУ, 2007, с. 43-45.

2. Компонентный состав и структурно-семантическая характеристика глаголов зрительного восприятия. Четвертая годовая научная конференция РАУ (30 ноября – 4 декабря 2009 года). Сборник научных статей. В 2-х частях. Часть II. -Ереван, Изд-во РАУ, 2010, с. 316-322.
3. Глаголы направленного зрения (на примере анализа глаголов группы “смотреть”). Материалы II Международной научно-практической конференции “Русский язык – гарант диалога культур, научного сотрудничества, межличностного и межнационального общения в XXI веке”.-Ванадзор, Веласпринт, 2011, с. 73 -85.
4. Семантические и синтаксические особенности теории валентности. Русский язык – гарант диалога культур, межличностного и межнационального общения в XXI веке. Материалы III Международной научно-практической конференции преподавателей русского языка Армении, России и других стран СНГ. Ереван, Веласпринт, 2012, с. 100-115.
5. Валентность: на перекрестке семантики и синтаксиса. «Русский язык в Армении», N 7, 2013, с. 11-18.
6. К вопросу о таксономических классах глаголов. Международный научный журнал «Символ науки», N 7, том 2, Уфа, ОМЕГА САЙНС, 2015, с. 76-85.
7. О некоторых частных случаях нетривиального соответствия семантических и синтаксических валентностей. Диатеза. «Русский язык в формате 3D: лингвистика, образование, культура». Материалы III Международной научной конференции. Ереван, Лингва, 2015, с. 101-110.

ГЛАВА I

ТАКСОНОМИЧЕСКИЕ ТИПЫ ГЛАГОЛОВ И ПРИНЦИПЫ ИХ КЛАССИФИКАЦИИ

Номинативные единицы языка представлены двумя классами слов: предметными (существительные) и признаковыми (глаголы, прилагательные, наречия, а также некоторые группы существительных). Значения первых в современной лингвистике часто называют идентифицирующими (или денотатными), значения вторых – предикатными (или сигнификатными) [см.: Арутюнова 1976; 1980]. “Суть предиката, - пишет Н.Д. Арутюнова, - состоит в обозначении и оценке статических свойств и динамических проявлений предметов к действительности, их отношений друг к другу. В области предикатов дифференцируются значения, шлифуется система понятий. Идентифицирующая семантика обращена к пространственному параметру мира, предикатная – организована временной осью мира. Между этими семантическими типами нет пропасти – их соединяет мост, перекинутый процессами транспозиции, взаимообменом, созданием суждений разных степеней абстракции” [Арутюнова 1980: 172]. Выявление, классификация и систематизация глагольных предикатов и предикатов вообще – одна из актуальнейших и труднейших задач современного языкознания. По свидетельству многих известных лингвистов, в частности Т.В. Булыгиной, Ю.Д. Апресяна, данная проблема еще весьма далека от своего решения: классификационные типы предикатов у разных авторов практически никогда полностью не совпадают. Нельзя также признать критерии, которые применяют лингвисты для выделения и описания предикатных типов, окончательными и исчерпывающими. В каждом из серьезных исследований предлагаются лишь некоторые из некоего универсального набора существенных признаков, на основе которых систематизируются и классифицируются семантические типы предикатов.

Существуют также факторы и препятствия объективного характера. Между типами предикатов границы бывают настолько условными, что порой бывает невозможно

определить, где заканчивается один тип и начинается другой, весьма схожий с данным. Однако в целом можно отметить, что большинство исследователей сходятся в самом, пожалуй, главном: предикатный тип должен категоризоваться именно как семантический класс, то есть как синтаксическая единица с релевантными семантическими признаками, как некий набор семантических признаков, которые способны актуализироваться в синтаксических правилах [см. Булыгина 1982; Маркосян 1986].

1.1. Подходы к проблеме классификации глаголов в традиционной грамматике

Ядро предикатной лексики, как известно, составляют глаголы¹. С семантическими классами глаголов связаны, естественно, основные типы предикатных значений. Конструирующую роль глагола в формировании предложения отмечало большинство лингвистов, не только представители так называемого вербоцентрического подхода к предложению и к языку вообще, но даже его оппоненты. В этой связи становится понятно то пристальное внимание, которое уделялось глаголу не только в обозримом прошлом, но и в истории лингвистики. Существует немало классификаций глаголов. Пожалуй, первым из известных нам греческих философов, составившим классификационную схему глагольных групп, явился Аристотель Стагирит. Аристотель с учетом сочетаемости глагола с соответствующим типом субъекта выделил 4 группы предикабилей [Маркосян 1985]: определение, собственное, род, привходящее. Более известной классификацией выдающегося греческого мыслителя являются его Категории, которые академик Ю.С. Степанов напрямую соотносил с типами предикатов. Аристотель выделяет 10 Категорий, которые Ю.С. Степанов охарактеризовал как “высшие формы бытия вещи” и сквозь призму современной лингвистики рассматривал как универсальные (семиологические) типы предикатов [Степанов 1981].

---

¹ Термин “предикат”, в отличие от термина “глагол”, “отражает в большей степени логическую традицию, чем собственно лингвистическую” [Плунгян 2003: 238].

В исторически обозримый период самое известное и наиболее общее деление глаголов – это традиционное разграничение глаголов действия и состояния. Именно такое упрощенное разделение, которое даже с оговорками трудно назвать классификацией, в первую очередь отражено в традиционных (школьных) грамматиках: “Глагол – это знаменательная часть речи со значением действия или состояния...” [Розенталь и др. 2002: 223]. Иногда эту традиционную формулу еще больше обобщают и упрощают, сводя весь необозримый грамматический класс глаголов к “части речи, обозначающей действие...” [СРЛЯ 1988 II: 359; СРЛЯ 1988 I: 214]. Во втором из указанных учебников (под ред. П.А. Леканта) авторы, хорошо сознавая недостатки и неэффективное прикладное значение такой дефиниции, а также имея целью исправить эту неточность, допускают не менее важную ошибку – смешение таксономических классов: “Когда говорят, что глагол обозначает **действие**, то имеют в виду не только механическое движение (*ходит, бегает*), но и **состояние** (*спит, радуется*), проявление признака (*белеет*), изменение признака (*желтеет*), отношение к кому-чему-нибудь (*уважает, любит*) и т.п.” (выделено нами – А.А.) [там же]. Чаще всего в определении глагола вводят дополнительный компонент – “процесс / процессуальность”, обобщая класс слов на основе общеграмматического значения, например: “Глагол – это разряд слов, которые обозначают действие или состояние предмета как процесс” [Валгина и др. 1987: 216; 2002: 228; Попов и др. 1986: 224; ср.: Розенталь 1976: 274; Ахманова 1969: 101; Розенталь, Теленкова 2003: 80]. В Грамматике-70 этот компонент становится центральным: “Глагол – это часть речи, обозначающая процесс, т.е. представляющая признак как действие, состояние или становление...” [Грамматика-70: 310] [см. также: Марузо 1960: 72]. Грамматика-80 продолжает эту линию, точно характеризуя связь общеграмматического значения глагола с его базовыми таксономическими категориями: “Глагол – это часть речи, обозначающая процесс... Глагол представляет как процесс (процессуальный признак) и действия, и состояния, и отношения” [Грамматика-80 I: 582].

При характеристике глагола как части речи авторы академической грамматики вводят небольшое примечание, объясняющее терминологические разночтения, связанные с

метаязыковым словом “действие” (см. выше): “При определении значения глагола как части речи можно использовать понятия “процесс” и “действие”. В этом случае понятие “действие” трактуется в грамматически обобщенном смысле (в отличие от более конкретного содержания понятия “действие”, когда имеется в виду различие между **активным действием** и **пассивным состоянием**)” (выделено нами – А.А.) [там же]. Именно в этом смысле понимается слово “действие” в определении глагола, данном Ю.С. Масловым в “Лингвистическом энциклопедическом словаре”: “Глагол – часть речи, выражающая грамматическое значение действия (т.е. признака подвижного, реализующегося во времени)...” [ЛЭС 1990: 104]. В то же время сам Ю.С. Маслов еще в 1973 году писал о том, что “с качественной стороны явление, обозначенное глаголом, может мыслиться как **действие** (изменение, становление) или как **недействие** (состояние, статическое отношение)” [Маслов 1973: 74; Маслов 2004: 398], – в одном случае используя слово “действие” как грамматический термин, а в другом – как семантический. Попытки подобного формально-функционального разграничения грамматической семантики глагола имеют давнюю традицию в русистике. В 1928г. Л.В. Щерба в статье “О частях речи в русском языке” писал: “В категории **глаголов** основным значением, конечно, является только **действие**, а вовсе не **состояние**, как говорилось в старых грамматиках. Эта проблема, по-видимому, возникла из понимания “частей речи” как рубрик классификации лексических значений... Дело <же> идет не о значении слов, входящих в данную категорию, а о значении категории, под которую подводятся те или иные слова. В данном случае очевидно, что, когда мы говорим *больной лежит на кровати* <...> мы это “лежание” представляем не как состояние, а как действие” (выделено автором) [Щерба 1974: 91]. Ни в коей мере не имея целью вступать в полемику с выдающимся русским лингвистом, все же отметим, что современная функциональная лингвистика более детализированно представляет данную проблему, что явственно обнаруживается в не совсем корректной соотносимости вопроса «Что *делает* больной?» и ответа на него «*Больной лежит* на кровати». Еще ранее (в 1914 г.) А.М. Пешковский, сознательно противопоставляя свою точку зрения традиционной, в духе присущего ему “грамматического реализма” [ЭСЮФ_Я 1984: 274], пишет о “действии” как о

единственной общеграмматической категории “глагольности”: “Всем известно школьное определение глагола как слова, обозначающего действие или состояние. На самом деле, хотя между глаголами действительно существует различие в этом отношении..., однако самой категории глагольности оно, собственно, не касается. Это различие вторичное, намечающееся уже внутри категории. Всякий глагол прежде всего обозначает действие...” [Пешковский 1935: 70].

В связи со сказанным хочется подчеркнуть, что использование термина “процесс/процессуальность” в современных грамматических описаниях является более убедительным, предпочтительным и однозначно более распространенным.

1.2. Классификация глагольных (предикативных) типов в функциональной лингвистике

С позиций современной лингвистики противопоставление действий и состояний обосновывается во многих трудах, например в работах Ф. Данеша, Т.А. Кильдибековой, Т.В. Булыгиной, А.В. Бондарко, Л.Л. Буланина и других известных лингвистов. Ф. Данеш все глаголы (глагольные значения) делит на “активные”/“акциональные” и “неактивные”/“неакциональные”. Неактивные глаголы подразделяются далее на статические, обозначающие ситуацию (ситуативные глаголы – *белеться, лежать*), и динамические (“протекающие” – *спать, гореть*), обозначающие “процессы”, не приводящие к каким-либо изменениям (*светить*), и “события”, приводящие к изменению называемой глаголом ситуации (*таять*). Глаголы же активного действия всегда динамичны. Их Ф. Данеш делит на 1) действия-процессы (*веселиться, танцевать*), они по самой сути своей семантики не приводят к “событию”, которое повлекло бы за собой изменение в ситуации, обозначенной процессом действия; 2) действия-события (*белить, рисовать, чинить*), в компонентах значения которых вычленяются “исходное” и “завершающее” в этих событиях, причем переход от исходного к завершающему происходит при посредстве “агента”, “действующего

предмета” (внешнего или внутреннего) [цит. по: Авилова 1976: 13-14]¹. Таким образом, “к неакциональным статическим относятся глаголы бытия, отношения, положения в пространстве и др. (*быть, находиться, иметь, принадлежать, отличаться, состоять, стоять* и т.п.); к неакциональным динамическим – процессуальные (например: *спать, гореть, цвести*) и событийные глаголы, а именно со значением изменения состояния (*размякнуть, побледнеть, угаснуть*); к акциональным процессуальным – неагентивные, семантически непереходные глаголы, обозначающие действия, которые замыкаются в субъекте (например, *прыгать, странствовать, вздохнуть, смеяться, лезть*), агентивные, семантически переходные, обозначающие действия субъекта, переходящие на объект (например, *видеть друга, смотреть фильм, рассказывать о будущем*); наконец, к акциональным событийным – некаузативные глаголы со значением изменения состояния или положения субъекта (*перескочить, выбежать, уходить*) и каузативные с внутренним агентом (*приобрести, нажать, продавать*) и с внешним агентом (*гасить, приручать, укрощать, создавать*)” [Васильев 1990: 115].

Т.А. Кильдибекова относится к тем лингвистам, которые в общеграмматическом значении глагола видят прежде всего обозначение действия: “действие как общекатегориальное значение глагола членится на собственно действие и состояние, которые составляют стержень главных лексико-грамматических разрядов глаголов” [Кильдибекова 1985: 53]. К акциональным глаголам действия она относит глаголы, содержащие в семантике компоненты активности, целесообразности и каузативности, выражающие действия субъекта (деятеля), направленные на объект и вызывающие в нем определенные изменения (*дробить камень, плавить металл, сушить траву, сколачивать ящики* т.д.), а к неакциональным (глаголам состояния) – все остальные (!) (*белеть, тосковать, дышать, капризничать, кипеть, работать (станок работает), звучать, существовать, разговаривать, видеть, чувствовать, соответствовать, лежать, иметь* и

---

¹ Н.С. Авилова, используя предложенный Ф. Данешом подход к семантике глаголов для выяснения способности / неспособности глагола вступать в видовую пару и для установления различных типов видовых пар, предлагает следующие семантические типы глаголов: 1) неактивные статические и динамические глаголы, не стремящиеся к какому-либо развитию, 2) неактивные динамические глаголы со значением становления состояния субъекта, 3) активные процессуальные глаголы, действие которых замкнуто в сфере субъекта, 4) активные “событийные” глаголы, действие которых направлено на объект [Авилова 1976: 18-19].

т.п.). И в составе глаголов действия, и в составе глаголов состояния автор выделяет ядро и периферию. Ядро глаголов действия образуют “глаголы, обозначающие конкретные физические, интеллектуальные, абстрактные действия и сложные процессы”, а его периферию, в которой наблюдается постепенное “размывание” семантических компонентов действия, – “единицы, которые обозначают действия неодушевленного субъекта” [там же: 53-54]. Ядро глаголов состояния составляют глаголы физического и психического состояния, глаголы со значением физиологического процесса, глаголы поведения, звучания, бытия и “функциональные” глаголы (*гореть, идти (часы идут)* и т.п.), а его периферию – глаголы речемыслительной и психической деятельности, глаголы отношения, расположения в пространстве, обладания и принадлежности [там же: 59-60].

Другие лингвисты, наряду с глаголами действия и состояния, выделяют в качестве основных лексико-грамматических разрядов (точнее – семантических¹ классов) также глаголы бытия, процесса, отношения и т.д.

1.2.1. Классификация глагольных типов в американской лингвистике.

Классификация глаголов З. Вендлера

Одна из самых авторитетных лексико-семантических классификаций глаголов принадлежит З. Вендлеру, который в статье «Глагол и время» (1957г.) различает четыре (основных) класса глаголов, а именно: 1) states, 2) activities, 3) accomplishments, 4) achievements [Vendler 1967]². Надо сказать, что общепринятых русских названий для вендлеровских классов так и не сформировалось: 1) глаголы состояния (перевод В.А. Плуногьяна [Мелиг 1985³: 230]), стивы (перевод Е.В. Падучевой [Падучева 2009: 4]), 2) глаголы деятельности (В.А. Плуногьян и Е.В. Падучева), гомогенные (нецеленаправленные)

---

¹ В концепции Е.В. Падучевой это соотносимо с таксономическими классами глаголов.

² З. Вендлер опубликовал статью «Verbs and Times» в 1957 г. в «The Philosophical Review», LXVI, 143-160; с незначительными изменениями она позднее вошла в его книгу (Vendler 1967: 97-121). Мелиг приводит цитаты по этому изданию.

³ Сам Х.Р. Мелиг использует в тексте статьи непосредственно английские термины; однако В.А. Плуногьян, который перевел эту статью для сборника “Новое в зарубежной лингвистике”, посчитал, что «из возможных русских эквивалентов наиболее целесообразно воспользоваться буквальными переводами» [Мелиг 1985: там же]. Термины, предложенные Т.В. Булыгиной, имеют «сходное, хотя и не тождественное содержание» [там же].

процессы (Т.В. Булыгина) [Булыгина 1982], 3) глаголы исполнения (В.А. Плуноян), совершения (Е.В. Падучева), постепенного осуществления (Т.В. Булыгина) и 4) глаголы достижения (В.А. Плуноян и Е.В. Падучева), происшествия (Т.В. Булыгина).

3. Вендлер разбивает глаголы на классы на основании двух главных критериев:

- 1) Может ли данный глагол употребляться в форме Continuous, т.е. в прогрессиве?
- 2) Может ли данный глагол сочетаться с так называемыми инклюзивными обстоятельствами времени, или обстоятельствами срока завершения (типа *in two hours* 'за два часа')?¹.

Глаголы исполнения/совершения (accomplishments) и деятельности/процессы (activities), по 3. Вендлеру, характеризуются тем, что они могут употребляться в прогрессиве, в отличие от глаголов состояния (states) и достижения (achievements):

1. I am writing a letter. (Глагол исполнения) 'Я пишу письмо'.
2. I am pushing a cart. (Глагол деятельности) 'Я толкаю повозку'.

Глаголы достижения и состояния, напротив, не могут употребляться в данной форме:

3. *I am finding the treasure. (Глагол достижения) '*Я (в данный момент) нахожу сокровище'.
4. *I am knowing John. (Глагол состояния) '*Я (в данный момент) знаю Джона'.

Сочетаемость с инклюзивными обстоятельствами времени отличает глаголы исполнения от глаголов деятельности:

5. I wrote the letter *in two hours*. (Исполнение) 'Я написал письмо за два часа'; но:
6. *I pushed the cart *in two hours*. (Деятельность) '*Я толкнул повозку за два часа'.

Глаголы достижения и состояния, которые не могут принимать форму прогрессива, различаются также в отношении сочетаемости с инклюзивными обстоятельствами: глаголы достижения сочетаются с ними, а глаголы состояния — нет. Таким образом, в результате проведенного анализа 3. Вендлер приходит к следующей матрице:

---

¹ Имеются в виду обстоятельства, в значение которых входит указание на отрезок времени, «включающий» момент завершения действия или достижения результата.

Критерий / Класс глагола	Прогрессив	Инклюзивное обстоятельство времени
Статив	-	-
Деятельность	+	-
Исполнения	+	+
Достижения	-	+

Вендлер подчеркивает, что он исходил в этой классификации из «основного значения» глаголов и не рассматривал вторичные, переносные значения. Он добавляет далее, что произвольный глагол может иметь в общем случае более одного значения и, в зависимости от рассматриваемого значения, попадать в различные классы.

“Вендлер интересовался только глаголами с субъектом-лицом. Поэтому из его поля зрения выпала агентивность (контролируемость): противопоставление действий “происшествиям” (этот удачный перевод для англ. happenings из [Wierzbicka 1980: 177] предложен в [Булыгина 1982]) у него не выявлено, поскольку неконтролируемые процессы и переходы среди его примеров не фигурируют” [Падучева 2004: 30]. Классификация Вендлера подвергалась многочисленным усовершенствованиям (см.: [Tatevosov 2002]). В частности, близкие, но не полностью совпадающие четыре класса глаголов предлагаются в [Wierzbicka 1980: 181] – states (состояния), changes (перемены), actions (действия), events (события).

Классификация глаголов У. Чейфа

Следующая значимая классификация принадлежит У. Чейфу, который выделяет глаголы (точнее в данном случае предикаты) со значением состояния (*быть сухим, разбитым, мертвым*), процесса (*высохнуть, разбиться, умереть*), действия (*петь, бежать*), действия и процесса (*сушить, разбить, убить*). У. Чейф оперирует морфологическими терминами, хотя в ряде случаев вкладывает в них не формально-грамматический, а семантико-синтаксический смысл, в частности соотнося глагол с

предикатом, а существительное – с аргументами при них. Для удобства анализа и упрощения изложения материала он сознательно нивелирует, стирает границу между этими терминами и, рассуждая фактически о предикатах, использует термин “глагол”: “...Я буду называть предикативные элементы [типа “быть сухим”] *глаголами*, а именные элементы [типа “одежда”] – *существительными*. Эти термины чаще всего используются для обозначения элементов поверхностной, или синтаксической, структуры, а не для семантических элементов. При рассмотрении семантической структуры я мог бы прекрасно – и, может быть, с бóльшим удобством – пользоваться терминами *предикат* и *аргумент* соответственно для *глагола* и *существительного*. Причина того, почему я этого не буду делать, заключается в том, что то, что я называю семантическими глаголами и именами, обычно отражается – безусловно, в искаженном виде – в синтаксических глаголах и существительных. Нет нужды начинать с одних терминов, скажем *предикат* и *аргумент*, чтобы затем все равно переходить к другим, *глаголу* и *существительному*, **в какой-то случайной точке** на пути перехода от семантической структуры к поверхностной” (выделено нами – А.А.) [Чейф 1975: 114].

Основной способ выделения глагольного класса чрезвычайно прост и легко применим: “Простым правилом, позволяющим отличить не-состояния от состояний, является то, что они [в отличие от состояний] отвечают на вопрос *What happened?* “*Что случилось?*” *What’s happening?* “*Что происходит?*” и т.д. Не-состояние является “событием” (“*happening*”), случаем” [Чейф 1975: 117] (лучше – «происшествием», см. выше). Второе правило, использованное З.Вендлером, не является абсолютно надежным критерием; кроме того, оно ограничено морфологической системой языка – применимо в английском, но не в русском. Речь идет о том, что “во многих случаях не-состояние встречается в форме *Continuous*, которая несовместима с состоянием” [там же]. Сам Чейф понимал, что предложенные им правила не имеют силы закона, не являются стопроцентным, гарантированным методом разграничения состояний от не-состояний: “Такие правила являются лишь грубыми практическими указаниями, а никак не “исследовательской методикой”. Они не всегда точны и не обеспечивают с необходимостью безошибочные критерии для выводов в

сомнительных случаях” [там же: 118]. Внутри группы “не-состояния”, или “события”, глаголы подразделяются на 1) процессы, 2) действия и 3) процессы и действия одновременно. И вновь предлагается воспользоваться методом постановки вопроса (фактически, используется семантико-синтаксический критерий: семантическая сторона вопроса связана с соответствующим классом глаголов, а синтаксическая сторона отвечает за соответствующую вопросительную трансформацию): “Простое правило, которое помогает отличить действие от процесса, состоит в том, что предложение, содержащее действие, является ответом на вопрос *What did N do?* “Что делал N?”, где N – какое-либо существительное:

What did Harriet do? “Что делала Гарриет?”

She sang. “Она пела”.

но не (например):

*She died. “Она умерла”.

...Простое предложение, содержащее процесс, отвечает на вопрос *What happened to N?* “Что произошло с N?”, на который простое предложение, содержащее действие, не является приемлемым ответом:

What happened to Harriet? “Что произошло с Гарриет?”

She died. “Она умерла”.

но не:

*She sang. “Она пела” [там же: 118-119].

В ходе анализа Чейф пользуется еще одним, чрезвычайно важным семантико-синтаксическим критерием – глубиннопадежной характеристикой, семантической ролью “существительного”-аргумента при “глаголе”-предикате. Так, состояния сопровождаются “*пациентом (объектом воздействия)*”¹ (Чейф); процессы, сообщающие об *изменении* состояния существительного и, соответственно, предполагающие наличие отношения между существительным и состоянием, также сопровождаются *пациентом*; существительное в

---

¹ В семантическом синтаксисе более употребительными являются термины “пациент” и “агент”. Кроме того, здесь речь идет скорее о “субъекте состояния” (в широком смысле), ведь далее он замечает: “Пациент определяет собой, чем является **то, что находится в данном состоянии**” (выделено нами – А.А.) [там же: 117]. О валентности и семантических ролях см. ниже.

предложениях, содержащих действие, не может считаться пациентом глагола, оно выражает собой нечто выполняющее действие и может быть названо *агентом* глагола. Последний, четвертый класс образуют двухвалентные (как минимум) глаголы, “управляющие” двумя глубинными падежами: в качестве процесса они обозначают изменение состояния существительного, своего пациента; в качестве же действия они обозначают то, что делает некто, их агент. “Агент по-прежнему остается тем, кто делает что-то, однако в (4) [четвертом классе] агент делает это *по отношению к чему-то* (или иногда *чем-то* [Инструмент!]), что является пациентом процесса:

What did Harriet do?	“Что сделала Гарриет?”
She broke the dish.	“Она разбила блюдо”.
What happened to dish?	“Что случилось с блюдом?”
Harriet broke it.	“Гарриет разбила его” [там же: 119].

Г.А. Золотова, комментируя классификацию У. Чейфа, замечает, что он “не всегда с достаточной четкостью разграничивает структурно-семантические значения действия и состояния (акциональные и статуальные предикаты), определяемые семантикой глагольного слова, с одной стороны, и с другой стороны – значения состояния (результативного состояния, произвольного состояния), создаваемого грамматическим значением определенной неспрягаемой формы глагола, образованной в свою очередь от глагола как акционального, так и статуального” [Золотова 2010: 165]. Она рассматривает следующие четыре ряда предложений:

- (1) *Я работаю* – (1а) *Мне работается* – (1б) *Мне работать*.
- (2) *Я лежу* – (2а) *Мне (не) лежится* – (2б) *Мне лежать*.
- (3) *Я срываю цветок* – (3а) *Цветок сорван* – (3б) *Цветок вянет*.
- (4) *Я сушу сено* – (4а) *Сено высушено* – (4б) *Сено сохнет*.

Если “ряды предложений (1) и (2) противопоставлены по значению действие – состояние” [*работать* vs. *лежать* и т.д.], то “в рядах (3) – (4) противопоставление между

действием и состоянием проходит внутри ряда. Вместе с тем существенно различие между моделями со значением состояния. В предложениях (3б), (4б) это значение определяется семантикой статуйного глагола. В предложениях (3а), (4а) оно создается грамматическим значением формы краткого страдательного причастия от акционального глагола. Это значение результативного состояния, каузированного активным воздействием на предмет” [там же: 165-166]. Следует отметить, что в классификационной модели У. Чейфа нет ни одного примера выражения состояния глагольной лексемой. А пример типа *Я лежу*, следуя логике У. Чейфа, следовало бы рассматривать как глагол состояния и процесса одновременно: глагольный корень обозначает состояние, а грамматическая форма – процесс (ср. с рассуждениями А.М. Пешковского о сочетании в глаголе вещественного значения с формальным [Пешковский 1935: 68-70]). В принципе, У. Чейф, исследуя проблему глагольной деривации, в частности, рассматривает вопрос перехода (в переводе – “превращения”(!!) состояния в процесс: “глагольный корень, который органически является состоянием, факультативно превращается в корень, деривативно являющийся процессом, путем добавления к нему деривационной единицы *инхоатив*¹. <...> Элемент *инхоатив* представляет собой семантическую деривационную единицу, одна из функций которой – превратить глагольный корень, органически обозначающий состояние, в корень, который деривативно является процессом” [Чейф 1975: 143] (например: *The door is open. “Дверь открыта”* – → *The door opened. “Дверь открылась”*). В то же время процессы, по Чейфу, “сообщают об изменении состояния существительного” (см. выше), следовательно, собственно процессом у него была бы следующая временная трансформация примера (2) – (2в) *Я лег*. Однако мы не можем согласиться с Г.А. Золотовой в том, что Чейф не всегда с достаточной четкостью разграничивает значение состояния, определяемое семантикой

---

¹ “Для обозначения этой деривационной единицы я пользуюсь термином *инхоатив*, хотя в этимологическом смысле он должен передавать понятие “начинательности”, а не “становления”, поскольку в какой-то степени он закрепился в этом специальном употреблении” [Чейф 1975: 143]. Действительно, данный термин, по крайней мере в русской лингвистической традиции, обозначает именно “начинательность”, вернее, одну из двух разновидностей начинательного способа глагольного действия: *инхоатив* и *ингрессив*, выделенных еще Г.К. Ульяновым и Ф.Ф. Фортунатовым. См.: Виноградов 1986: 424-425; Демиденко 1963: 85; Кухтенкова 1966: 12; Кухтенкова 1967: 106; Авилова 1976: 271-283; Ахманова 1969: 75; ЛЭС 1990: 201 и др. Кроме того, “иногда в типологической литературе различаются *инхоатив* (начало процесса) и *инцептив* (начало состояния, например, *покраснеть*)” [Плунгян 2003: 303]. Подробнее см.: Недалков 1987. В.А. Плунгян использует термин *инхоатив* в качестве родового обозначения “начала ситуации” любого типа.

глагольного слова, от значения состояния, в частности результативного состояния, создаваемого грамматическим значением определенной неспрягаемой формы глагола (см. выше). Действительно, в главе 9 “Состояния, процессы и действия”, в § 9.5, мы сталкиваемся с довольно смешанной группой предложений, представляющих класс “состояние”: в него входят такие примеры, как: (1) а. The wood is dry. “Дрова сухие” – и (1) с. The dish is broken. “Блюдо разбито” [там же: 116]. Но в главе 11 “Деривация”, § 11.5, автор вводит новую деривационную единицу – *результатив*, “превращающую глагольный корень, который органически является процессом, в корень, деривативно являющийся состоянием: (12) б. The dish broke. “Блюдо разбилось” (процесс) – → (12) а. The dish is broken. “Блюдо разбито” (состояние + результатив) [там же: 145]. Фактически, Чейф в группе предикатов состояния выделяет производные “глаголы” результативного состояния, образованные грамматической формой глагола: в примере (12а) У. Чейфа, так же как в примерах (3а) и (4а) Г.А. Золотовой, мы наблюдаем “значение результативного состояния, каузированного активным воздействием на предмет” [Золотова 2010: 166]. Кроме того, кажется сомнительным утверждение Г.А. Золотовой о том, что пример (1а) обозначает действие, а не состояние: “Грамматическое значение конструкции с безличной неспрягаемой формой глагола (1а) взаимодействует с семантикой глагола, как бы лишая действие активного, произвольного начала, но тем не менее противопоставленность действия и состояния *работается/лежится* остается в силе” [там же]. Нам представляется, что в этом примере происходит изменение таксономического класса (действие *Я [не] работаю* → состояние *Мне [не] работается*) в результате диатетического сдвига (о диатезе и диатетическом сдвиге см. ниже).

1.2.2. Таксономия глагольных типов в русской лингвистике

Классификация Г.А. Золотовой

Представляет несомненный интерес классификация глаголов самой Г.А. Золотовой. Она предлагает дифференцировать глагольные классы по функциям, выполняемым глаголами в предложении (по “роли глаголов в структуре предложения”), при этом она

создает классификацию глаголов как части речи, а не типов предикатов. Точнее, отталкиваясь от морфологических и формально-грамматических критериев, Г.А. Золотова затем постепенно и неизбежно переходит на рельсы функциональной грамматики. Опираясь на функционально-семантический критерий, Г.А. Золотова различает прежде всего полнознаменательные и неполнознаменательные глаголы; последние отличаются от полнознаменательных тем, что не образуют самостоятельных компонентов предложения. К неполнознаменательным она относит связочные глаголы, глаголы-модификаторы (модальные и фазисные, а также модально-темповые (*Он уезжает – Он торопится уехать*) и оценочно-темповые (*Он подготовился – Он успел подготовиться*)) и глаголы-компенсаторы, которые, не выполняя самостоятельной функции в предложении, “участвуют в транспозиции средств прямой номинации в средство косвенной номинации, компенсируя недостающий категориально-синтаксический элемент значения (*Аппаратура надежна – Аппаратура отличается надежностью*)” [Золотова 2010: 158].

Основным критерием подразделения полнознаменательных глаголов служит значение акциональности / неакциональности: “глаголы либо называют действие предмета, либо в виде действия представляют существование предметов, их отношения, их состояния и свойства” [там же: 159]. (Как видно, Г.А. Золотова тоже разделяет ту точку зрения, согласно которой общекатегориальным значением глаголов является “действие”). Неакциональные глаголы она делит на 1) реляционные (в широком смысле: “они выражают разного рода отношения между предметами”): пространственные (локализирующие), партитивные, посессивные, компаративные, сопоставительные, - 2) экзистенциальные и 3) статуальные, обозначающие состояние или изменение состояния предмета или лица (*цвести, зреть, таять, расти, бодрствовать, скучать...*). К последней группе близки 4) функтивные глаголы, обозначающие “функционирование предмета или возможность функционировать как способ существования или осуществления назначения предмета: а) Солнце *светит*; Ветер *дует*; б) Фонарь *горит*” [там же: 162]. К функтивным, в свою очередь, примыкают также глаголы, обозначающие звуковое, цветовое или световое, обонятельное проявление

существования или функционирования предмета: а) *Белеют ромашки; Пахнет резедой;* б) *Часы тикают; Звонит колокол.*

Акциональные глаголы, обозначающие физические или ментальные действия лица, подразделяются на группы по характеру действия. Г.А. Золотова выделяет глаголы 1) рече-мыслительного действия, 2) эмоционального действия, 3) конкретного физического действия, 4) социативного или интерсубъектного действия, 5) движения.

В особую группу выделяются т.н. глаголы-компликаторы, усложнители элементарных моделей предложения: 1) каузативные глаголы; 2) глаголы, выражающие логические отношения (причинно-следственные, обусловленности) между двумя действиями, явлениями, признаками; 3) глаголы авторизующего значения. В последнем подтипе обнаруживается роль Эксперимента-Наблюдателя “за кадром”: в предложениях с этими глаголами “взаимодействуют элементы модели сообщаемого содержания с элементами модели рече-мыслительного действия личного субъекта (“автора” оценки или **восприятия**). Ср.: *Кричат чайки – Я слышу крик чаек (Я слышу, что кричат чайки, как кричат чайки); Слышится (кому?) крик чаек (Слышен крик чаек); До меня доносится крик чаек* и т.п.” (выделено нами – А.А.) [там же: 167].

Глагольные классы у М.В. Всеволодовой

Классификация Г.А. Золотовой послужила основой для последующих функционально-синтаксических классификаций. В частности, она была модифицирована, точнее сказать, модернизирована, с учетом новейших разработок в области функционально-семантического синтаксиса, М.В. Всеволодовой, которая в связи с этим отмечала: “Мы во многом опираемся на [Золотова 1982¹, 156-168], привнося **некоторые изменения, дополнения и комментарии**” (выделено нами – А.А.) [Всеволодова 2000: 55]. Она, как и Золотова, делит глаголы на два больших класса: диктальные (полнозначительные) и строевые.

---

¹ В настоящей работе мы ссылаемся на 6-е издание книги Г.А.Золотовой “Коммуникативные аспекты русского синтаксиса”. – М: КомКнига, 2010.

Строчные глаголы представлены у М.В. Всеволодовой четырьмя группировками: это 1) связочные глаголы, 2) модификаторы, 3) реляторы и 4) экспликативы. К связочным отнесены, помимо “чистой связки” – глагола *быть*, и т.н. полузнаменательные глаголы (*являться, представлять собой, служить* др.). Модификаторы представлены тремя группами: модальные (собственно модальные, модально-темповые и оценочно-темповые), фазисные и авторизационные глаголы. Последние, авторизационные, глаголы (*считаться, казаться, оказаться...*) из особой группы компликативов (по Г.А. Золотовой) были идентифицированы как строчные глаголы-модификаторы. Собственно все компликативы включены в класс строчных; остальные компликативы названы М.В. Всеволодовой глаголами-реляторами, обозначающими 6 типов отношений: 1) владения, обладания, наличия (*иметь, владеть* и пр.); 2) части и целого (*входить* (во что), *состоять* (из чего), *включать* (в свой состав) и пр.); 3) пространственные (*находиться, простираться* и др.); 4) временные (*предшествовать, продолжаться* и др.); 5) обусловленности (*вызвать, зависеть, свидетельствовать* и под.); 6) интерперсональные (семейно-родственные) (*быть, доводиться, приходиться* (кому кем)) [см. там же: 56-57].

Таким образом, налицо принципиальное переструктурирование таксономии: глаголы из класса знаменательных (!) (часть неакциональных реляционных глаголов: а) пространственные, б) партитивные, в) посессивные) введены в класс строчных; из компликативов Г.А. Золотовой в этой группе лишь глаголы-реляторы со значением обусловленности; кроме того, добавлены еще две подгруппы: временные и интерперсональные. Последнюю группу строчных, вспомогательных глаголов представляют глаголы-экпликативы (компенсаторы у Г.А. Золотовой) (*вести работу, отличаться скромностью, представлять интерес...*).

Полнознаменательные глаголы М.В. Всеволодова делит на следующие классы: 1) акциональные, 2) экзистенциальные, 3) статальные, 4) реляционные, 5) характеристические (с их дальнейшим подразделением на подклассы) и, наконец, 6) авторизационные. Может вызвать удивление включение авторизационных глаголов одновременно в два основных класса, что можно объяснить следующими факторами: во-первых, как всем известно,

таксономическая принадлежность глагола в основополагающей степени обуславливается его актантным окружением – с одной актантной структурой глагол входит в один класс, с иным набором актантов – в другой класс; во-вторых (и это вызывает меньшее доверие), это могло быть вызвано влиянием базовой классификации Г.А. Золотовой, которую автор, М.В. Всеволодова, взяла за основу своей модели.

Акциональные глаголы, обозначающие “физические, интеллектуальные или ментальные действия (не состояния!) лица, зоонима или управляемых лицом предметов либо стихийных сил и процессы” дифференцированы М.В. Всеволодовой гораздо подробнее, в соответствии с расширением семантики класса. Это глаголы: а) конкретного физического действия, б) движения и перемещения в пространстве, в) каузирующего физического или социального действия, направленного на другое лицо или зооним, в результате чего последнее само совершает какое-либо действие, испытывает состояние, меняет качество (*накормить, разбудить*), г) называющие воздействие субстанций, условий, свойств на поведение лица, положение дел или на другие субстанции (ср.: *Я пришла сюда из любопытства*; и: *Меня сюда привело любопытство*) (у Г.А. Золотовой каузаторы относились к компликаторам-“усложнителям”), д) речевого действия, е) передачи материального объекта, ж) эмоционального воздействия (*нежничать, любезничать, льстить, лицемерить, обольщать, нервировать...*), з) социативного, или интерсубъектного, действия, и) стихийного действия, называющие процессы и события, происходящие с арте- и натурфактами (*Стакан разбился; Вдвигаются волны; Ветром сорвало крышу*); к) фнктивные, называющие воздействие, оказываемое натур- и артефактами на воспринимающее лицо (*Грохочет водопад; Пахнет скошенной травой*). Вместе с тем, автор полагает, что “многие фнктивные глаголы могут быть ближе к экзистенциальным или статальным, нежели к акциональным, что связано с полемым характером языка и отсутствием жестких границ между разрядами” [там же: 58-59].

И действительно, к экзистенциальным глаголам автор относит а) собственно бытийные глаголы и б) “многие фнктивные по отношению к стихиям и натурфактам: *Идет снег; Идет дождь; Дует ветер...*” [там же].

Статальные глаголы представлены подклассами: а) физического состояния или положения в пространстве; б) физической функции (*Станок работает; Часы идут; Костер горит*) (снова функтив!); в) физиологического состояния; г) эмоционально-психического состояния; д) интеллектуального состояния-отношения (*знать, помнить, понимать, разуметь, разбираться*); е) **восприятия** (*видеть, слышать, догадываться, считать, знать, что..., находить* (кого/что каким) и в ряде случаев глаголы группы (д), называющие интеллектуальное состояние говорящего или другого субъекта – “автора” оценки или восприятия факта действительности: *Играет музыка – Я слышу музыку – Я слышу, как играет музыка – До меня доносятся звуки музыки*).

К оставшимся в группе реляционных глаголов Г.А. Золотовой глаголам компаративного и сопоставительного значения М.В. Всеволодова добавляет также глаголы интерперсонального отношения (*дружить, враждовать, сотрудничать, помогать* (кому), *мешать...*) и глаголы эмоционального отношения-состояния (*любить, ненавидеть, уважать, презирать, восхищаться, любоваться...*).

В класс полнозначительных глаголов М.В. Всеволодова вводит еще одну группу – характеристические глаголы, выражающие признаки и свойства предметов, явлений (*витья, сверкать, разлагаться...*) [там же: 59-60].

В.М. Всеволодова разграничивает два уровня – морфолого-функционально-семантический и логико-семантический. Наряду с представленной выше классификацией глаголов, она предлагает и более широкую типологию денотативных предикатов, отнюдь “не претендующую на окончательность”. Среди множества концепций и подходов¹ М.В. Всеволодова выбирает опирающуюся на идею Т.В. Шмелевой концепцию Е.В. Клобукова [Клобуков 1986: 59] (несколько модифицировав и ее), «поскольку в ней наиболее четко, как системообразующий фактор, обозначены такие классы признаков, как “характер предиката” и “сфера проявления предиката”» [там же: 136]. Таким образом, М.В. Всеволодова использует два признака: 1) тип предиката и 2) сфера его проявления.

---

¹ См.: Vendler 1967, Апресян 1974/1995 I, Булыгина 1982, Селиверстова 1982 и др., в том числе приведенные в настоящей главе.

С точки зрения типа предиката, в классификации Всеволодовой выделяются такие предикаты, как: 1) экзистенциальные (бытийные); 2) акциональные (действие, явление, событие); 3) стативные, или статальные (состояние); 4) реляционные (отношение); 5) характеризационные (собственно признак). Как можно заметить, сами рубрики повторяют классы полнозначительных глаголов в предыдущей классификации, однако в данном случае глаголы представляют лишь часть предикатных слов (по Ю.С. Степанову - предикаторов), и в качестве дифференциальных признаков рассматриваются семантические и логико-семантические показатели. Так, акциональные предикаты делятся на 1) действия и 2) события и процессы. В свою очередь, “действие” может быть 1.1) контролируемым (намеренным) и 1.2) неконтролируемым (ненамеренным). Наконец, контролируемые действия делятся на 1.1.1) конструктивные (*построить, создать*), 1.1.2) трансформационные (*перестроить, покрасить*) и 1.1.3) деструктивные (*разрушить*). Несомненно, данные характеристики существенны для определения пациенса. К сожалению, автору не всегда удается придерживаться строго логических принципов дифференциации, наблюдаются и случаи смешения таксономических признаков с денотативными, тематическими классами. Например: “стативные предикаты выражают состояние, в частности: а) статическое (что не отрицает медленных процессов, характеризующих это состояние) (*Он болен; Я в отчаянии*); б) динамическое (*Маятник качается; Земля вращается*) и в) восприятие объекта протагонистом (*Так много морского зверя мне еще видеть не приходилось*)” [там же: 137]. Иногда вызывают сомнения четкость и однозначность примеров. Так, характеризационные предикаты делятся на 1) квалитативы (качественный признак), с дальнейшим подразделением на а) сущностный (*Отец Гоголя был бережлив, запаслив*); б) оценочный (*Она была очень красива*); в) признак-свойство (*Глина пластична*); 2) фабрикатив (исходный материал, вещество, из которого состоит или сделан предмет) (*Костюм – из шерсти*); 3) квантитатив (количественный признак) – а) объективный (*Нас у мамыши осталось четверо*) и б) субъективный (оценочный) (*Народу в зале было мало*); 4) квалификатив (классификационный признак) (*Сартр – француз*) [там же: 138].

В приведенном блоке характеристизационных предикатов наблюдается явная проблема с “оценочностью”. Альтернативным подразделением квантитатива – с учетом использованных автором примеров – может быть определенное / неопределенное количество. С другой стороны, пример “сущностного”(!) квалитатива также характеризуется оценочностью, сопряженной с понятием нормы: увеличение отклонения от нормы (в сторону увеличения бережливости) неминуемо приводит к отрицательной оценке (прижимистый, скупой ...). Кроме того, оценка по своей природе субъективна: “семантика оценочных слов включает некий субъективный (или прагматический) компонент: ‘по мнению говорящего’” [Кронгауз 2004: 139]. И поскольку в качестве нормы говорящий часто предлагает не среднестатистический параметр (шкалу), а свой собственный, то, следовательно, один и тот же человек одними может быть охарактеризован как бережливый (с оценкой “+”), а другими – как скупой (с оценкой “-”).

По второму классификационному признаку М.В. Всеволодова выделяет такие сферы проявления предикативного признака, как: а) физическая, б) физиологическая, в) эмоционально-психическая, д) социальная и е) духовная.

1.2.3. Логико-семантические классификации предикатов

Универсально-семиологическая классификация предикатов Ю.С. Степанова

Из логико-семантических классификаций предикатов чрезвычайно важной, оказавшей большое влияние на изыскания в этой области, является таксономия предикатов Ю.С. Степанова. Опираясь на десять категорий Аристотеля [Аристотель 1978, т. 2: 55], он выделяет десять типов предикатов (предикатных значений) и соответствующих им типов предложений: 1) Сущность: *Мой брат – учитель; Его мечта – летать* (главные предикаторы – неиндивидные существительные и инфинитив); 2) Количество: *Окон в комнате - три; Времени мало* (главные предикаторы – количественные числительные и наречия); 3) Качество: *Снег – белый; Ребенок послушен* (главные предикаторы – прилагательные); 4) Отношение (соотнесенное): *Золото дороже серебра; Петя Оле не брат*

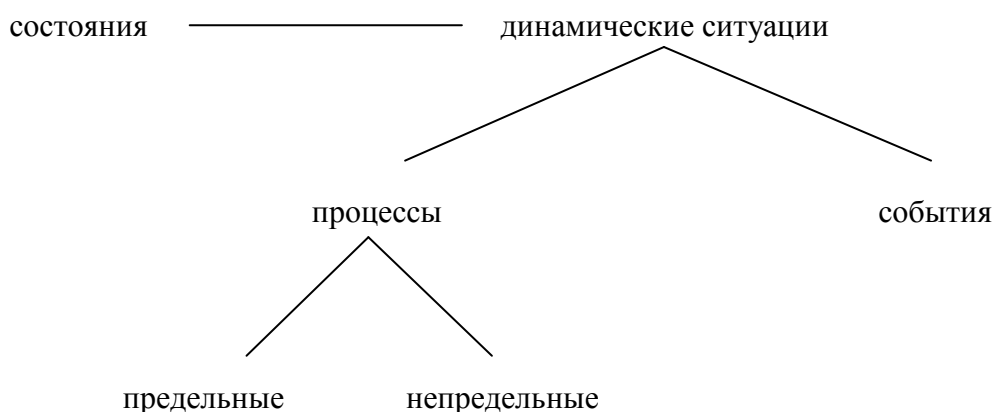

(главные предикаторы – формы сравнительной степени прилагательных, наречий и имена с относительным значением – “брат”, “отец”, “сосед” и т.п.); 5) Место: *Мать – в саду; Друзья – рядом* (главные предикаторы – наречия и наречные словосочетания); 6) Время: *Собрание – сегодня; Юбилей – в этом году*(главные предикаторы– наречия и наречные словосочетания); 7) Положение: *Лес шумит; Ребенок сидит; Дети веселятся; Общество возмущается; Родители волнуются* (главные предикаторы – непереходные и невозвратные глаголы, не требующие третьего члена в предложении); 8) Состояние (Обладание): *У меня есть...; Мне холодно; Мне спится* (главные предикаторы – слова категории состояния и конструкции типа *У...(есть)*); 9) Действие: *Мальчик читает книгу; Я пишу брату; Эта болезнь лечится только покоем* (главные предикаторы – прямопереходные и косвеннопереходные глаголы, требующие обязательного дополнения); 10) Претерпевание (Страдание): *Меня трясет; Знобит; Меня зовут; Меня ругают* (главные предикаторы – личные формы глагола со значением пассивности и неопределенности действующего лица). При обобщении рассмотренных категорий-предикатов “мы получаем три основные группы, которые были намечены самим Аристотелем: I (Сущность), II (Свойства или Состояния), III (Отношения или Соотнесенное). Эти группы являются вполне универсальными, не исключая и искусственных логических языков [Степанов 1981: 150-162].

Классификационные типы В.А. Плуногяна

В.А. Плуногян не имеет специальных фундаментальных работ, посвященных предикатным типам и критериям их выделения. Однако, будучи одним из самых видных представителей российской лингвистики последних лет, он не мог не остановиться в своих трудах на данной проблеме. Обобщающий характер имеют рассуждения В.А. Плуногяна относительно семантических типов предикатов, причем касающиеся их наиболее «глагольной» части. Он также вовсе не претендует на исчерпывающее освещение проблемы и указывает лишь на наиболее существенные, с его точки зрения, положения. Общая схема

семантической классификации предикатов, представленной В.А. Плунонгом, может быть изображена следующим образом:

Таким образом, «по своим свойствам предикаты образуют континуум, одним из главных организующих параметров внутри которого является признак статичности/динамичности. Крайнее положение в таком континууме занимают названия (постоянных) свойств и состояний, проявления которых максимально независимы от времени...» [Плунонг 2003: 246]. Нетрудно заметить, что автор здесь опирается на принципы и критерии, которые были предложены Т.В. Булыгиной в ее типологической модели выделения и описания предикатов [Булыгина 1982]. На семантико-грамматической шкале именно с состояний начинается «собственно глагольная» область: глагол – класс слов, специально предназначенных для обозначения отношений, так или иначе чувствительных к времени. Глаголы, обозначающие состояния (*стативные* глаголы, или *стативы*), противопоставляются обширному классу динамических глаголов. Среди множества разнообразных признаков отличий стативов от класса динамических глаголов автор особое внимание уделяет тому, что «для продолжения состояния обычно не требуется никаких специальных усилий субъекта, не требуется притока энергии для его поддержания. Именно поэтому субъектом состояния чаще всего является пациенс или экспериенцер(!); ср. такие состояния, как *висеть, болеть, спать, знать* 'иметь в сознании <достоверную> информацию', *видеть...*» [там же].

В отличие от стативов, динамические глаголы не обозначают стабильные ситуации, тождественные сами себе в любой момент своего существования. Динамические ситуации

обозначают либо различные виды изменений (т.е. переходов от одного состояния к другому), либо, по крайней мере, такие состояния, для поддержания которых требуется постоянный приток энергии (и субъектом которых является агенс, ср. *молчать, держать* и т.п.).

На следующем этапе классификации динамические глаголы делятся на *процессы* и *события*. И вновь решающим, дифференциальным признаком является время: «события концептуализируются в языке как *мгновенные* переходы от одного состояния к другому, тогда как процессы являются постепенным изменением состояния (или циклической последовательностью сменяющих друг друга состояний). Типичные процессы... *бежать, кричать, играть, работать*, и т.п.; типичные события – *побежать, вскрикнуть, упасть, прыгнуть, лопнуть, понять* и т.п.» [там же: 246-247].

Наконец, последнее очень важное деление проходит уже внутри класса процессов. В принципе, все процессы описывают некоторое постоянное изменение. И различаются они тем, как развиваются описываемые ими изменения. «В одних случаях изменения носят, скорее, циклический характер: они могут происходить постоянно (до тех пор, пока продолжается приток необходимой для этого энергии). <В другом случае процессы> описывают направленные изменения, имеющие определенную последовательность – и, что самое главное, определенное завершение. Если такой процесс будет развиваться нормально, то рано или поздно он завершится, исчерпав себя, т.е. достигнув своего естественного конца. Так, процесс *вставать* ($\approx$ 'переходить из нефункционального устойчивого положения в вертикальное') в нормальном случае завершается достижением вертикального положения (что описывается событием *встать*)... Процессы первого рода обычно называются *непредельными*, процессы второго рода – *предельными*; соответственно, достигаемое в момент завершения предельного процесса состояние называется его (внутренним) *пределом*» [там же: 247].

Хотелось бы также отметить, что граница между большинством из указанных типов нежесткая: состояния плавно переходят в непредельные процессы; что же касается различия между непредельными процессами и предельными, то оно во многом зависит даже не от

глагольной лексемы, а от типа ситуации в целом (ср.: неопределенное *бежать* vs. предельное *бежать домой* или даже *бежать сто метров*).

В целом нам представляется это оправданным, поскольку трудно представить предложенческую конструкцию с глаголом *бежать* в абсолютном употреблении без локальных (прежде всего), временных или количественных распространителей. Ср. *Он бежит и подобное.

Параметрическая таксономия глаголов Е.В. Падучевой

Необходимо представить также один из самых интересных, на наш взгляд, современных подходов к таксономии глаголов, предложенный Е.В. Падучевой. При разработке своей предикатной концепции она рассматривает две семантические классификации глаголов: классификацию глаголов по Вендлеру-Маслову и тематическую классификацию. (О классификации глаголов по Вендлеру-Маслову см. выше). Говоря о теории З. Вендлера, Е.В. Падучева отмечает, что в свое время “вендлеровские классы были подняты до уровня онтологических категорий” [Падучева 2004: 30], и в свою очередь вводит понятие таксономических категорий (Т-категорий). Т-категория – это своего рода уточнение, детализация вендлеровского глагольного класса; другими словами, в фокусе внимания находятся те же действия, состояния, процессы, происшествия. Но если З. Вендлер показал, что Т-категория глагола отражается в его сочетаемости (с учетом не только синтаксических, но и некоторых морфологических признаков)¹, то свою задачу Е.В. Падучева видит в том, чтобы в первую очередь показать, что семантика видového противопоставления предопределена лексической семантикой глагола и, более определенно, его таксономической категорией. Кроме того, в таксономии Е.В. Падучевой “нашлось место для категории действия (отсутствующей у Вендлера): действия были противопоставлены происшествиям”, и связанной с ним агентивности, так как действие является “основной таксономической

---

¹Имеется в виду то, что глаголы действия и деятельности по-разному сочетаются с обстоятельствами времени (*написал за два часа*, но *спал за два часа) и длительности (*спал два часа*, но *написал два часа), а глаголы состояния в англ. языке не могут иметь формы прогрессива (**is knowing the answer*).

категорией глагола” и “не позволяет рассматривать аспектуальные классы отдельно от агентивности” [Падучева 2004: 30].

В отличие от обычных классификаций, “разбивающих” слова на классы, тематическая классификация глаголов Е.В. Падучевой объединяет слова в лингвистически релевантные тематические классы и представляет процесс объединения слов в классы не как застывшее, а наоборот, как живое, подвижное, активно реагирующее на ситуацию явление. Согласно тематической классификации, предложенной Е.В. Падучевой, различаются следующие классы глаголов: бытийные; фазовые; глаголы обладания; физического действия; движения; перемещения объекта; принятия положения; создания; возмездительного действия; речи и передачи сообщения; **восприятия**; чувства; принятия решения; ментальные глаголы: знания и мнения; глаголы звука; каузации; приобретения признака и т.д. Однако, как отмечает Е.В. Падучева, “понятие тематического класса не имеет прямой связи с классификацией: нет исходного предположения о том, что каждый глагол должен попасть в какой-то класс, который окажется семантически релевантным”. Нетривиальный общий компонент в толковании слов одного тематического класса, выявленный в Апресян 1974, Е.В. Падучева определяет как «нестроевой» (Падучева 2004: 43), выводя при этом такие «строевые компоненты» как каузация, начинательность, отрицание, оценка, модальность и др. Строевые компоненты могут входить или не входить в семантическую формулу слова, не изменяя его принадлежности к тематическому классу или подклассу. Например, в тематический класс глаголов восприятия входит, по Е.В. Падучевой, не только *видеть*, но и его каузатив *показывать*, так как строевые компоненты меняют лексическое значение слова, но сохраняют тему. Поэтому «чтобы выявить принадлежность слова к тематическому классу, надо «очистить» его формулу от строевых компонентов» [Падучева 2004: 46].

Тематические классы могут пересекаться, т.е. глагол может входить одновременно в два класса. Дело в том, что тематический класс глагола в существенной степени предопределен наличием в его семантике того или иного компонента, так что слово может одним своим компонентом входить в один класс, а другим – в другой. “В семантическую структуру слова могут входить смысловые компоненты, диагностические сразу для

нескольких тематических классов. Поэтому слово (в одном и том же значении, т.е. одна лексема) может принадлежать одновременно к двум и более разным тематическим классам; например, *убедить* – к глаголам речи и воздействия на ментальное состояние; *застать* – к глаголам движения и местонахождения” [Падучева 2004: 43]. Кроме того, для принадлежности глагола к тематическому классу важно, какое место в его структуре занимает тематический компонент. “У глагола *оглянуться* = ‘*посмотреть назад, повернувшись*’ компонент «принятия положения» играет подчиненную роль по отношению к компоненту «восприятие», так что *оглянуться* относится к классу восприятия” [Падучева 2004: 43].

С другой стороны, глагол может принадлежать к двум и более тематическим классам в разных контекстах, т.е. иметь два и более значений; например, *стучать* в одних контекстах глагол звука, а в других – подачи сигнала:

(а) *стучать* кулаком по столу; (б) *стучать* в дверь (кому-то).

Важность тематического класса как параметра глагольного значения по Е.В.Падучевой заключается в том, что “тематический класс часто имеет характерные проявления в синтаксисе – например, у класса обычно есть характерный (диагностический) участник. Так, у глагола передачи сообщения обязательно имеется Адресат (*сказал отцу*). Наличие у глаголов одного тематического класса участника в определенной роли < ...> задается компонентом в толковании; общий компонент – это, как правило, и общая роль, т.е. общий участник” [Падучева 2004: 43-44]. Кроме того, члены одного тематического класса «склонны иметь общий деривационный потенциал, т.е. один и тот же набор семантических дериватов» [Падучева 2004: 44].

Тематический класс глагола может быть скоррелирован с его таксономической категорией¹, но в целом Т-категория и тематический класс – независимые характеристики глагольных лексем. Глаголы одного акционального класса могут относиться к разным тематическим классам. Например, «состояния могут быть физическими, физиологическими,

---

¹Совершенный вид глаголов восприятия обычно обозначает происшествие, а не действие с накоплением эффекта. Например: глаголы *увидеть*, *услышать*, *заметить*. Подобная корреляция соответствует моментальности реального восприятия.

ментальными, эмоциональными и т.д.» [Падучева 2004: 50]. И наоборот, глаголы одного тематического класса могут относиться к разным акциональным классам. Например, «ментальные глаголы могут быть действиями, состояниями, происшествиями» [там же].

На наш взгляд, предложенное Е.В. Падучевой описание тематических классов позволяет систематизировать глагольную лексику, обеспечить компактное описание многозначности, выявить динамические модели, регулирующие изменения в семантике глагольных лексем, определить границы семантической деривации, соответствующие и подходящие тому или иному типу классификации.

1.3. Состав, структура и общие критерии выделения глаголов зрительного восприятия в русистике

Зрительное восприятие занимает доминирующее положение среди остальных типов восприятия – слухового, обонятельного, вкусового и осязательного, – поскольку снабжает нас наибольшей частью информации об окружающем мире. Более того, «видеоданные не только ориентируют человека в сменяющихся жизненных ситуациях, не только руководят многими его действиями (например, передвижением), но также служат источником его знаний и основанием его мнений и суждений» [Арутюнова 1989: 22]. Именно зрение является наиболее мощным орудием познания мира – не только видимого, но и невидимого, абстрактного и даже внутреннего мира человека: «...человек способен видеть абстрактные объекты – душу и смысл, зло и ложь, суть вещей и суть дела...» [Арутюнова 1989: 20].

Вопрос о составе группы глаголов зрительного восприятия, несмотря на многочисленные исследования, остается одним из спорных и до конца не решенных: количество глаголов, входящих в данную группу, в различных словарях и справочниках, а также научных исследованиях колеблется, не совпадает также распределение слов на подгруппы, а также номинирующие их термины.

В одной из ранних работ **Л.М. Васильева**, в которой классифицируются глаголы зрительного восприятия и анализируется их семантика, – «Семантические классы глаголов

чувств, мысли и речи» (1971) – представлен широкий состав этой лексико-семантической группы (ЛСГ). В рамках данной ЛСГ рассматриваются также глаголы и глагольные сочетания с идеей света, блеска, огня с общим значением ‘смотреть на кого-, что-либо, выражая взглядом сильное чувство’, например, *сверкать глазами*. Таким образом, Л.М. Васильев предлагает деление глаголов на две группы: в первую группу входят глаголы *смотреть, глядеть* и их синонимы, а во вторую – глаголы и глагольно-именные словосочетания типа *взглядывать, вонзать глазом* и т.д. [Васильев 1971: 58-60]. В более поздней работе 1981 года («Семантика русского глагола») автор вводит ЛСГ глаголов зрительного восприятия в состав обширного поля «психической деятельности» человека. При этом Л.М.Васильев отмечает, с одной стороны, тесную связь всех глаголов зрительного восприятия с семантическими полями свето- и цветообозначения [Васильев 1981: 63]. С другой – обращает внимание на тот факт, что необходимым условием восприятия, предваряющим его актом сознания, является внимание, из чего вытекает связь поля чувственного восприятия с глаголами внимания [там же: 68]. Он предлагает деление глаголов зрительного восприятия на ряды групп и подгрупп по семам целенаправленности/ нецеленаправленности, активности/пассивности, результативности/ нерезультативности, каузативности/некаузативности и некоторым другим (там же: 58). В «Современной лингвистической семантике» (1990) Л.М. Васильев включает глаголы зрительного восприятия в поле акциональных предикатов – «на основе доминирующего лексического компонента ‘осуществлять, совершать какое-либо действие, делать что-либо’» [Васильев 1990: 119] – в противопоставлении бытийным предикатам. На основе другого параметра – «по наиболее абстрактным ядерным идентифицирующим компонентам» – он включает глаголы зрительного восприятия в следующий ономаσιологический класс – «акционально-процессуальные предикаты», подгруппа «чувственное и умственное восприятие» [Васильев 1990: 121, 123].

Авторы «Опыта семантической классификации русских глаголов» (1982) делят глаголы зрительного восприятия на две группы: группу «глаголов зрения» и группу «глаголов восприятия объекта». Такое распределение на группы основано на выделении двух

идентифицирующих сем: воспринимать зрением – для первой, воспринимать объект – для второй, которые являются частично перекрещивающимися, что не совсем удобно при построении классификационных типов ЛСГ.

В словаре-справочнике «**Лексико-семантические группы русских глаголов**» (1988) глаголы зрительного восприятия включены в состав семантического поля «действие», подполе «интеллектуальная деятельность». В этом словаре рассматриваемые глаголы вместе с глаголами слухового, обонятельного и осязательного восприятия представлены в общей ЛСГ “восприятия”. В этой группе 84 лексические единицы (70 из них представляют собой видовые пары), из которых 60 являются глаголами зрительного восприятия. Тем не менее данная классификация вызывает сомнения, так как выделенные группы глаголов являются автономными лексическими группами, которые характеризуются структурной и семантической спецификой, что имеет двоякое взаимоисключающее следствие: с одной стороны, это подтверждает наличие особой ЛСГ глаголов зрительного восприятия и необходимость их выделения и описания (позитивный аспект), с другой стороны – в известной степени препятствует их вхождению в общесистемную таксономическую классификацию глаголов.

Сказанное выше позволяет сделать одно важное заключение: по характеру семантической доминанты различают две противопоставленные группы – предикаты физического действия и ментальные предикаты, однако при этом глаголы зрительного восприятия трактуются как предикаты со смешанной семантикой, поскольку соединяют в своем значении физический (точнее – физико-физиологический) и ментальный компоненты. При этом перцептивный компонент – включение объекта (единичного предмета или целого перцептивного события) в поле зрения субъекта восприятия – не характеризуется как сугубо физический, «поскольку соответствующий ему аспект ситуации не сводится к восприятию, а предполагает более сложный человеческий контакт» [Кустова 1999: 229].

На существование «бытийного аспекта перцептивности», который связан «с фиксацией предметов и явлений в некотором пространственном фрагменте» [Иванова 2004: 107] указывают многие исследователи (ср. Антонова 1986). Л.А. Антонова отмечает наличие

«фоновой» семы пространства в значении целого ряда глаголов, в том числе и в значении глаголов ЗВ, поскольку «фактически вся деятельность человека протекает в пространстве и может быть ориентирована в нем». При этом отмечается, что актуализации, выявлению потенциальной семы пространства способствуют актанты с пространственной семантикой [Антонова 1986: 14]. Предметом специального исследования становились «наречия с семантикой наблюдения» в качестве пространственных показателей. Как указывает Е.С. Яковлева, такие наречия «всегда описывают предмет речи относительно субъекта восприятия (говорящего)» и используются в актуальных высказываниях с интенцией «изобразительность» [Яковлева 1994: 23-25].

М.Б. Примова, рассматривая ЛСГ глаголов ЗВ в русском языке, выделяет следующие дифференцирующие семы в значении русских глаголов ЗВ: издали (*завидеть*), конец восприятия (*досмотреть, рассмотреть*), некоторое время (*посмотреть*), время от времени (*посматривать*), много (*насмотреться*), усиленно, внимательно (*всмотреться, всматриваться*), напрягать зрение (*присмотреться, присматриваться*), с увлечением (*засмотреться/засматриваться*), внимательно, до конца (*высмотреть, высматривать*), внимательно смотреть от начала до конца (*просмотреть, просматривать, осмотреть, осматривать*), тайком (*подсмотреть, подсматривать*), пристально и продолжительно (многие глагольные словосочетания) [Примова 1983: 52-55].

А.А. Кретов указывает на существование двух подходов к выделению ЛСГ глаголов ЗВ – в узком и широком понимании [см. Кретов 1981, 1984, 1986, 1992]. При узком понимании критерием выделения ЛСГ становится характер синтаксической сочетаемости глаголов, рассматриваются только субъектноориентированные глаголы, у которых субъект в предложении занимает позицию подлежащего. В этом случае внутри ЛСГ ЗВ, как правило, выделяются две большие подгруппы: глаголы типа *смотреть* и глаголы типа *видеть*, противопоставленные по ряду признаков: активность/пассивность, целенаправленность/нецеленаправленность, результативность/нерезультативность, направленность от субъекта к объекту или наоборот. При этом отношения между членами глагольной пары *смотреть/видеть* трактуются как особый вид семантических отношений –

отношение взаимодополнения.

При широкой трактовке в поле зрения исследователей попадают глаголы, связанные не только с субъектным, но и с объектным планом (глаголы типа *виднеться*), глаголы, обозначающие приобретение или утрату ЗВ (*прозреть, ослепнуть*) и даже каузативные глаголы ЗВ (*показать, спрятать* и др.). Следовательно, делает вывод автор, вопрос о границах ЛСГ ЗВ при ее широкой трактовке — «во многом вопрос научного договора» [Кретов 1992: 107-110].

«**Большой толковый словарь русских глаголов**» (под редакцией Л.Г. Бабенко, 2009) содержит свыше 10000 глаголов. В нем рассматриваются и глаголы восприятия в рамках поля «интеллектуальная деятельность». При этом глагол *видеть* входит в группу глаголов восприятия лишь в одном значении, тогда как в группу глаголов понимания – в трех [БТСРГ 2009: 303, 311]. В данном словаре существенно расширен состав представленных групп. Так, в него включены некоторые глаголы, не являющиеся по основному своему значению глаголами восприятия, но выступающими в этом качестве в соответствующих контекстах, приобретающими это значение при употреблении. Например, «*впиваться* – перен. ‘воспринимать кого-, что-либо, останавливая на предмете восприятия пристальный взгляд, упорно рассматривая его, словно впуская, вонзая в кого-/что-либо жало, зубы и т.п.’» [БТСРГ 2009: 303]. К глаголам зрительного восприятия отнесены и лексемы типа *мигать, подмигивать, перемигиваться*, и глагольные сочетания типа *опустить глаза, закатывать глаза* и другие. Однако вопрос включения в состав группы глаголов зрительного восприятия данных глаголов и глагольных сочетаний является спорным и не имеет однозначного решения. Дело в том, что в их толковании отсутствует семантический множитель “воспринимать”, отсутствует и объектный актант – Перцепт. Эти и подобные им слова связаны с определенным эмоциональным состоянием, их скорее относят к группе «глаголов эмоционального жеста». Кроме того, в словаре глаголы зрительного и слухового восприятия описываются в одной группе глаголов. При этом в словарь не вошли глаголы обоняния, а глаголы осязания включены в группу «глаголы физического воздействия на объект». Причиной столь разнообразных классификаций глаголов зрения является то, что каждая ЛСГ

не является строго изолированным образованием, между глаголами существуют разнообразие системные смысловые связи, и за отправную точку выделения подгрупп внутри них берутся разные критерии.

Из работ последних лет, посвященных глаголам зрительного восприятия, отметим также исследования Ю.Ю. Архиповой [Архипова 2000], Е.Ф. Косицыной [Косицына 2002] и Ю.П. Бызовой [Бызова 2004].

В работе **Ю.Ю. Архиповой** подробно проанализированы состав, семантика и механизм функционирования ЛСГ глаголов зрительного восприятия в художественных текстах на двух этапах развития русского литературного языка (первой половины XIX и конца XX веков). Автор выделяет 91 глагол зрительного восприятия и распределяет их в составе ЛСГ на 37 микрогрупп – на основе общих синтаксических характеристик глаголов, входящих в данные микрогруппы [Архипова 2000: 29, 52]. Ядро ЛСГ составляют нейтральные, немаркированные единицы, на периферии находятся различные микрогруппы: глаголы со значением «смотреть на свое отражение»; глаголы и глагольные сочетания, выражающие «идею света, блеска, огня», выделенные Л.М. Васильевым; «глаголы эмоционального жеста», выделенные Л.Г. Бабенко [там же: 23, 138-140]. В состав микрогрупп включены и такие глагольные сочетания, как, например, *окинуть взором*, *наводит взгляд*, *кинуть взгляд* и другие, что значительно расширило рамки данной ЛСГ. Индивидуально-авторские глаголы, не отмеченные в словарях как глаголы ЗВ и актуализирующие в художественном тексте вторичные компоненты значения, в данной работе не рассматриваются в составе ЛСГ ЗВ. По мнению автора, их правильнее рассматривать в составе функционально-семантического класса глаголов ЗВ [там же: 166-167].

Е.Ф. Косицына в своей работе “Семантические валентности глаголов зрительного восприятия и способы их выражения” (2002) выделяет 64 глагола зрения и распределяет их по пяти подгруппам: 1) глаголы зрительного восприятия (*видеть*, *увидеть*, *зреть*, *разглядеть* и т.д.); 2) глаголы направленного зрения (*глядеть*, *озирать*, *смотреть*, *глазеть* и т.д.); 3) глаголы, обозначающие “быть доступным для восприятия” (*виднеться*, *выглядывать*

(из-под платья)); 4) глаголы целенаправленного зрительного восприятия (*смотреть, посмотреть* (фильм)); 5) глаголы, обозначающие способность зрения (*видеть, прозреть, слепнуть, ослепнуть*). Однако отметим, что автор не включает в сферу своего исследования «ментальные модификации» данных глаголов на семантическом уровне, ограничившись анализом валентной структуры базовых ЛСВ глаголов зрения и их реализаций на поверхностно-синтаксическом уровне.

Проанализировав различные подходы к семантической классификации глаголов ЗВ, **Ю.П. Бызова** выделила четыре подгруппы глаголов ЗВ. Первые две группы представляют собой традиционно выделяемые группы 1) глаголов (целе)направленного ЗВ (глаголы типа *смотреть*), и 2) глаголов не(целе)направленного ЗВ (глаголы типа *видеть*). Оба синонимических ряда объединяет способность глаголов, входящих в их состав, функционировать в составе субъектно-ориентированных конструкций, то есть конструкций, в которых субъект ЗВ занимает позицию подлежащего. Исключение составляют образные модели ЗВ, основанные на метонимическом переносе, когда позицию подлежащего могут занимать существительные *глаза* и *взгляд*, и модели, основанные на олицетворении, когда позицию подлежащего занимает объект восприятия. Третья группа глаголов – глаголы, для которых формирование объектно-ориентированных структур является нормой (глаголы типа *виднеться*). Позицию подлежащего в предложениях с объектно-ориентированными глаголами всегда занимает объект восприятия, тогда как субъект, как правило, имплицитный и становится очевидным из контекста. И, наконец, последняя группа – глаголы внутреннего восприятия, которые используются для описания ситуаций ирреального ЗВ, то есть с их помощью зрительные образы, не существующие в реальности, описываются как реально существующие (глаголы *представить, вообразить* и т.д.) [Бызова 2004: 36-37].

Таким образом, из сказанного можно сделать вывод, что в современной лингвистической литературе состав глаголов зрительного восприятия не постоянный и не фиксированный и их количество варьируется в диапазоне от 60 до 91 лексемы.

ВЫВОДЫ ПО ПЕРВОЙ ГЛАВЕ

Проведенный аналитический обзор основных лексико-семантических классификаций глаголов, представляющих несомненный интерес в современном языкознании, позволил нам представить основные таксономические типы глаголов и описать принципы их классификации. Параллельно решались сопутствующие, вспомогательные вопросы:

- 1) рассмотрены определение глагола и классификации глаголов в традиционной грамматике, а также в описательных академических грамматиках, в частности, в Грамматике-70 и Грамматике-80;
- 2) проанализированы классификации глагольных (предикатных) типов в различных ответвлениях функциональной лингвистики – в американской (З. Вендлер, У. Чейф) и русской (Г.А. Золотова, М.В. Всеволодова, В.А. Плунгян, Е.В. Падучева);
- 3) изучены функционально-семантические, функционально-синтаксические, логико-семантические, универсально-семиологические, лексико-семантические параметры, которые были использованы различными авторами при создании глагольно-предикатных классификаций.

В результате такого обширного обзора были выявлены как значимость каждой из классификаций, так и общие, совпадающие и соприкасающиеся аспекты. Данный обзор глагольных классификаций, разумеется, не исчерпывает всех имеющихся в современной лингвистической науке таксономий глагольных типов. Но даже этот далеко не полный перечень подходов и классификаций показывает, во-первых, неослабевающий интерес лингвистов разных школ и направлений к данной проблеме, во-вторых, отражает исключительную сложность самой проблемы, отсюда и пестрый разнобой в подходах к ее решению. Кроме того, нельзя не отметить также, что при обращении к общей таксономии глаголов современные исследователи, авторы пособий, учебников и словарей в основном опираются именно на рассмотренные в нашей работе классификации, получившие широкое признание как в теоретической, так и в методической, практически ориентированной литературе.

- 4) Представленные классификации наиболее адекватно соответствуют характеру сложившейся парадигмы и точно представляют динамику развития данной проблемы.

Как видно из нашего анализа, она еще далека от своего окончательного решения: классификационные типы предикатов у разных авторов практически никогда полностью не совпадают. Нельзя также признать критерии, которые применяют лингвисты для выделения и описания предикатных типов, окончательными и исчерпывающими. В каждом из серьезных исследований предлагаются лишь некоторые из некоего универсального набора существенных признаков, на основе которых систематизируются и классифицируются семантические типы предикатов.

- 5) Были рассмотрены также подходы разных исследователей, в частности Л.М. Васильева, М.Б. Примовой, А.А. Кротова, Л.Г. Бабенко, Ю.Ю. Архиповой, Е.Ф. Косицыной и Ю.П. Бызовой, к определению состава, структуры и выявлению общих критериев выделения собственно ЛСГ глаголов зрительного восприятия в русском языке. Несмотря на многочисленные исследования, вопрос о составе группы глаголов зрительного восприятия остается одним из спорных и до конца не решенных: количество глаголов, входящих в данную группу, в различных словарях и справочниках, а также научных исследованиях колеблется, не совпадает также распределение слов на подгруппы.

Сопоставительный анализ современной лингвистической литературы, посвященной данному вопросу, позволяет утверждать, что состав глаголов зрительного восприятия непостоянен и нефиксирован и их количество варьируется в диапазоне от 60 до 91 лексемы.

ГЛАВА II

ГЛАГОЛЫ ЗРИТЕЛЬНОГО ВОСПРИЯТИЯ В СВЕТЕ ТЕОРИИ ВАЛЕНТНОСТИ

2.1. Теория валентности: к постановке проблемы

Многообразие лексико-семантических и синтаксических связей, в которые вступает слово в потоке речи, породило обилие терминов, обозначающих актуализацию таких связей: *сочетаемость, управление, дистрибуция*, но наиболее продуктивным и востребованным оказался термин *валентность* (лат. *valentia* – ‘сила’). Мы в своей работе также отдаем предпочтение термину *валентность*, поскольку указанные термины: и *сочетаемость*, и *управление*, и в определенной степени *дистрибуция* представляют собой лишь реализацию валентности¹. «Валентность признается <лингвистами> фактом языка, а сочетаемость – явлением речи» [Косицына 2002: 8].

Однако необходимо отметить, что при определении понятия валентности лингвисты нередко прибегают к синонимическому термину “сочетаемость”, невольно подчеркивая родственность этих понятий. Так, Л.Н. Засорина и В.П. Берков определяют валентность как «потенциальную сочетаемость однородных элементов языка» [Засорина, Берков 1961: 133]. При этом они мотивируют замену одного термина другим следующим образом: «... мы употребляем слово «валентность» вместо ставшего в результате длительного употребления не вполне определенным слова «сочетаемость»» [там же: 134]. В научной литературе встречаются и более развернутые и точные определения валентности, тоже апеллирующие к понятию “сочетаемости”: «Валентность глагола понимается как обусловленная его

---

¹ Разграничению понятий «валентность» и «сочетаемость» «в рамках общей проблемы уровней языка (с учетом специфики лексических и синтаксических единиц, существующих между теми или другими связями и отношений и т.д.)» посвящена, в частности, статья А.М. Мухина «Валентность и сочетаемость глаголов», в которой он пишет: «... сочетаемость глаголов с другими лексемами устанавливается как в лексических конструкциях – глагольных словосочетаниях (фразах), так и в синтаксических конструкциях – предложениях, для которых глаголы с их сочетательными потенциями служат строительным материалом. Что же касается валентности глаголов, то она определяется только в предложениях – по отношению к синтаксемам, т.е. элементарным синтаксическим единицам, обладающим синтаксической семантикой, которые употребляются при глаголах, особенно в их личных формах» [Мухин 1987: 57].

семантикой способность слова сочетаться с определенным кругом актантов, детерминирующая их семантику, количество, характер (обязательный/ факультативный), способ и форму выражения» [Кибардина 1988: 13]. С другой стороны, желание избежать синонимической подмены терминов может привести к курьезным определениям, как, например, следующее: «Под **валентностью** понимают способность слова, языковой единицы, позволяющую ей вступать в **определенные** отношения с кругом **определенных** одноуровневых единиц» (выделено нами – А.А.) [Косицына 2002: 8], при этом автор успешно избегает обозначения характера этих «определенных отношений». Зато появляется возможность экстраполировать «валентность» на все языковые уровни. Ср.: «Валентности могут быть установлены для самых различных ярусов языка – фонетического, фонологического, лексического, морфологического и др.» [Засорина, Берков 1961: 133]. В то же время следует признать, что перенесение понятия «валентность» на изоморфный синтаксическому словообразовательный уровень оправдывает себя: «наряду с «внешней валентностью» по отношению к словам принимается «внутренняя валентность» по отношению к конститuentам словам (основам, префиксам, суффиксам и т.д.)» [Степанова, Хельбиг 1978: 144; см. также: Степанова 1973: 31-61; Степанова 1968: 156-195; Слонимская 1983: 59-62].

В «Словаре-справочнике лингвистических терминов» Д.Э. Розенталя и М.А. Теленковой валентность толкуется следующим – довольно упрощенным – образом: «способность слова вступать в словосочетания с другими словами» [Розенталь, Теленкова 2003: 48]. Так же обобщенно определена валентность в «Лингвистическом энциклопедическом словаре»: «Валентность – способность слова вступать в синтаксические *связи* с другими элементами» [ЛЭС 1990: 80]. (Однако ср.: «Валентности характеризуют свойства различных языковых единиц кода (языка), тогда как реализованные валентности, или *связи*, принадлежат сообщению (речи)» [Засорина, Берков 1961: 134]). Как видно, авторы последовательно проводят свою методологическую линию: валентность – явление языка, сочетаемость – явление речи. Схожее отношение прослеживается и в работе Л.А. Новикова «Семантика русского языка»: «Валентность является одной из важнейших структурных

характеристик лексических единиц. Она фиксирует типовую сочетаемость данной единицы с другими и *всю* дистрибуцию этой единицы, то есть совокупность *всех* сочетаний (окружений, контекстов), в которых данная единица может встречаться» (курсивом выделено нами – А.А.) [Новиков 1982: 94]. В этой характеристике вызывает сомнение взаимно-однозначное соотнесение валентности и дистрибуции. Дело в том, что с синтаксической точки зрения объем понятия «дистрибуция» шире объема понятия «валентность», однако при этом дистрибуция не затрагивает семантического уровня. Под дистрибуцией понимается – вслед за З. Харрисом – сумма окружений, в которых встречается языковой элемент. Эти окружения элемента А определяются как существующий набор элементов, «с которыми А сочетается и образует высказывание» [цит. по: Степанова, Хельбиг 1978: 148]. Таким образом, дистрибуция – это совокупность («класс») всех окружений (контекстов), в которых может встречаться данная языковая единица, противопоставляемых всем тем окружениям, в которых она встречаться не может... [Ахманова 1969: 137]; валентность же охватывает **не все** элементы, которые встречаются в «окружении» слова, а только валентно-зависимые, но не свободные распространители. Тем самым эти валентно-зависимые окружения представляют собой только часть дистрибуции в целом.

Подводя предварительный итог вышеизложенному, можем констатировать, что, практически во всех определениях валентность характеризуется как **потенция**, как **способность** иметь и реализовать те или иные сочетания.

2.2. Разработка теории валентности в зарубежной лингвистике:

Л. Теньер

В западноевропейском языкознании термин «валентность» в научный обиход ввел в 1950-х гг. выдающийся французский лингвист Л. Теньер¹. Однако обращение к данной проблеме наблюдается и в трудах других ученых. Так, в 1934 г. К. Бюлер фактически

---

¹ Как отмечает М.Д. Степанова, впервые Л. Теньер обратился к этому понятию еще в 1934 г.: Tesnière L. Comment construire une syntaxe? – In: Bulletin de la Faculté des Letters a Strasbourg, 1934, p. 219 ff. [См.: Степанова 1973: 11; Степанова, Хельбиг 1978: 233].

выразил идею валентности, причем вполне в духе современной лингвистики: «... слова определенного класса открывают вокруг себя одно или несколько *вакантных мест* (Leerstellen) [в переводе М.Д. Степановой – *открытых позиций*], которые должны быть заполнены словами определенных других классов» [Бюлер <http>]. Однако эти идеи в дальнейшем не получили развития у Бюлера и так и остались лишь общими наметками, поэтому трудно переоценить заслугу тех лингвистов, которые параллельно с теорией дистрибуции предпринимали попытки создать родственную ей новую теорию структурного синтаксиса. Новая синтаксическая теория, разработка которой связывается с именем французского лингвиста Л. Теньера, получила название теории валентности. Теория Л. Теньера является вербоцентрической, т.е. глагол и глагольность являются доминирующими элементами в системе языка. В предложении также, в соответствии с общей установкой, доминирует “глагольный узел”. «1. Глагольный узел, который является центром предложения в большинстве европейских языков, выражает своего рода **маленькую драму**. Действительно, как в какой-нибудь драме, в нем обязательно имеется действие, а чаще всего также **действующие лица и обстоятельства**. 2. Если перейти от плана драматической реальности к плану структурного синтаксиса, то действие, актеры и обстоятельства становятся соответственно **глаголом, актантами и сирконстантами** (выделено автором) [Теньер 1988: 117]. Л. Теньер связывал валентность только с глаголом и определял ее как число актантов, которые может присоединять глагол, называя актантами «живые существа или предметы, которые участвуют в процессе <выраженном глаголом> в любом качестве, даже в качестве простого статиста, и любым способом, не исключая самого пассивного» [там же]. (Ср.: «актант – любой *член предложения*, обозначающий лицо, предмет, участвующий в процессе, обозначенном глаголом» [ЛЭС 1990: 22]). Л. Теньер писал: «Глагол можно представить себе в виде своеобразного атома с крючками, который может притягивать к себе большее или меньшее число актантов в зависимости от большего или меньшего количества крючков, которыми он обладает, чтобы удерживать эти актанты при себе. Число таких крючков, имеющих у глагола, и, следовательно, число актантов, которыми он способен

управлять, и составляет сущность того, что мы будем называть валентностью глагола» [Теньер 1988: 250]¹.

По числу актантов Л. Теньер различал:

- 1) **авалентные** глаголы (собственно безличные, не способные открывать позиции для актантов, н/р, обозначающие состояние природы: *Смеркается; Вечереет; Морозит*)²;
- 2) **моновалентные** (непереходные – *Альфред спит, дремлет; Собака кусается*);
- 3) **дивалентные** (переходные – *Альфред ударил Бернара*).
- 4) **тривалентные** глаголы (глаголы даяния или говорения – *Альфред дал книгу Шарлю*).

Основное отличие вербоцентрической концепции Л. Теньера от традиционной грамматики в том, что, во-первых, традиционный синтаксис, как критически отмечал еще академик А.А. Шахматов, строится на смешении логических и собственно грамматических признаков, теория же Теньера как явление структурной парадигмы зиждется на формальных основах; во-вторых, если в традиционной грамматике конструктивную основу предложения составляют два главных его члена – подлежащее и сказуемое, то у Л.Теньера конституирующим компонентом предложения является именно глагол, от которого исходят все связи и отношения в предложении. Подлежащее же относится к глагольным актантам наряду с дополнениями, т.е. и подлежащее, и дополнение являются **в равной мере участниками действия, «непосредственно подчиненными глаголу»** (т.е. глагольному сказуемому).

---

¹Образ «атомов с крючками» (les atomes crochus) подсказан Л.Теньеру теорией Демокрита, утверждавшего, что атомы – мельчайшие неделимые элементы – благодаря неровностям своей конфигурации («крючкам») сцепляются между собой, образуя тела [Гак 1988: 618].

²«В латинском предложении Pluit 'Идет дождь' глагол описывает действие без актанта. В предложениях типа It pleut (It rains/It is raining), It neige (It snows/It is snowing) местоимение является псевдосубъектом – всего лишь показатель 3 л. глагола и не выражает ни лица, ни предмета, которые каким-нибудь способом могут участвовать в этом атмосферном явлении» [Теньер 1988: 121].

2.3. Концепция валентности в трудах советских и российских лингвистов: С.Д. Кацнельсон

Хотя именно с Л. Теньером по праву ассоциируется понятие «валентности» (ведь именно он является основоположником «классической» теории валентности), вместе с тем надо сказать, что в русской лингвистической традиции впервые это понятие употребил в 1948 г. замечательный лингвист, германист, компаративист, типолог и теоретик языка С.Д. Кацнельсон. При этом он не ограничивал валентность только сферой глагола: «Полновесное вещественное слово в каждом языке не есть слово вообще, а слово с конкретными синтаксическими потенциями, позволяющими употребить его лишь строго определённым образом, предуказанным уровнем развития грамматических отношений в языке. Это свойство слова определённым образом реализоваться в предложении и вступать в определённые комбинации с другими словами можно было бы назвать **его синтаксической валентностью**» [Кацнельсон 1948: 132; Кацнельсон 1986: 126]. Как можно видеть, у С.Д. Кацнельсона тоже “химические” ассоциации: “Как в химии далеко не всякий элемент способен сочетаться с атомами других элементов, так и в живой целостности речи далеко не каждое слово сочетается с любым другим” [Кацнельсон 1948: 132]. В связи с химико-лингвистической терминологической корреляцией уместно привести комментарий В.З. Демьянкова: «Валентность глаголов в некотором смысле действительно аналогична валентности атома, рассматриваемой в химии: глагол, как и атом, образует «молекулу», называемую глагольной составляющей. Однако аналогия с химической валентностью не является полной: в лингвистической концепции валентности мало учитывается свойство неглагольных атомов также иметь свою валентность» [Демьянков 1980: 339]. Это критическое замечание следует считать вполне справедливым, ибо лишь в 80-е годы и позже понятие валентности стало применяться при исследовании семантики слов других частей речи, не только знаменательных, но даже служебных, в частности частиц [Богуславский 1985].

Идеи С.Д. Кацнельсона обусловили то, что «в советском языкознании развивается более широкое понимание валентности как общей сочетательной способности слова единиц разных уровней. Различаются специфичные для каждого языка сочетательные потенции частей речи, отражающие грамматические закономерности сочетаемости слов, и лексическая валентность, связанная с семантикой слова» [ЛЭС 1990: 80]. Тем не менее наиболее важные свойства валентности традиционно связаны с описанием глагольных предикатов. «Под явными синтаксическими связями, выражаемыми синтаксической морфологией, скрываются глубинные, запрятанные в лексических значениях синтаксические связи. В содержательном плане глагольный предикат – это нечто большее, чем просто лексическое значение. Выражая определенное значение, он в то же время содержит в себе макет будущего предложения. Предикат имеет «места» или «гнезда», заполняемые в предложении словами, категориальные признаки которых находятся в соответствии с категориальным признаком «гнезда». Сочленение внешних форм в предложении воспроизводит лишь частично внутреннее сочленение лексических значений, предопределенное во многом валентностью предикативного признака и скрытыми категориями «заполнителей» его «гнезд» [Кацнельсон 1972: 88]. «В плане содержательной валентности каждое глагольное значение как бы открывает вакантные позиции по числу подразумеваемых им субъектно-объектных функций, и эти позиции с той или иной степенью обязательности подлежат замещению в предложении. От содержательной валентности, формулируемой в терминах субъектно-объектных функций, следует отличать ее морфологическое обнаружение, варьирующее от языка к языку. <...> Если содержательная валентность в принципе универсальна, то ее морфологическое выявление идиозлично по своей природе» [там же: 47].

Стали выделять следующие характеристики валентности, наиболее важные для ее реализации:

1. Общий тип валентности: активная валентность (способность слова присоединять зависимый элемент) и пассивная валентность (способность слова присоединяться к господствующему компоненту сочетания).

2. Облигаторность валентности: обязательная и факультативная валентность.

3. Число актантов: как уже было отмечено, выделяются авалентные, одно-, двух- и трехвалентные глаголы. («Классификация предикатов по числу «мест» носит внешний характер и не затрагивает качественной природы отношений, предполагаемых предикатом. Но и такое чисто количественное определение предикатов играет немаловажную роль в учении о предикатах») [там же: 177].

4. Синтаксическая функция дополняющего члена: при глаголе может быть обязательная валентность следующих типов, а именно:

а) субъектная, например: *Собака* спит.

б) объектная, например: Мальчик читает *книгу*.

в) обстоятельственная, например: Она приехала *из Перми*.

г) предикативная, например: Он стал *педагогом*.

5. Форма дополняющего члена (часть речи, слово или предложение, форма связи). Ср., например: «Я знаю это», «Я знаю этого человека» и «Я знаю, что он пришел»; «Он показал мне свой дом» и «Он показал на дом».

6. Категориальная семантика слова, реализующего валентность. Для глаголов важны такие семантические категории субъекта и объекта, как одушевленность/неодушевленность, конкретность/абстрактность, исчисляемость/неисчисляемость [см.: там же].

2.4. Различные подходы к дифференциации валентностных типов

В 1970-х гг. возникает необходимость в выделении различных видов валентности. Лингвисты предлагают разграничивать логическую, семантическую и синтаксическую валентности. Толчком к исследованию стратификационных видов валентности послужила проблема, возникшая перед учеными в 1960-е гг.: в ряде случаев невозможно было однозначно определить, к какому уровню ее относить: идет ли речь о валентности как формальной или понятийной категории, категории выражения или содержания? На первый взгляд кажется, что этот вопрос имеет альтернативное решение: либо валентность является формальным феноменом и тем самым может относиться к дистрибутивным синтаксическим

фактам, специфичным для каждого отдельного языка, либо это явление понятийного характера и как таковое универсально и является предметом логики отношений. В середине 60-х годов начало выявляться это альтернативное отношение как к самому понятию валентности, так и к его использованию: с одной стороны, оно стало рассматриваться как формальное явление плана выражения предложения, с другой – как явление глубинного, понятийно-универсального характера.

Подход М.Д. Степановой, Г. Хельбига

Первоначальный период, когда оба подхода к понятию валентности противопоставлялись друг другу, сменился новым этапом в его эволюции, когда выявилась не только возможность, но и необходимость выделять различные виды валентности, находящиеся в определенных взаимоотношениях. Весьма наглядно их соотношение изложено в работе М.Д. Степановой и Г. Хельбига «Части речи и проблема валентности в немецком языке». Авторы исходят из достаточно распространенного положения о том, что между действительностью, мышлением и языком имеется диалектическая связь и что явления внеязыковой реальности представляют собой объект мыслительного отражения и одновременно основу мотивации языковых структур, в этом случае, считают авторы, логические суждения в качестве отражения явлений действительности в мышлении представляют собой связующее звено между явлениями действительности и семантико-синтаксической структурой языка. [См.: Степанова, Хельбиг 1978: 154]. Отражаемые в сознании явления, факты действительности выражаются в виде структур высказывания, то есть как логические предикаты с одной или несколькими открытыми позициями, заполняемыми аргументами. Под «аргументами» авторы понимают «члены, зависящие от логического предиката – в отличие от актантов (как членов, синтаксически зависящих от глаголов)» [там же: 155]¹. Наличие одного, двух или более аргументов при предикате зависит

---

¹ В дальнейшем большинство лингвистов отказалось от удвоения терминов, приводящего к усложнению терминологического аппарата, и вслед за выделением семантической и синтаксической валентностей стали выделять семантический и синтаксический актанты: «Синтаксическим актантам противопоставляются

от его понятийного содержания. «Поскольку мы <в данном случае> имеем дело с мыслительными отношениями между логическими предикатами и аргументами, можно говорить о *логической валентности*. Она имеет внеязыковой и универсальный характер и представляет собой отражение отношений между внеязыковыми явлениями» [там же].

«Аргументы к определенным предикатам заполняются соответствующими переменными, принадлежащими к определенным семантическим классам (например: агенс, пациенс, адресат), - в этом случае перед нами *семантическая валентность*» (там же). Семантическая валентность отражает тот факт, что слова (в качестве носителей валентности) требуют определенных контекстных партнеров с определенными семантическими признаками и исключают других контекстных партнеров с иными семантическими признаками. Причем отбор осуществляется на основе совместимости или несовместимости семантических признаков обоих контекстных партнеров, которые в свою очередь мотивированы явлениями действительности. Таким образом, семантическая валентность заключается в ограничении избирательности, регулируемой совместимостью контекстных партнеров. При этом атомарные семантические признаки явно универсальны, но их пучки, составляющие определенные лексемы <точнее – ЛСВ>, варьируются от языка к языку [там же: 156].

2.5. Синтаксическая и семантическая валентность: точки пересечения

Аргументы, которые определенным образом представлены морфолого-синтаксическими единицами (определенными членами предложения и частями речи в определенной форме), репрезентируют *синтаксическую валентность*. Синтаксическая валентность рассматривает облигаторное (обязательное) или факультативное (необязательное) заполнение открытых позиций, количественно и качественно определяемых носителем валентности в каждом отдельном языке. Она регулирует тем самым

семантические. Актанты можно различать как элементы плана содержания, как роль в ситуации, и актанты как позиции в структуре предложения, предназначенные для определенных ролей” [Шустова <http://>]. (О соотношении семантических и синтаксических актантов см. ниже).

заполнение имеющих логико-семантических открытых позиций облигаторными или факультативными актантами и их синтактико-морфологическую репрезентацию частями речи в определенных падежах и определенными членами предложения [там же].

Очевидно, что между синтаксической и семантической валентностью существует зависимость, а семантика глагола является основным фактором, определяющим число и синтаксическую функцию аргументов. В то же время «логико-семантическая валентность лишь предопределяет синтаксическую валентность, но никоим образом не устанавливает и не определяет ее окончательно» [там же: 157]. Но то, что определяется как синтаксическая валентность, характеризует лишь формальную (структурную) сторону. Поэтому семантическая валентность должна рассматриваться как содержательный континуум, а синтаксическая - как форма выражения семантической валентности. Таким образом, теория валентности обращается к проблеме взаимопроникновения синтаксиса в семантику и семантики в синтаксис. М.Д. Степанова обозначает данную проблему как «сочетаемость валентного и компонентного анализа, т. е. выявление пересекающихся сем в составе сочетающихся слов или непосредственно составляющих их основ» [там же: 152]. Обусловленность валентности набором семантических множителей, составляющих значение сочетающихся слов, является в настоящее время общепризнанным фактом: «Семантическая валентность базируется на сочетаемости отдельных семантических компонентов, независимо от того, как их называют в различных лингвистических направлениях – семами, ноэмами, семантическими признаками и т.д.» [там же].

Итак, логическая валентность – это внеязыковое отношение между понятийными содержаниями; семантическая валентность выявляется на основе совместимости и сочетаемости семантических компонентов (признаков, сем); синтаксическая валентность связана с различными способами облигаторного и факультативного заполнения открытых позиций определенного числа и вида, данный тип валентности обладает индивидуальными характеристиками в системе каждого языка. (Нужно заметить, что семантическая и логическая валентности часто объединяются, и тогда говорят о логико-семантической валентности в целом. Дело в том, что «семантическая валентность в значительной мере рассматривается с точки зрения логики отношений, то есть логики предикатов, вследствие

чего и выявляется единая семантико-логическая валентность (число и вид аргументов)» [Степанова, Хельбиг 1978: 159]). На фоне указанных различий выявляется и общность, инвариантная особенность, которая свойственна валентности всех типов: она всегда означает способность (как на логико-семантическом, так и на синтактико-морфологическом уровне) элементов сочетаться с другими элементами, способность иметь определенное число открытых позиций, которые заполняются (могут или должны заполняться) другими определенными элементами.

Подход Ю.Д. Апресяна

Одним из первых отделил понятие валентности от глагольности Ю.Д. Апресян. Согласно Ю.Д. Апресяну, в основе валентности лежит семантический анализ ситуации, с которой соотносится данное слово. При семантическом подходе к анализу валентности предметом исследования становится лексическое значение. Основой внутреннего содержания слова является денотативная ситуация как часть отражаемой в языке действительности, которая складывается из участников ситуации и их состояний, объединенных пространством и временем. На валентный статус может претендовать любой необходимый участник ситуации, который выражается в предложении при данном слове. Значит, прежде чем говорить о валентности, нужно полным и неизбыточным образом описать ситуацию, обозначаемую данным словом. В таком описании должны быть непременно указаны все необходимые (= семантически обязательные) участники, ибо необходимый участник – это, по определению, такой, без которого слово нельзя адекватно понять: «Если лексема L описывает ситуацию, в которой есть обязательный участник X, то говорят, что у L есть **(семантическая) валентность X**. Слово имеет столько валентностей, сколько участников ситуации необходимо упомянуть, чтобы истолковать его исчерпывающим и неизбыточным образом» [Богуславский 1996: 23]. Следовательно, определение семантических валентностей слова – то же, что установление количества участников обозначаемой словом ситуации [Апресян 1995 I: 121]. «Выражения же, которые обозначают участников ситуации L (= заполняют валентности L)», называются **актантами**

лексемы L [Богуславский 1996: там же]¹. Конечно, в этом случае возникает вопрос о границе между облигаторными и факультативными актантами, который не всегда абсолютно ясен, прозрачен и часто вызывает споры (см. ниже). Зато теперь (семантические) валентности стали вытекать непосредственно из лексического значения слова.

Таким образом, при описании слова необходимо назвать «а) всех участников соответствующей ситуации; б) их положения, состояния, постоянные и переменные свойства; в) их взаимоотношения и действия, включая способ осуществления последних» [Апресян 1995 II: 52]. Описание денотативной ситуации, обозначенной лексемой, средствами специального формального языка, метаязыка, называется толкованием. К толкованию слова предъявляются такие требования, как нетавтологичность, необходимость, достаточность, ступенчатость и эксплицитность. Толкование как лингвистический конструкт предполагает сложную структуру. Основой толкования является ряд переменных, которые называют участников ситуации, а также семантические компоненты, характеризующие участников и взаимоотношения между ними. Переменные – изменяющиеся участники ситуации, а семантическим компонентом называется постоянный участник ситуации; при этом каждая переменная в толковании слова соответствует одной семантической валентности, которая заполняется семантическим актантом. В качестве примера рассмотрим глагол направленного зрения *оглянуться*: «Субъект X, желая воспринять объект Y, направил орган зрения [глаза] на Y, расположенный в месте L, за X-ом». В данном примере переменными являются X (субъект – Эксперидент²), Y (объект – Перцепт) и L (место), а орган зрения обозначен

---

¹Понятие актанта и валентности нередко смешивают, а между тем они имеют разную логическую природу. Если актант слова L – это некоторое **выражение**, отличное от самого L и **переменное** в том смысле, что в разных предложениях оно может быть разным, то валентность слова L – это **постоянное** внутреннее **свойство** самого L, обусловленное его значением. Для пояснения разграничения валентности и актанта И.М. Богуславский предлагает яркую – не химическую, а рыболовную – образную ассоциацию: «Валентность и актант соотносятся, в принципе, так же, как соотносятся, скажем, рыболовный крючок и карась, который на него ловится: постоянный (для данной удочки) крючок может “заполняться” переменными карасями» [Богуславский 1980: 360].

² Термины «Эксперидент» и «Перцепт» заимствованы из работы [Падучева 2004]. Эксперидент – воспринимающий субъект – от англ. experience “испытывать; переживать”; Перцепт – воспринимаемый объект (или ситуация) – от перцепция (лат. perceptio – “восприятие”). Правда, следует отметить, что еще в 1977г. В.В. Богданов ввел в список “семантических функций” Экспериенсив и Перцептив: “Экспериенсив описывает семантему одушевленного аргумента, находящегося в некотором физиологическом или психическом состоянии, которое выражается предикатом. Например: *С трудом различал Кузьма темные, туманные фигуры мужиков* (И.А. Бун. Деревня). <...> Перцептив описывает семантему одушевленного или неодушевленного

постоянным семантическим компонентом. На поверхностно-синтаксический уровень семантические актаны проецируются с помощью определенных словоформ, которые заполняют открываемые данным словом позиции. Для обозначения зависимой позиции в предложении используется термин “синтаксическая валентность”, а синтаксически заполняющая ее словоформа обозначается термином “синтаксический актант”. (В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» семантические и синтаксические актаны разграничиваются следующим образом: «В семантической теории синтаксиса различают семантические (реальные) актаны – отображение элементов ситуации (субъект, объект, адресат и др.) – и синтаксические актаны – члены предложения» [ЛЭС 1990: 22]).

Семантические валентности не изменяются при изменении формы главного слова, если денотативная ситуация остается прежней. Рассмотрим три примера:

- (1) *Студент решил задачу.*
- (2) *Задача решена студентом.*
- (3) *Решение студентом задачи.*

Во всех трех случаях описывается одна и та же ситуация. У предиката *решить* (*решил, решена, решение*) две семантические валентности: субъектная и объектная. Но выражаются они по-разному, т.е. синтаксические валентности реализуются разные: в активной конструкции (1) субъект в предложении является подлежащим, имеет форму Им.п., а объект является прямым дополнением, выражается формой Вин.п. В пассивной конструкции (2) субъект выражен формой Тв.п., а объект становится подлежащим. При девербативе (3) - субъект в Тв.п., а объект в Род.п. Интересно, что если при отглагольном существительном выражена лишь одна семантическая валентность (либо субъект, либо объект), то используется форма родительного падежа: *решение студента* (!) (субъектный генитив), *проверка сочинения* (объектный генитив). Из-за этого может возникнуть неоднозначность: *преследование тигра* (*тигр преследует* или *тигра преследуют*), *критика писателя* (*писатель критикует* или *писателя критикуют*). [О субъектном и объектном генитивах см.: Курилович 1962: 195-196].

аргумента, являющегося объектом физиологического или психического действия или состояния. Например: *Закрывая глаза, я видел его перед собою.* (Л.Т. Детство, отрочество, юность)” [Богданов 1977: 53].

В отличие от синтаксических, семантические валентности оказываются семантически наполненными и различаются по типу выражаемого смыслового отношения и, тем самым, представляются аналогом *семантических ролей*. «Приписываемые им [валентностям] содержания, или «роли», если пользоваться термином Ч. Филлмора (субъект, объект, инструмент, средство, место и т.п.), суть части этого лексического значения» [Апресян 1995 I: 120].

Подходы Ч. Филлмора и его последователей

Для выявления и описания семантических валентностей обычно используется теория глубинных (семантических) падежей Ч. Филлмора, под которыми понимается семантическое отношение аргумента к предикату. «Смыслы падежей образуют набор универсальных, возможно врожденных, понятий, идентифицирующих некоторые типы суждений, которые человек способен делать о событиях, происходящих вокруг него...» [Филлмор 1981₁: 405]. Он предлагает список из следующих семи глубинных падежей (нельзя не отметить здесь, что количество глубинных падежей у Филлмора постоянно подвергалось ревизии и варьировалось в разных работах от 5 до 7): агентив – падеж обычно одушевленного инициатора действия, идентифицируемого с глаголом; датив – падеж одушевленного существа, которое затрагивается состоянием или действием...; инструменталис – падеж неодушевленной силы или предмета, который включен в действие или состояние ... в качестве его причины; фактитив – падеж предмета или существа, которое возникает в результате действия или состояния... или которое понимается как часть значения глагола; объектив – семантически наиболее нейтральный падеж, падеж чего-либо, что может быть обозначено существительным, роль которого в действии или состоянии <...> определяется семантической интерпретацией самого глагола... этот падеж бывает только у названий вещей, которые затрагиваются состоянием или действием...; локатив – падеж, которым характеризуется местоположение или пространственная ориентация действия или состояния [там же: 405-406]. «Теория падежей дает по крайней мере частичное описание семантических валентностей...» [Филлмор 1981₂: 498].

К филлморовской глубинно-падежной теории тесно примыкает концепция В.Г. Гака. Он пользуется термином “глубинная структура” и определяет ее как “лексико-синтаксическую структуру, изоморфную ситуации” [Гак 1969: 78]. В связи с этим «глубинная структура» определяется как «прямая номинация ситуации» (семантический уровень), а «поверхностная структура» - как «косвенная номинация» (синтаксическое оформление) [Гак 1969: 80]. Как известно, поверхностные структуры являются формой и средством проявления глубинных структур, которые представляют смысл высказывания. Семантическая валентность обнаруживается именно на уровне «глубинной структуры». «Глубинная структура понимается как такой уровень, на котором представлена валентная структура глаголов и других предикатов... Глубинная структура является отражением валентности» [Бейлин 2002: 46-47]. Вслед за Ч.Филлмором В.Г. Гак выделяет следующие семь “реальных актантов”, которые может включать в себя глубинная структура: 1) субъект (отправитель); 2) объект; 3) адресат; 4) субстанция, содействующая или препятствующая осуществлению процесса (инициатор, орудие, причина); 5) пространственный конкретизатор (местопребывание, исходная или конечная точка движения); 6) временной конкретизатор; 7) субстанция, которой принадлежит или часть которой составляет субъект или объект [Гак 1969: 80].

В книге Ю.Д. Апресяна «Лексическая семантика» различается до 25 типов семантических валентностей, в число которых входят валентности субъекта (*поезд движется*), контрагента (*защищаться от спаниеля*), реципиента (*давать детям*), адресата (*информировать президента*), результата (*превращаться в воду*), периода (*отпуск на два месяца*), количества (*больше на метр*) и др. Подобный список может содержать и более дробную классификацию типов валентностей – степень дробности в этом случае ограничена следующим условием: близкие по смыслу валентности считаются различными, если они одновременно встречаются в составе валентной структуры одного слова. Таковы, например, валентность инструмента и средства (*писать гусиным пером черной тушью*), контрагента и посредника (*покупать у фирмы через агента*) и др. [Апресян 1995 I: 119-133].

Интересную классификацию “семантических функций” (актантов) предложил В.В. Богданов. Выделив 14 типов, он разбил их на три группы “с точки зрения их отношения к семантическому признаку одушевленность-неодушевленность. К первой группе относятся (1) функции, характеризующие семантемы одушевленных аргументов (агентив, пациентив, бенефициатив, экспериенсив); ко второй (2) – функции для неодушевленных аргументов (объектив, инструментатив, медиатив, элементив); к третьей (3) – функции, способные характеризовать как одушевленные, так и неодушевленные аргументы (перцептив, композитив, ономасиатив, локатив, дескриптив, результатив). Фундаментальное различие между одушевленными и неодушевленными объектами заключается в том, что первые обладают собственным поведением, чего в общем нельзя сказать о вторых. <...> Агентив, например, сам может быть источником своего действия, не нуждаясь при этом в каком-либо постороннем движущем факторе, т.е. он сам определяет свое поведение. Неодушевленные объекты таким свойством не обладают и нуждаются для выполнения того или иного действия во внешнем движущем факторе” [Богданов 1977: 55].

Как можно было убедиться, разными авторами и даже одним и тем же автором в разных работах выделяются разные актанты, что свидетельствует о том факте, что вопрос о количестве и качественных типах актантов до сих пор является дискуссионным и не получил однозначного решения. Название актантов (напр., объектный, субъектный) может не всегда точно соответствовать называемому участнику ситуации. В целях подтверждения сказанного приведем следующий пример: при глаголах с доминантой *смотреть* второй участник ситуации может не только называть предполагаемый объект восприятия, но и указывать направление взгляда, поэтому в ряде случаев семантика того или иного актанта будет уточняться и конкретизироваться. Человеческое сознание может представлять то, что в данный момент не существует. Объект может быть результатом воображения, сильного желания. В предложениях, в которых описывается «ложное восприятие», объектная семантическая валентность заполняется словами, указывающими на нереальность происходящего, например, *мечта, сон, воображение* и т.д. [Вежбицкая 1986: 346]. В современных семантико-синтаксических исследованиях в качестве актантов

рассматриваются не только слова, но и сложные синтаксические структуры – простые и сложные предложения. Этим обусловлена тенденция выделять не только предметные актанты, но и пропозитивные актанты типа Причина, Факт, Следствие, Содержание мысли и т.п. “Глагол предeterminирует не лексические единицы в своем окружении, а некоторые смыслы. С этих позиций объектом изучения становятся “предикатные актанты” – семантические актанты с предикатным значением, которые выражаются преимущественно “глагольными” словами (инфинитивами, деепричастиями и др.) или зависимыми предложениями” [Шустова <http://>; см. также: Богуславский 1980].

Таким образом, многие глаголы имеют валентность не на предмет, а на целую ситуацию, например: *настаивать на чем-либо (на поездке в деревню), обрадоваться чему-либо (приходу друга), убеждать в чем-либо (в том, что надо поступить в университет)*. Как правило, такие семантические валентности имеют несколько способов синтаксического выражения. Рассмотрим их на примере глагола *надеяться*. Здесь две семантические валентности: субъект и объект-ситуация. Вторая валентность может выражаться формой *на+* Вин.п., при этом в данной форме выступает не существительное с конкретным значением, а обозначение ситуации. Это может быть отглагольное существительное: *Мой брат надеется на поступление в университет*. Может быть придаточное предложение: *Мой брат надеется на то, что (он) поступит в университет*. В случае придаточного предложения можно опустить предлог с указательным местоимением: *Мой брат надеется, что поступит в университет*. Может использоваться и инфинитив: *Мой брат надеется поступить в университет*.

Итак, если у глагола есть валентность на ситуацию, способов выразить ее гораздо больше, чем в случае с предметной валентностью. Даже когда мы используем на первый взгляд предметное обозначение: *Мой брат надеется на друга*, – по всей видимости, и здесь имеется в виду какая-то ситуация, которая должна быть ясна из контекста: мой брат надеется на какие-то действия друга, например, на то, что друг поможет или сделает то, что обещал.

Слова имеют разное число потенциальных связей, составляющих основу предложения, иначе говоря, обладают разным числом валентностей. При этом среднее число валентностей,

которые могут встретиться при одной лексеме, колеблется от 1 до 3. Так, слова *любить* и *ненавидеть* имеют две валентности (*любить* — кто, кого, *ненавидеть* — кто, кого), слова *рубить* и *копать* — три валентности (*рубить* — кто, что и чем, *копать* — кто, что и чем), слова *покупать* и *продавать* — четыре валентности (*покупать* — кто, что, у кого, за сколько, *продавать* — кто, что, кому, за сколько), а например, глагол *арендовать* имеет пять валентностей: «А *арендует* С значит <...>, что за какое-то вознаграждение D лицо А приобретает у другого лица В право на эксплуатацию недвижимой собственности С в течение Т. Следовательно, существенными для ситуации аренды являются следующие «участники», или семантические актанты: субъект аренды (тот, кто арендует), первый объект (то, что арендуют), контрагент (тот, у кого арендуют), второй объект (плата) и срок (то, на сколько арендуют). <...> С другой стороны, ничто в ситуации аренды не требует указания того, по какой причине, где, когда, с какой целью она осуществлялась» [Апресян 1995: 120]. Кроме того, актанты играют смысловозначительную роль: один глагол может отличаться от другого набором актантов. Р.И. Розина приписывает глаголу *приехать* в ситуации перемещения следующих участников: того, кто перемещается (агенс), то, куда перемещаются (конечная точка), и то, на чем перемещаются (инструмент), в то время как глагол *прибыть* выделяет только двух участников – агенс и конечную точку. Глагол *купить* имеет следующий набор участников – агенс, пациенс, контрагент, цена [Розина 2005: 37]. «Участие денег отличает ситуацию купли-продажи от изъятия; обязательным участием инструмента глагол *высечь* отличается от *побить*: чтобы высечь, нужен инструмент, а побить можно и руками... Еще пример: у *резать* инструмент – обязательный участник, актант, поскольку толкование должно указать, что он имеет острый край» [Падучева 1999: 8].

2.6. Невыраженные валентности. Случай нетривиального соотношения семантических и синтаксических валентностей

Информация о пропозитивной лексеме складывается из двух частей: обязательных и тех, которые не обязательны, но являются релевантными для данного контекста. При этом семантическая валентность может оставаться невыраженной по следующим причинам. Во-первых, она может заполняться анафорически, напр.: – *Откуда дровишки?* – *Из лесу, вестимо: отец, слышишь, рубит, а я отвожу*, где валентность начальной точки (*из лесу*) и валентность объекта (*дровишки*) глагола *отвозить* выражены в предыдущем предложении, а валентность транспорта – еще раньше (*гляжу, поднимается медленно в гору лошадка, везущая хвосту воз*). Во-вторых, валентность может быть заполнена дейктически – такова валентность конечного пункта, (*отвожу домой*), т.е. 'в то место, где мыслит себя говорящий'. В-третьих, валентность может быть не выражена как несущественная в данной ситуации, коммуникативно нерелевантная, ср.: *он отвез ребенка в школу*, где транспорт подразумевается (является имплицативной семой глагола *отвозить*), но не выражен именно как несущественный для говорящего. Валентность может быть постоянной, неотъемлемой частью самого толкования и поэтому не выражаться поверхностно. В таких случаях говорят о фиксированном, или инкорпорированном актанте. “Инкорпорированный участник – это участник, который <...> обязательно присутствует в ситуации, но не представлен в толковании переменной, поскольку его концепт фиксирован в толковании с точностью до лексемы, а в референциальном отношении он либо константа (т.е. имеет конкретно-референтный или родовой статус), либо зависит от другого участника той же ситуации – например, является его частью, как <семантический компонент, постоянная – «орган зрения» – *глаза*>у глагола *видеть* (глаза — часть того, кто видит)¹” [Падучева 1999: 9].

Следует отметить, что для большинства предикатов число семантических и синтаксических валентностей одинаково. Однако считаем нужным обратить внимание на то,

---

¹Инкорпорированный участник не является константой в полном смысле слова, поскольку, скажем, в контексте *Мы все его видим* участвует не одна пара глаз; но у каждого из видящих глаза свои, что создает "дистрибутивную единственность", см.: [Падучева 1985: 157; Шмелев 1996: 85].

что соотношение валентностей устроено более сложным образом, чем в случае с числом мест в модели управления. Например, в группе глаголов со значением переделывания (а также копирования и воспроизведения) наблюдается явление “склеивания” валентностей, например: *перестроить дом* (в ситуации два семантических актанта: старый дом разрушили и построили новый, а форма, выражающая эти два значения, одна); *перевязать кофту* (распустили одну кофту, связали другую, а обозначили и ту и другую одной формой); *сменить кран в ванной* (старый кран убрали, новый поставили, а форма для обоих опять-таки одна!) – формой Вин. падежа выражаются две семантические роли: элиминатив (то, что уничтожается) и креатив (то, что создается) [Муравенко 1998: 74].

Рассмотрим предложение: *Художник нарисовал сына*. Какой участник ситуации выражен здесь формой прямого дополнения? Пациент, объект, т.е. юноша, позировавший художнику? Или креатив, изображение юноши на картине? Выбор одного из двух допустимых значений может определяться контекстом: *Он разговаривает с юношей, которого нарисовал художник* (здесь мы имеем в виду живого юношу). *Посмотри на эту картину: как замечательно художник нарисовал сына* (а здесь мы говорим об изображении юноши). Если же контекст не подсказывает нам, какое из значений надо выбрать, то мы вновь имеем дело со склеиванием валентностей.

С другой стороны, существует также «расщепление валентностей» для тех случаев, когда одна семантическая валентность слова А представлена на поверхностном уровне с помощью двух соподчиненных А словоформ, напр., *гладить кому-либо голову (гладить кого-либо по голове), чесать кому-либо шею* [Апресян 1995 I: 153-154].

Отмечаются и случаи так называемой валентности-“фикции”, когда семантическая валентность «не порождает сочетаемости», в этом случае валентность не является обязательной, облигаторной и не может быть выражена синтаксически, например, место учобы у слова *школьник*. В семантической структуре данного слова, вообще говоря, обязательно должно быть указание на «место» (‘в каком учебном заведении учится’), но поверхностно этот актант – в отличие, например, от аналогичного актанта лексемы *ученик* –

не может быть выражен, (**школьник 57-й школы*; ср. *ученик 57-й школы*) [см.: Плунгян, Рахилина 1998: 114; Шмелев 1998: 169].

Интересный случай представляют синтаксически не выраженные валентности у реляционных имен, типа *муж, жена, брат, сестра, друг, сосед* и др. В этом случае мы можем иметь дело либо с конситуативным (**прагматическим**) заполнением валентности (и тогда возникает проблема вычисления того, как именно данная валентность заполняется в данной коммуникативной ситуации), либо с абсолютным употреблением имени (и тогда имя перестает быть реляционным). Так, если беседуют две женщины, то высказывание *Муж рассказал мне...* нормально понимается как высказывание о муже говорящей ('мой муж...'), *Что тебе рассказал муж?* – скорее как вопрос о муже слушающей ('... твой муж'), а в высказывании Марины Мнишек *Я слышу речь не мальчика, но мужа* (А.С. Пушкин, «Борис Годунов») слово *муж* употреблено в нереляционной функции.

Если в армянском языке реляционная валентность синтаксически заполняется артиклем (-*ւ*, -*դ*, -*ի*), то в русском безартиклевом языке существует стандартная приоритетная стратегия при определении конситуативного заполнителя данной валентности: субъект действия имеет приоритет перед говорящим, говорящий – перед адресатом речи (а когда одним из участников коммуникации является ребенок, он имеет приоритет перед всеми). В силу этого в высказывании *Иван рассказал обо всем матери* речь, скорее всего, идет о матери Ивана, в высказывании *У мужа неприятности* – о муже говорящей; в высказывании *Жена с работником уехала в деревню за рассадой* слово *жена* обозначает жену говорящего, а в высказывании *Работник с женой уехал в деревню за рассадой* обозначало бы жену работника. Тем не менее различные факторы могут повлечь изменение стратегии: так, высказывание *Вы ненавидите мужа*, взятое изолированно, скорее всего было бы понято как высказывание о муже субъекта предложения, т.е. слушающей, однако в пьесе «Дядя Ваня» А.П. Чехова пол участников коммуникации (Елена Андреевна говорит Войницкому) однозначно показывает, что речь идет о муже говорящей. Неразличение конситуативного (прагматического) заполнения валентности и абсолютного употребления реляционного имени может повести к недоразумениям, как в следующем примере: – *Меня папа прислал за*

почтой, — сказал Никита. — *Почему я должен знать, кто такой папа?* — проговорил он [почтмейстер] крайне недоброжелательно. — *Тут каждый — папа, тут все папы...*, — почтмейстер даже плюнул на пол. — *Фамилия, фамилия, спрашиваю, этому папе-то как?* (А.Н. Толстой, «Детство Никиты»).

Никита употребляет слово папа с референцией к своему отцу, имея в виду ‘мой папа’. Вообще говоря, заполнение реляционной валентности «чей?» не должно было бы вызвать затруднений в данной коммуникативной ситуации. Однако, с точки зрения почтмейстера, такая дескрипция оказалась недостаточной для идентификации лица, о котором идет речь, и, чтобы подчеркнуть это, он сделал вид, что понимает слово *папа* абсолютно, в значении ‘мужчина, имеющий детей’, и дальше сам употреблял слово *папа* именно так.

Из всего этого можно сделать вывод, что соотношение семантических и синтаксических валентностей может быть как одинаково, так и различно¹.

Отметим, что кроме синтаксических актантов Л. Теньером были выделены также *сирконстанты*. Это обстоятельства и характеристики событий во всем их многообразии. Они могут и не быть представлены и выделены в конкретной ситуации, это вероятностный элемент. Например, для глаголов характерны сирконстанты времени, места, способа действия и другие. Однако граница между актантами и сирконстантами не всегда проводится последовательно и четко. Е.В. Падучева предлагает 5 различительных признаков: семантическую обязательность, структурный принцип, коммуникативный ранг, актант как переменный участник ситуации, влияние на смысл. И хотя “ни один не дает однозначного ответа, но все они так или иначе полезны” [Падучева 1999: 8]. В качестве иллюстрации остановимся на первом из них – семантической обязательности. “В первом приближении актанты – это обязательные участники обозначаемой глаголом ситуации, а сирконстанты — факультативные. В [Богуславский 1996: 101] обязательные участники практически отождествлены с актантами (т.е. дополнениями, аргументами), а необязательные — с сирконстантами (обстоятельствами, адьюнктами) – *как если бы актанты всегда были семантически обязательны, а сирконстанты факультативны*. На самом деле, однако,

---

¹ Нетривиальные случаи несоответствия семантической и синтаксической валентностей см. в: Богуславский 1996, Муравенко 1998, Шмелев 1998, Плунгян, Рахилина 1998.

наряду с действительно факультативными сирконстантами, такими как цель или причина, есть участники, выражаемые обстоятельствами, которые являются обязательными параметрами ситуации: из действия нельзя изъять время (если не было момента/отрезка времени, когда произошло событие, значит не было события); из движения, например, бега — скорость; из звука — громкость. Лучше сказать, что «актант — это участник, обязательно присутствующий в кадре ситуации, а сирконстант вводит участника в кадр только своим присутствием в предложении» (выделено курсивом нами – А.А.) [Падучева 1999: там же].

Аналогом семантической модели глагола на поверхностном уровне является сочетаемостная формула или модель управления. В ней фиксируются все возможные способы выражения валентности. При описании синтаксической валентности учитывается количество актантов, их семантика, форма выражения, обязательный или факультативный характер.

2.7. Облигаторность / факультативность валентностей глагола

При анализе глагольной валентности, как семантической, так и синтаксической, учитывается признак обязательности/факультативности. Однако проблема отграничения облигаторных валентностей от факультативных является дискуссионной, поскольку она связана с отсутствием четких критериев для определения признака обязательности/факультативности. Самым распространенным является предложенный Ю.Д. Апресяном метод элиминирования, когда статус (синтаксического) актанта определяется на основе его устранения, опущения. Ю.Д. Апресян считает позицию обязательной, если «она не может быть сокращена (устранена) без нарушения правильности фразы... Факультативной называется позиция, сократимая при том же условии» [Апресян 1967: 47]. Рассмотрим следующий ряд примеров: во фразах 1) *Он владеет секретом*; 2) *Петр перестал работать*; 3) *Стол находился дома*; 4) *Стол находился на улице* позиции N_i , $V\&$, D , на

N_p ¹соответственно являются обязательными (ср. неправильность фраз 1а) *Он владеет; 2а) *Петр перестал; 3а) и 4а) *Стол находился). Примером факультативных позиций могут служить *приN_p*, *заN_a*, *изN_g* во фразах 5) *Дверь скрипит при повороте*; 6) *Рабочие уважают бригадира за принципиальность*, 7) *Он делает зажигалку из патрона* (фразы 5а) *Дверь скрипит*; 6а) *Рабочие уважают бригадира*; 7а) *Он делает зажигалку* правильны) (там же). Иначе говоря, структура предложения (1) содержит синтаксически обязательный актант *секретом*, поскольку его опущение в примере (2) приводит к синтаксической неполноте предложения, к нарушению его грамматической правильности и осмысленности. А, например, при опущении словоформы *при повороте* предложение (5) остается грамматически правильным. «Следовательно, синтаксический актант, выраженный словоформой *секретом*, является обязательным, а синтаксический актант, выраженный словоформой *при повороте*, является факультативным» [Косицына 2002: 20] (хотя правильнее было бы словоформу *при повороте* считать сирконстантом – свободным распространителем (!)). Этого же метода определения облигаторной/факультативной валентности придерживаются М.Д. Степанова и Г. Хельбиг: «Член предложения является облигаторным актантом в том случае, если его элиминирование в поверхностной структуре нарушает грамматичность предложения. Если же член предложения может быть элиминирован, а предложение остается грамматичным, то он является либо факультативным актантом, либо свободным распространителем» [Степанова, Хельбиг 1978: 179]. Однако метод опущения компонентов предложения не всегда учитывает возможного изменения значения глагола и всего предложения, поскольку здесь не принимается во внимание взаимодействие семантики слов, которые занимают определенные синтаксические позиции. (Ср. семантику предикатов в предложениях: а) *Он пишет*, б) *Он пишет письмо*, в) *Он пишет стихи* и г) *Он пишет картину*).

Вопрос о выделении обязательных/факультативных валентностей в настоящее время остается полностью не разработанным. С одной стороны, требование необходимости и

---

¹«N – основа существительного или личного местоимения, V&- инфинитив, D – наречие, подстрочные маленькие латинские буквы обозначают падежи: n – именительный, g – родительный, d – дательный, a – винительный, i – творительный, p – предложный» [Апресян 1967: 38]; в системе символической записи, принятой Н.Ю.Шведовой, - N₅, Inf, Adv, на N₆ [АГ-70: 546-547].

достаточности, предъявляемое к толкованию слова, исключает из состава толкования факультативные элементы. Все компоненты, входящие в структуру толкования, необходимы для исчерпывающего описания ситуации, обозначаемой данной лексемой. С другой стороны, денотативная ситуация может включать таких участников, которые появляются в ней в зависимости от определенных условий. Данные компоненты толкования вводятся в него при помощи слов *или, иногда*. Например, *смотреть* «Эксперимент X направляет орган зрения (глаза) *<иногда при помощи орудия I>* на объект Y (расположенный в месте L)». Выделенный курсивом элемент в толковании лексемы не является обязательным и не предполагает наличия второго участника ситуации, который может быть необходим для исчерпывающего описания денотативной ситуации, обозначенной данной лексемой; факультативными актантами признаются непостоянные, возможные участники (напр.: *смотреть в бинокль на сцену*).

Кроме того, понятие обязательности/факультативности актантов обычно рассматривается только в (формально-)структурном, синтаксическом плане, т.е. при рассмотрении данного признака не разграничиваются содержательный (семантический) и структурный (синтаксический) уровни, что, на наш взгляд, можно рассматривать как вторую причину отсутствия единства мнений относительно характера валентностей. Наиболее концептуальным в решении данной проблемы представляется неременный учет признака «обязательность/ факультативность» на обоих уровнях, что мы наблюдаем, например, в статье Л.Д. Чесноковой, рассматривающей обязательность/ факультативность в двух аспектах – семантическом и структурно-синтаксическом:

- элемент обязателен, если он несет в себе новую информацию; факультативен, если заключенная в нем информация уже передана другими членами конструкции;
- «модельно» обязательными являются такие элементы, которые необходимы для реализации данной модели; «модельно» факультативные – это элементы, которые не участвуют в реализации данной модели [Чеснокова 1973: 7-11].

Несомненный интерес вызывает точка зрения С.М. Кибардиной, которая также считает необходимым выделять не только структурно, но и содержательно обязательные и

факультативные актанты. «В отличие от общепринятой точки зрения, связывающей понятия обязательности и факультативности актантов только со структурой предложения (возможностью их опущения из предложения), в работе разграничиваются прежде всего содержательно обязательные и содержательно факультативные – по роли соответствующих компонентов в семантике глагола, обусловленной степенью коммуникативной необходимости выражения элемента для передачи информации об определенной ситуации» [Кибардина 1988: 14]. В целом С.М. Кибардина разграничивает следующие типы актантов:

(а) содержательно и структурно обязательные актанты – актанты, называющие наиболее важные в коммуникативном плане элементы ситуации, «конституирующие валентностную структуру типа глаголов, не опускаемые из предложения без нарушения его грамматически» [Шустова [http](http://)]. «“Место” для такого актанта предполагает широкое множество возможных заполнений. Ср.: Erwohntin Berlin; Erlegtdas Buchaufden Tisch; Erverläßt den Raum» [Кибардина 1988: там же]. Структурно и содержательно обязательными являются прежде всего субъект (у всех типов глаголов, кроме бессубъектных) и объект (у многих типов или отдельных глаголов), в более редких случаях – другие актанты, например, актант с пространственной семантикой у некоторых глаголов положения в пространстве и движения, актант, называющий признак, у глаголов поведения и некоторых других;

(б) содержательно обязательные, но структурно факультативные актанты – они, в отличие от предыдущего типа, могут отсутствовать в предложении – без нарушения грамматичности предложения и без изменения значения глагола, – но обязательно присутствуют в тексте (восстанавливаются из контекста и/или ситуации). Ср.: Erwartet (aufseinenFreund); Erißt (seinFrühstück) [Кибардина 1988: там же].

(в) содержательно и структурно факультативные актанты – актанты, называющие коммуникативно и информативно менее существенные элементы ситуации. Их появление в предложении регламентируется в первую очередь коммуникативной необходимостью, в то же время они часто способствуют созданию своеобразной "структурной компенсации" в случае отсутствия содержательно обязательных актантов. Актанты этого типа обычно ограничены в семантическом плане и зависят не от типа, а от семантики конкретных

глаголов. Кроме того, они ограничены по широте “места”, что отличает их от (свободных) распространителей; не всегда восстанавливаются из контекста, не изменяют семантики глагола своим присутствием или отсутствием. Ср.: Er schreibt (den Brief) (/mit dem Füller/); Er trank (Milch) (/aus der Tasse/) [Кибардина 1988: 15].

Следует также отметить, что существует определенная зависимость между общим количеством актантов глагола и степенью их обязательности. Глаголы с количеством актантов более 2-х обычно не реализуют полностью свою валентностную структуру. Наличие или отсутствие актантов глагола в предложении является результатом взаимодействия валентностных свойств глагола, обусловленных его семантикой, со структурными факторами организации предложения: его коммуникативной установкой, тенденцией к употреблению наиболее частотных моделей предложения [Кибардина 1986].

2.8. Валентность vs. диатеза vs. залог

Лексическая конверсия была замечена еще в античные времена, однако детальный научный анализ это явление получило с развитием лексической семантики. В новейшее время на это явление обратили внимание такие ученые, как О. Есперсен, А.К. Жолковский, И.А. Мельчук [Жолковский, Мельчук 1965] и др. О.Есперсен связал понятие конверсии с понятием залога, синтаксическое существо которого он усматривал в мене функций между подлежащим и дополнением или в «конвертировании дополнений». Именно в мене синтаксических актантов и мене функций между подлежащим и дополнением – «конвертировании дополнений» – О. Есперсен усматривал смысловые отношения между предложениями А предшествует В и В следует за А [Есперсен 1958: 186]. С явлением конверсии, связанным с понятием залога, можно столкнуться также в работах Л. Теньера, который впервые употребил термин “диатеза” (от греч. diathesis 'расположение'). Под этим термином он имел в виду “разновидности переходного залога, нечто вроде подзалогов” [Теньер 1988: 254]. Диатеза – это синтаксическая категория предиката, отражающая определенное соответствие между участниками обозначаемой предикатом ситуации

(семантическими актантами, выполняющими те или иные семантические роли) и именными членами предложения, заполняющими валентности данного предиката, – синтаксическими актантами, которые выражены морфологическими или синтаксическими средствами.

Л. Теньер различал следующие диатезы: активная, пассивная, возвратная, взаимная. «В самом деле, - пишет он,- если действие подразумевает наличие двух актантов, мы можем рассматривать его по-разному, в зависимости от направления, в котором оно осуществляется, или, если прибегнуть к традиционному термину, в зависимости от направления, в котором оно переходит от одного актанта к другому [там же]. Л. Теньер иллюстрирует эти четыре типа диатез переходного глагола следующей диаграммой [там же: 255]:

Активная диатеза	A → B
Пассивная диатеза	A ← B
Возвратная диатеза (рефлексив)	A → A
Взаимная диатеза (реципрок)	A ↔ B

Легко заметить, что классификация диатез отчасти параллельна классификации залогов, так как **залог – это грамматически маркированная в глаголе диатеза**. Так, при активной диатезе позицию подлежащего занимает субъект (агенс): *Рабочие строят дом*. При пассивной диатезе позицию подлежащего занимает объект – пассивный участник, испытывающий на себе действие (пациенс): *Дом строится рабочими*. При возвратной (рефлексивной) диатезе субъект и объект ситуации тождественны друг другу и выражены одним и тем же актантом (как правило, подлежащим). Рефлексивная диатеза обычно производна и выражается соответствующим залоговым показателем: *Альфред умывается*. При взаимной (реципрокной) диатезе «два действия оказываются параллельными, но противоположно направленными, а каждый из двух актантов играет активную роль в одном действии и одновременно пассивную роль – в другом» [там же]: *Анна и Коля целуются*.

Образно говоря, диатеза – это «своеобразный мост, связующее звено», соединяющее «глубинные падежи» или «семантические актанты» с «синтаксическими актантами». А в

соответствии с классическим определением из [Мельчук, Холодович 1970], диатезой называется соответствие семантических и синтаксических актантов лексемы, т.е. каждому семантическому актанту данной лексемы соответствует один синтаксический актант, а каждому синтаксическому - один семантический. Например, в предложении «Девочка открывает окно» активная форма глагола «открывать» имеет следующую диатезу: агенс ↔ подлежащее, пациенс ↔ прямое дополнение, т.е. слово «девочка» — субъект действия — выступает в Им. п. и занимает позицию подлежащего, слово «окно» — объект действия — выступает в Вин. п. и занимает позицию прямого дополнения. В предложении «Окно открывается девочкой» пассивная форма глагола «открывать» имеет другую диатезу: слово «девочка» — субъект действия — выступает в Тв. п. и занимает позицию агентивного дополнения¹, слово «окно» — объект действия — выступает в Им. п. и занимает позицию подлежащего, и таким образом в трансформированном предложении оно (по терминологии Е.В. Падучевой) повышает свой синтаксический ранг². На наш взгляд, диатеза проявляется в трех плоскостях: не только в семантической (субъект, объект, орудие) и синтаксической (подлежащее, прямое и косвенное дополнение) категориях, но и в морфологической, т.е. употребление именного актанта в требуемой синтаксической позицией падеже.

Выделяется исходная диатеза, при которой каждый участник ситуации («партиципant») обозначен в предложении соответствующим ему канонически оформленным актантом и каждый актант (стоящий в определенной грамматической форме) обозначает соответствующего ему партиципанта, выполняющего в ситуации ту роль, которая стандартно выражается именно данной грамматической формой, - и косвенная диатеза, где имеет место какое-либо отклонение от этой канонической схемы. Так, Ю.Д. Апресян в

---

¹Хотя в пассивных конструкциях дополнение в форме творительного падежа, означающее реального производителя действия, является необязательным [Королев 1969], изъятие этого компонента обедняет предложение в плане информативной ценности, не нарушая его синтаксической целостности. Ср.: *Окно открывается девочкой каждый день.* – *Окно открывается каждый день.* Кроме того, конструкция не может быть отнесена к пассивным, если в ней нельзя опустить дополнение в форме творительного падежа. Устранение этого компонента ведет к потере не только информативной ценности, но и разрушает его как единое синтаксическое целое: *Отъезд брата был вызван безотлагательными делами.* - **Отъезд брата был вызван; Его речь отличалась убедительностью и рассудительностью.* - **Его речь отличалась.*

²В представлении Е.В.Падучевой «синтаксическое оформление участника определяется не только ролью, но и <... > коммуникативным рангом <... >. А ранг – это прагматическая характеристика: она определяет участника через его отношение к фокусу внимания говорящего». И следовательно, «диатетический сдвиг – перераспределение рангов участников» [Падучева 2004: 58-59].

работе (1967) для обозначения исходной (прямой) диатезы использовал термин «ядерная конструкция», а для производной диатезы – термин «конверсная трансформация». «Конверсные отношения» описывает Ю.Д. Апресян и в работе (1974). По терминологии Е.В. Падучевой, ряд глагольных лексем допускает мену диатезы («диатетический сдвиг»), т.е. если диатеза – это “соответствие между семантическими ролями участников и их синтаксическими позициями” [Падучева 2004; 52], то диатетический сдвиг – это изменение такого формально-функционального соответствия.

Из данного определения следует, что, несмотря на то что диатеза и залог часто совпадают, между ними есть существенная разница: разные диатезы глагольной лексемы могут выражаться также одной словоформой, напр.: «Девочка намазала губы помадой» и «Девочка намазала помаду на губы», “Рабочие грузили бочки на корабль” и “Рабочие грузили корабль бочками”. Таким образом, с помощью понятия диатезы фиксируются любые соответствия между ролями глагольной лексемы и выражающими их членами предложения. Это то существенное, в чем понятие диатезы отличается от понятия залога.

Мена диатезы часто сопровождается системным сдвигом в значении лексемы (“всякий диатетический сдвиг, т.е. изменение синтаксических позиций участников, влечет вполне ощутимые различия прагматического порядка” [Падучева 2004: 52]), что лексикографически интерпретируется как другое употребление той же лексемы.

Возвращаясь к схеме Л. Теньера, можно сделать вывод о том, что при возвратной и взаимной диатезе мы фактически имеем дело со «склеиванием» валентностей, т.е. в одной форме выражаются сразу два участника ситуации: и субъект, и одновременно объект действия.

2.9. Глаголы зрительного восприятия через призму концепции диатетического сдвига

Рассмотрим подробнее глаголы зрительного восприятия русского языка в аспекте субъектно-объектного сопровождения действия и то, как влияет мена диатезы на употребление лексемы. Выделяются две подгруппы:

- глаголы субъектного ЗВ: видеть – видеться (+ реципрок), встречать – встречаться (+реципрок), глядеть – глядеться (+ рефлексив), грезить – грезиться, заглядывать – заглядываться, засматривать (*разг.*) – засматриваться, наблюдать – наблюдаться, наглядеть (*прост.*) – наглядеться, косить – коситься, оглядеть – оглядеться, оглядывать – оглядываться, озирать – озираться, осматривать – осматриваться, присмотреть – присмотреться, смотреть – смотреться (+ рефлексив), увидеть – увидеться, усматривать, созерцать;
- глаголы объектного ЗВ: отражать – отражаться, виднеться, завиднеться, показывать – показываться, представлять – представляться, являть – являться, появляться.

При проведении семантического анализа данных глаголов нас больше интересует: а) имеет ли данный глагол возвратный коррелят; б) если коррелят существует, относится ли он к сфере ЗВ. Следует отметить, что глагольные корреляты с постфиксом *-ся* обладают более выраженным признаком «объектности» и в зрительном процессе выражают позицию активного объектного участника.

Основной глагол зрительного восприятия – глагол *видеть*, который имеет возвратный коррелят *видеться*. Рассмотрим, в каких случаях наблюдается совпадение со значением коррелята, а в каких – нет. В значении «*воспринимать зрением (видеть горы вдали)*» наблюдается частичное совпадение со значением «*восприниматься зрением, представляться взору*». *Кой-где чуть видятся кусты (А.С. Пушкин). Сейчас он стоит на взгорье и видится на фоне неба и от этого кажется особенно огромным. (Ф.А. Искандер, «Дедушка»)*. Здесь следует отметить, что в современном русском языке в указанном значении более естественно употребление глагола *виднеться*. Однако, если исходить с субъектно-объектной точки зрения, можно отметить, что в глаголе *виднеться* субъект восприятия отодвинут на второй план, он более пассивен и нередко опускается. По этой причине мы включаем данный глагол в значении «*быть видным, заметным*» в группу глаголов объектного ЗВ.

Для глагола *видеться* более частотное значение «*иметь встречу с кем-л: мы редко видимся*» и «*встречаться, видеть друг друга: видеться с друзьями*». Напрашивается параллель с армянским языком, в котором для пассивного варианта «*տեսնուիլ*» также выделяются значения «*встречаться*»- «*տեսնուիլ*», *հանդիպել* -

(Երեկոյան տանը կտեսնվենք [НКАЯ]) и «быть видимым» – «երևալ, տեսանելի լինել» (Անվանվել է ի պատիվ ամերիկացի ծովագնաց Թոմաս Լոնգի, որը 1987 ին ափ դուրս եկավ մինչ այդ միայն հեռվից տեսնված այդ կղզին [НКАЯ]). Однако в армянском языке в подобных случаях чаще употребляется глагол «երևալ» в значении «быть видимым» (Ափից մոտ 35-40 մետր հեռավորության վրա սև կետեր են երևում [НКАЯ]).

ВЫВОДЫ ПО ВТОРОЙ ГЛАВЕ

Наиболее эффективным инструментом исследования семантико-синтаксической структуры глагольной лексики является теория глагольной валентности, изложению основных вопросов которой, а также многих актуальных проблем, связанных с ней или вытекающих из нее, посвящена вторая глава. В последней представлен следующий круг проблем, продолжающих оставаться в фокусе внимания лингвистов:

- 1) даны различные определения понятия *валентности*, которое отграничивается от квазисинонимичных понятий *сочетаемости*, *управления* и *дистрибуции*;
- 2) хронологически последовательно представлена история формирования теории валентности в лингвистике, как в зарубежной (Л.Теньер), так и в советской и российской науке (С.Д. Кацнельсон, М.Д. Степанова и Г. Хельбиг, Ю.Д. Апресян);
- 3) указаны основные валентные типы глаголов: авалентные, одно-, двух- и трехвалентные глаголы;
- 4) описаны критерии разграничения логических, семантических и синтаксических валентностей, показаны связь и различие понятий *валентность* и *актанты* представлены классификации валентностей Ю.Д. Апресяна, И.М. Богуславского, Ч. Филлмора, В.Г. Гака, В.В. Богданова;
- 5) дифференцированы валентности, заполняемые предметными и предикатными актантами; в последнем случае глаголы имеют валентность не на предмет, а на целую ситуацию, и такая валентность заполняется актантом с предикатным, пропозитивным значением, выражающимся глагольными формами, отглагольными словами либо даже придаточными предложениями;
- 6) рассмотрено явление невыраженной валентности с инкорпорированным актантом;
- 7) представлены случаи нетривиального соотношения семантических и синтаксических валентностей: семантическая валентность слова может быть представлена на поверхностном уровне с помощью двух соподчиненных словоформ, в этом случае мы имеем дело с «расщеплением» валентности; наблюдается и обратное

явление – «склеивание» валентностей, когда одной формой выражаются две семантические роли; кроме того, если семантическая валентность не порождает сочетаемости, то речь идет о валентности-«фикции», как, например, в случае валентности «Место (учебы)» у слова *школьник*.

- 8) исследована проблема разграничения обязательных и факультативных валентностей (Ю.Д. Апресян, Л.Д. Чеснокова, С.М. Кибардина);
- 9) сопоставлены понятия *валентности*, *диатезы* и *залога* (Л. Теньер, И.А. Мельчук и А.А. Холодович, Ю.Д. Апресян, Е.В. Падучева);
- 10) глаголы зрительного восприятия рассмотрены через призму концепции диатетического сдвига.

ГЛАВА III

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ГЛАГОЛОВ ЗРИТЕЛЬНОГО ВОСПРИЯТИЯ

Зрительное восприятие как процесс онтологически делится на два этапа:

- 1) Воспринимающий субъект (Эксперидент) активно использует [= направляет] орган зрения [= глаза] для того, чтобы получить нужную информацию об окружающем мире.
- 2) Субъект воспринимает органом зрения объект (Перцепт).

Эти два этапа детерминируют обязательное выделение двух подгрупп глаголов зрительного восприятия соответственно обозначаемой ситуации:

1. Глаголов направленного зрения, в фокусе внимания которых находится само “отправление” взгляда, результатом которого является восприятие объекта субъектом; базовым глаголом в этой подгруппе является глагол **смотреть 1 / посмотреть 1** (на кого-, что-л.): *Лежать бы, смотреть на море и попивать холодное вино...* (Вадим Крейд. Георгий Иванов в Йере // «Звезда», 2003);
2. Глаголов собственно зрительного восприятия, в семантической структуре которых нет семы «направленности» (на объект Y / на место L), здесь фокусируется лишь само пассивное восприятие; каноническим представителем этой подгруппы является глагол **видеть 2 / увидеть** (кого-, что-л.): *...Нельзя ходить на встречу в темных очках, поскольку человек, с которым ты общаешься, должен видеть твои глаза.* (Сати Спивакова. Не все (2002))

Помимо двух данных подгрупп, составляющих ядро глаголов зрительного восприятия, необходимо указать еще на две дополнительные подгруппы:

3. Глаголы, обозначающие способность зрения.
4. Глаголы, содержащие сему “быть доступным для зрительного восприятия”.

Несмотря на то что ситуация зрительного восприятия предполагает сначала направление взгляда на некий объект или хотя бы ориентацию его в некотором направлении

(*смотреть*), тем не менее исследование глаголов зрительного восприятия считаем целесообразным начать с изучения глагола *видеть* – глагола собственно зрительного восприятия. *Смотреть* и *видеть* связаны семантически как деятельность и результирующее состояние. Еще А.М. Пешковский, анализируя эти глаголы, писал, что «...*смотрю* обозначает процесс зрительного восприятия, а *вижу* – результат этого процесса» [Пешковский 1935: 255]. При этом отличительным свойством глагола *смотреть* является то, что он не всегда имплицитно или обуславливает ‘видеть’: ведь можно смотреть, но не видеть: *Сахаров, который сам был когда-то в таком положении, осознавал эту проблему восприятия – когда смотришь, но не видишь.* (Г. Горелик. Андрей Сахаров. Наука и свобода (2004)); *Отец доходит до ванной и исчезает. Я смотрю и не вижу его...* (Вяч. Дурненков. Мир молится за меня (2005) // «Майские чтения», 2002, №7, 2002)). В этой паре глаголов *видеть* является базовым, именно он представляет ядро глаголов зрительного восприятия; в *смотреть* (*глядеть*) акцент сделан на “отправление” взгляда, его направленность, целью которого и является «видение». Аналогично комментирует эти глаголы Ю.Д. Апресян: «видеть (= ‘воспринимать зрением’), смотреть (= ‘направлять взгляд на что-либо, чтобы увидеть’))» [Апресян 1995 I: 103]. Об этом же пишет Е.В. Падучева: «В классе глаголов восприятия ... акциональные глаголы (*смотреть*, *слушать*) ... образуют периферийную, семантически производную зону. А базовые глаголы восприятия, такие как *видеть*, *слушать*, - это состояния» [Падучева 2004: 205]. Таким образом, перед нами минимальная пара, основанная на противопоставлении таксономических категорий: *видеть* – состояние, *смотреть* – деятельность.

3.1. Глаголы собственно зрительного восприятия

Глаголы подгруппы *видеть* имеют следующее толкование: “Эксперимент Х воспринимает органом зрения Z объект Y, который находится в месте L, формируя зрительный образ Y¹”. Глаголы данной группы обозначают “чистое восприятие”, они сами в себе заключают результат, поэтому в данной ситуации субъект пассивен. Предикат *видеть*

называется в числе «лексических универсалий, то есть универсальных концептов, лексикализованных во всех языках мира» [Вежбицкая 2001: 123].

В словаре С.И. Ожегова приводятся следующие толкования глагола *видеть*: Обладать способностью зрения (*Антон видит*); Воспринимать зрением (*Видеть избу*); Иметь встречу с кем-то (*Сегодня я видела своего давнего друга*); Наблюдать, испытывать (*Видел много страшного за эти годы*); Сознать, усматривать (*Он видел все свои ошибки, совершенные за этот промежуток времени*).

Отметим, что в первом случае семантика глагола ориентирована на субъект и в данном случае не предполагает синтаксического развертывания. Во втором случае мы имеем дело с типичным примером канонического употребления глагола зрительного восприятия и стандартного для него распределения ролей между участниками, возможна оценка видимого (*видеть избу вблизи, вдали, плохо, хорошо*). В третьем случае важным является наличие одушевленного объекта и непосредственного контакта субъекта с объектом зрительного восприятия. Что касается четвертого значения, то здесь речь идет о человеческом опыте, в отношении которого выражаются какие-то эмоции. Пятое значение получает свою актуализацию под воздействием семантики сочетающегося объекта (*видеть свою вину*) [см.: Стрельцова 2007: 53-54, Стрельцова 2009: 126-139].

Базовое значение зрительного восприятия глагола *видеть* представлено ЛСВ *видеть 2.1. – ‘воспринимать зрением’*. Подобное толкование – абсолютно уместное в толковом словаре – не может быть охарактеризовано как удовлетворительное и продуктивное с точки зрения дальнейшего семантического анализа. О попытке применения такого подхода крайне негативно высказывается А. Вежбицкая: «В сфере восприятия один автор недавно попытался обойтись без анализа по признакам, вводя осмысленные формулы, подобные следующей: *видеть* значит ‘воспринимать зрением’. Можно легко представить себе, что описание других глаголов из этого набора выглядело бы так: *обонять* значит ‘воспринимать обонянием’, *ощущать на вкус* – ‘воспринимать вкусом’, *осязать* – ‘воспринимать осязанием’, *слышать* – ‘воспринимать слухом’... Ясно, что анализ такого рода не очень продвигает нас вперед» [Вежбицкая 1986: 338]. (Надо сказать, что толкование посредством

простых смыслов, “примитивов”, предложенное самой А. Вежбицкой в рамках ее теории *linguamentalis*, на наш взгляд, чрезвычайно громоздко и также не может служить отправной точкой анализа; ср.: «I saw (the moon). ‘Я видел луну’ = *нечто произошло у меня в глазах // по причине чего-то, что могло быть сказано о некоем месте // я мог сказать нечто по этой причине о чем-то, находящемся в этом месте // это что-то – луна*» [там же: 348]). Более удачным является принцип замещения неэлементарных абстрактных смыслов словами с конкретными значениями, обозначающими соответствующие органы чувств: *видеть* значит ‘воспринимать глазами’, *слышать* – ‘воспринимать ушами’ и т.д. Об этом же пишет сама А.Вежбицкая, называя такой подход «более привлекательным», но при этом она замечает: «Это выглядит достаточно обещающим, хотя требует подтверждения» [там же: 338]. Так или иначе, но именно этот способ семантической записи значения глаголов восприятия (и в частности, зрительного восприятия) принимается большинством исследователей, например, Е.В. Падучевой, Е.Ф. Косицыной и др. Правда, в толковании Е.В. Падучевой есть одна деталь, которая, как нам кажется, нарушает главное противопоставление между глаголами зрительного восприятия, обозначающими инертное (пассивное) состояние, и глаголами направленного зрения, обозначающими активное восприятие, деятельность: «У увидел X¹ = Экспериент У обратил глаза в то Место [Z], где находится Перцепт X...». Подчеркнутый нами фрагмент толкования присущ скорее глаголам другой подгруппы – направленного зрения. Словно испытывая сомнения в правильности своего толкования, автор предпринимает попытку уточнить его, вводя альтернативный вариант: «...(или, наоборот, имел глаза направленными в то Место, куда переместился X)...» [Падучева 2004: 220]. Как нам кажется, это авторское уточнение немного смягчает категоричность толкования, но полностью положения не спасает, поскольку доля динамичности объекта восприятия имплицитно содержится в нем, что возможно, однако вовсе не обязательно. В то же время речь здесь идет о том, что объект восприятия – Перцепт – находится / оказывается в поле зрения субъекта – Экспериента. Следовательно, постулируется *смежность субъекта и объекта восприятия в пространстве*. Смежность обусловлена именно попаданием объекта в

---

¹ В нашей работе символы X и Y используются с противоположной семантизацией: X – субъект, а Y – объект восприятия.

поле зрения субъекта, независимо от расстояния между ними. Выражение «поле зрения» также не является элементарным (более того, оно метафорично), но более точно подобное положение дел трудно выразить. Например, если вы видите кого-, что-либо, но, к примеру, боковым зрением (например: *Когда мы поравнялись с ними, я боковым зрением заметила их резкое перемещение.* (Сати Спивакова. Не всё (2002)), нельзя сказать, что вы обратили глаза в то место, где находится объект восприятия; нельзя также сказать, что вы «имели глаза направленными в то место, куда переместился объект» – просто он оказался *в поле вашего зрения!* (Следовательно, место в подобных ситуациях служит импликацией восприятия, не случайно и А. Вежбицкая включает семантический компонент *место* в толкование глаголов класса *видеть* (см. выше)).

Проще поступает Е.Ф. Косицына, определяя глагол *воспринимать* как далее неделимый компонент толкования: «*видеть / увидеть (книгу): 'X воспринимает органом зрения Z объект Y, находящийся в месте L...'*» [Косицына 2002: 38]. Мы понимаем, что в данном случае речь идет о попытке опереться на неотъемлемое свойство метаязыка (зд.: метаязыка семантического описания), как однозначность, по крайней мере – недвусмысленность. Тем не менее как раз толкование глагола *воспринимать* позволяет прогнозировать многие потенциальные (а в действительности – имеющие место быть) семантические сдвиги в ЛСВ-ах лексики *видеть*. Глагол *воспринимать* характеризуется семантикой ‘принять к себе, в себя’ – этот «смысл <...> присутствует в означивании ощущения телесного (*воспринимать боль, тепло, холод*), чувственного (*воспринимать зрительно, на слух, осязать, обонять, ощущать на вкус*), а также в означивании обнаружения, уяснения, понимания, осознания воспринимаемого: ‘воспринимать умственно или эмоционально’ (*воспринять чьи-либо слова всерьез*)...» [Шведова 2004: 244]. Более того, сам «глагол *видеть / увидеть* <...> относится к глаголам, заключающим в себе смысл ‘воспринимать чувственно, физически или внутренне – умственно, эмоционально’» [там же].

Для глагола *видеть* характерен признак: *наличие органа зрения (глаз)*, с помощью которого осуществляется процесс зрительного восприятия. Орган зрения в данном случае воспринимается как средство, имплицитно выраженный медиативный актанта, т.е. компонент

‘орган зрения’ считается постоянным, константой, или – в современной лингвистической терминологии – инкорпорированным актантом в толковании глаголов зрительного восприятия, входит в пресуппозицию этих глаголов. Именно поэтому Е.В. Падучева даже не выделяет *глаза* в самостоятельный семантический актант. Хотя, конечно, существуют контексты, в которых компонент *глаза* эксплицируется на поверхностно-синтаксическом уровне (*Я / Он своими собственными глазами видел...*), но тут несколько другая картина. Возникающая избыточность кажущаяся, она необходима для повышения надежности сообщения. Подобное употребление, частотное в аргументативном дискурсе, обычно вызвано необходимостью подтвердить истинность сообщения, т.е. важно, чтобы сообщаемая информация опиралась на перцептивный опыт самого говорящего – *Я* (или, по крайней мере, автора сообщаемой информации – *Он*). Поэтому в этих контекстах акцентируется (в прямом и переносном смысле) не *глазами*, а *своими (собственными)* – отсюда, кстати, и интенсификация. Выражение перестает быть осмысленным, если элиминировать определение, ибо в этом случае компонент *глаза* становится определенно прогнозируемым орудием, а в логике то, что абсолютно прогнозируемо, – избыточно. Употребление компонента *глаза* (ср. *видеть глазами*) на периферии содержит идею о существовании другого, альтернативного органа зрения, что, разумеется, неверно и невозможно. (Речь не идет о пограничных и метафорических контекстах употребления глагола *видеть*, типа *летучая мышь видит мотылька эхолотом*, или *змея видит мышь в тепловом инфракрасном излучении*, или *я вижу его в мысленном взоре*, или *видеть внутренним оком, третьим глазом* и др.). Экспликация органа зрения возможна и в других контекстах, с другими определениями (например, *Я своими близорукими глазами и то увидел*). Так или иначе здесь, как и выше, коммуникативная нагрузка падает на определение, в данном же случае подчеркивается низкое качество функционирования органов зрения (ср.: *Зоркими глазами оглядела их Людмила...* (Ф.К. Сологуб. *Мелкий бес* (1902))).¹ Вообще экспликация инкорпорированного актанта органа зрения на поверхностном уровне объясняется желанием говорящего дать характеристику субъекту действия или самому действию, именно поэтому

---

¹ Данный вопрос требует расширения рамок, включения контекстов с глаголами направленного зрения.

употребление органа восприятия в позиции Инструмента (или Средства) возможно только в сочетании с определениями, описывающими состояние субъекта с точки зрения говорящего и характеризующими его: *Казак сначала посмотрел удивлёнными глазами на вопрошавшего...* (А. Кривицкий. Русский офицер за рубежом (1947)). В случае употребления слов *взгляд*, *взор* в Тв. п. (в сходной позиции) вопрос намного упрощается, ибо в подобных контекстах отсутствует значение Инструмента, на первый план выдвигается адвербиальное значение образа действия: *Она оглядела Даренского опытным взором военнослужащей...* (Василий Гроссман. Жизнь и судьба (1960)); *Она оглядела меня хорошо знакомым быстрым взглядом, в долю секунды определив мое состояние.* (Кира Сурикова. Инвалидная коляска (2003)). Следует отметить и случаи автономного употребления (без определения) слова *глаза* в данной позиции, причем с нарастанием автономизации: от структурной (синтаксической) и контекстуальной обусловленности – к свободному употреблению:

Она блеснула взором. Не посмотрела глазами, а именно блеснула взором. (Виктория Токарева. Просто свободный вечер (1964-1994)).

Десятки раз излечивал лекарь и самого императора, и членов его семьи, но вот однажды, когда император, уже стареющий, пожаловался на головную боль и когда обычные, ходовые средства не помогли, лекарь предложил императору вскрыть голову... Возможно, истовый врач уже и не излечить хотел, а в жажде познания хотел посмотреть глазами, как там и что: что за неведомая боль и почему не унимается? (Владимир Маканин. Утрата (1984))

Яков тронул: лошадь до самой Тверской шла покорной и самой легкой рысцой, но, как въехали на эту улицу, Яков посмотрел глазами, что впереди никто очень не мешает, слегка щелкнул только языком, тронул немного вожжами, и рысак начал забирать. (А.Ф. Писемский. Люди сороковых годов (1869)).

Орган зрительного восприятия – *глаза (очи)* – в принципе может занимать позицию любой валентности (из указанных в толковании) при глаголах зрительного восприятия:

Перцепта: *Он склонил набок голову, чтобы видеть глаза Оксаны.* (Дмитрий Каралис. Роман с героиней // «Звезда», 2001) – органы зрения, как и другие предметы, реалии окружающего мира, могут являться объектом восприятия.

Экспериента (с диатетическим сдвигом): *Его глаза видят весь зал сразу, чтобы мгновенно кинуться в угол, где робко поднимается рука.* (Hoteldrouot: все на продажу (2003) // «Мир & Дом. City», 2003.11.15); *Неужели их глаза видят тот самый мир, который видели его глаза в юности? И неужели тот прекрасный мир и теперь во всей вечной свежести и неизменности стоит перед глазами, но он не видит его, а видит только тусклые огоньки, наводящие уныние и смертную тоску?* (П.С. Романов. Огоньки (1926)). Анализ данных примеров ясно указывает на слияние в синтаксическом актанта в субъектной позиции двух валентностей – Экспериента и инкорпорированного Инструмента, происходит метонимический сдвиг: *глаза* как часть субъекта и одновременно орган восприятия находятся в позиции субъекта восприятия. См. также: *И видит око, да зуб неймет.*

Способа восприятия (частотная позиция): *Краем глаза старался увидеть, нет ли кого поблизости от машины.* (Андрей Геласимов. Ты можешь (2001)); *...краем глаза вижу в запыленном окне неизвестной мне лавки нечто такое, от чего застываю...* (Дина Рубина. Окна (2011)).

И даже валентности Места: *Он взглянул на сына и увидел в глазах у него искры, предвещавшие недоброе.* (Борис Хазанов. Я воскресение и жизнь (1976)).

Итак, в конструкциях с глаголами ЗВ наличие *воспринимающего субъекта и воспринимаемого объекта* является, безусловно, необходимым и обязательным, потому что без них зрительное восприятие невозможно – это *субъектный и объектный актанты*. (*Я с трудом увидел среди студентов Сашу*). Можно констатировать в стандартных ситуациях ЗВ наличие следующих составляющих: *потенциальная зрячесть субъекта, актуальная зрячесть субъекта и актуальная зримость объекта*. Субъектный актант при глаголах зрительного восприятия является, как мы уже отметили, Экспериентом. Характеризация семантической роли Экспериента включает неременный, обязательный признак – одушевленность субъекта восприятия (не в грамматическом, а в семантическом смысле), так

как свойством зрительного восприятия обладают только живые существа. На поверхностно-синтаксическом уровне глаголы собственно зрительного восприятия реализуют модель N_1 ($Pron_1$) – V_f – N_4 ($Pron_4$). Позицию подлежащего занимают существительные, обозначающие человека, представителей животного мира, сказочных, мифологических существ: *Петр видит девушку (ее); Волк увидел зайца...*

Однако в результате семантической деривации глагола позицию Эксперимента могут занять и неодушевленные предметы. Так, *видеть 2.4.* имеет значение **‘испытывать, переживать, а также встречать что-л., сталкиваться с чем-л.’**, которое реализуется в таких канонических примерах, как: 1) *Ярко-красные озера. Таких я никогда не видел.* (МАС); 2) *Много видел он бед и страданий в своей жизни.* В первом примере *видеть* соответствует (тождественно по значению) глаголу *видать 1.1.* ‘неоднократно, много раз видеть, встречать’, а во втором примере – *видать 1.2.* ‘переживать, испытывать’. Но глагол *видеть* в данном значении (2.4.) – хотя правильнее было бы разделить это значение на два (как в случае с глаголом *видать*) – может употребляться и в следующих примерах: 1) *Москва будет рада видеть вас снова.* 2) *Эти стены видели многое.* В первом примере семантическая деривация связана лишь с тривиальным метонимическим сдвигом (‘город’ → ‘жители города’), в то время как во втором случае деривация несколько сложнее: она формируется за счет актанта Место (L) в валентностной структуре глагола: чтобы X мог видеть Y, они должны находиться в одном месте. Следовательно, метафора, которая использована в последнем примере, создается благодаря идее контакта с объектом восприятия, точнее – соположения (метонимический параметр!) “субъекта” и объекта восприятия.

С другой стороны, представляет интерес специфика Эксперимента при глаголе *видеть 2.2.* **‘видеться с кем-либо, лично встретить кого-либо; лицезреть’** (*Вот уже несколько лет, как я не видел своих друзей*). Данное значение указывает на то, что восприятие переходит в межличностный контакт, т.е. Эксперимент в момент восприятия является одновременно Перцептом для субъекта, которого он (Эксперимент) воспринимает. Происходит «склеивание» валентностей. Это значение свойственно почти всем глаголам восприятия в контекстах, где дополнение – лицо.

Объектная валентность, так же как и субъектная, свойственна всем глаголам данного класса. (Напомним, что этой валентности не было только у подгруппы «глаголы, обозначающие способность зрения»). Это второй участник ситуации – воспринимаемый объект – Перцепт. Отличительной особенностью объектной валентности глаголов зрительного восприятия является ее расщепление на две семантические роли – Стимул и Образ. «Первый этап – восприятие внешних признаков объекта – соответствует семантической валентности Стимул... Семантическая валентность Образа соответствует второму и третьему этапу восприятия» [Косицына 2002: 48, 49]. Именно поэтому семантическое толкование глагола *видеть* выглядит следующим образом: ‘X воспринимает органом зрения Z объект Y, находящийся в месте L, и формирует в своем сознании зрительный образ объекта – Y¹’ [там же: 38]. Любопытно, что и А. Вежбицкая – в комментариях Ю.Д. Апресяна – при толковании глагола *видеть* также использовала семантический компонент Образ (а также *глаза* !): *Джон видел лису* = ‘У Джона был образ лисы, потому что глаза Джона пришли в (непрямой) контакт с лисой’ [Апресян 1995 I: 35].

Восприятие стимулов из внешнего мира может стать единственным и последним этапом зрительного восприятия. В связи с этим отметим, что А. Вежбицкая предлагает различать два употребления глагола *видеть*: при одном восприятие практически останавливается на первом из этих этапов, т.е. на этапе восприятия раздражителей из внешнего мира; другое включает оба этапа, и нементальный, и ментальный. Ср.:

«*I see a star*. ‘Я вижу звезду’.

I see a silvery speck in the sky. ‘Я вижу серебряное пятнышко в небе’» [Вежбицкая 1986: 340]. Примеры А.Вежбицкой показывают обратную последовательность этапов, но при этом нужно отметить и более естественную природу первого примера по сравнению со вторым. Во втором примере существенного осмысления субъектом воспринимаемых данных не происходит. Эксперимент воспринимает «раздражители», исходящие от объекта, но не сопоставляет их с образами, имеющимися в его сознании, отсюда можно сделать вывод, что ментальный компонент в данной ситуации практически отсутствует. В первом же примере Эксперимент воспринимает объект и идентифицирует его, определяя его принадлежность к

некоторому классу предметов. Не случайно Н.Д. Арутюнова отмечает, что «наиболее важное требование, которое предъявляет зрительному восприятию функция обоснования знаний и мнений, состоит в том, что «зримое» (будь то сцена, предмет или событие, реальное или виртуальное) должно быть идентифицировано, т.е. опознано как индивид, отнесено к классу, если это предмет, интерпретировано, если это ситуация или событие» [Арутюнова 1989: 23]. И далее она продолжает: «Зрение взрослого человека обращено к картине мира, получившей таксономическую «обработку»: входящие в нее объекты категоризованы. Поэтому объекты глагола *видеть* обозначаются в норме не описательно, а таксономически. В эталонной ситуации не говорят *Я вижу что-то белое, круглое и плоское*, а скорее скажут *Я вижу тарелку*. Конечно, если доведется увидеть летающую тарелку, то она будет обозначена дескриптивно. В сообщениях же о знакомом и обжитом мире выбирается таксономическое обозначение объекта. Таксономическая информация срослась с визуальными признаками. Зрительное восприятие «пропитано» эпистемическими данными» [Арутюнова 1989: 24].

Возвращаясь к семантической роли Образа, входящей в валентность Перцепт, обратим внимание, что обозначение второго и третьего этапа зрительного восприятия как «формирование в своем сознании зрительного образа объекта» несколько нивелирует двуплановость этой семантической роли. Е.В. Падучева, настаивая на двух этапах зрительного восприятия, приходит, однако, к необходимости выделения трех семантических ролей – Стимула (фрагмента действительности, объекта, реально воздействующего на органы чувств), Зрительного образа и Ментального образа. «Зрительное восприятие можно представить состоящим из двух этапов. Первый этап – физиологический [точнее – физико-физиологический], когда орган зрения участвует в ситуации на правах своего рода орудия. На этом этапе возникает зрительный образ предмета (или ситуации), включающий форму, цвет, размер – все характеристики, которые можно наблюдать глазами. На втором этапе зрительный образ подвергается ментальной «обработке»: производится таксономическая идентификация (*увидел березу*), а быть может, также установление тождества предмета с априорной его дескрипцией, выявление свойств, приписывание оценок (*увидел подходящее*

дерево)» [Падучева 2004: 219-220]. Соответственно, Е.В. Падучева включает данные два типа «образов» в свое толкование:

«У увидел X = ‘Эксперимент У обратил глаза в то Место [Z], где находится Перцепт X (или, наоборот, имел глаза направленными в то Место, куда переместился X)

это вызвало:

в сознании У-а возник Зрительный образ <V> X-а

(У сопоставил X-у ментальный Образ <K>)’» [там же: 220].

Компонент «ментальный образ» необязательный, факультативный, поскольку, как показывают примеры А. Вежбицкой, не всегда происходит осмысление полученных зрительных ощущений – тогда процесс зрительного восприятия заканчивается на первом этапе. «Ментальный образ – это концепт увиденного. Он включает таксономическую / концептуальную идентификацию, характеризацию, оценку и прочее» [Падучева 2004: 220]. Таким образом, зрительное восприятие предполагает также *фиксацию и идентификацию объекта в сознании субъекта* (ведь можно смотреть, но не видеть). На этом построены все зрительные головоломки, выкройки из журналов мод. Вначале трудно сориентироваться среди различных цветов и линий, и лишь после внимательного наблюдения и “всматривания” вычерчивается желаемый образ.

Разграничение двух типов «образов» позволяет объяснить разницу в семантике глаголов *видеть 2.1.* / *увидеть 1.1.* и *замечать / заметить 1.1.* В семантике *заметить / замечать* создание Зрительного образа не в фокусе, в центре находится Ментальный образ, он обязателен и акцентирован. В то же время для *видеть / увидеть* Зрительный образ, как мы уже отметили, имеет полноценный акцент. Таким образом, разница между парами данных глаголов не в агентивности *увидеть* и неагентивности *заметить*, как ошибочно полагали некоторые ученые, а в акцентированности Зрительного образа у *увидеть / видеть* и Ментального образа у *заметить / замечать*.¹ Этим обусловлена, к примеру, невозможность

---

¹ Неразграничение двух типов «образов» – зрительного и ментального – приводит либо к неполной, либо даже неверной интерпретации глаголов *заметить / замечать*. (См. Косицына 2002: 50-51). Скрупулезный анализ глагола *заметить* в сопоставлении с *увидеть* см. в: Падучева 2004: 217-231.

экспликации инкорпорированного актанта *глаза* в контексте с *заметить / замечать*: *Я своими собственными глазами заметил.

В стандартном употреблении все три семантические роли – Стимула, Зрительного образа и Ментального образа – совпадают в одном актанте – Перцепте; но в производных употреблениях, т.е. при семантической деривации, могут происходить определенные семантические и/или синтаксические сдвиги: во-первых, не все семантические роли могут актуализироваться; во-вторых, между ними могут устанавливаться разные причинно-следственные, мотивирующие отношения; в-третьих, эти роли на поверхностном уровне могут «играть» разные синтаксические актанты.

Таким образом, значение ЛСВ *видеть 2.1*. ‘воспринимать зрением’, предполагающее Стимул в качестве обязательного компонента, расщепляется на два подтипа восприятия – без идентификации объекта и с его идентификацией (см. выше):

1) Перцепт (= Стимул) → Зрительный образ (*В руках у вождя я увидел непонятный пятнистый пищащий комочек* (о детеныше гепарда));

2) Перцепт (= Стимул) → Зрительный образ → Ментальный образ (*Мы увидели эсэсовцев, приближавшихся к дому*).

Как видно, перцепция и таксономия составляют единый акт, который расчленяется только в ситуации неполноты зрительного восприятия, отсутствия удовлетворительной идентификации или при столкновении с экзотическими объектами (точнее объектами, с которыми Эксперимент столкнулся впервые). Восприятие же только света, цвета, размера – физических признаков предмета – нельзя считать достаточным для полной и адекватной идентификации объекта.

Ядро ЛСГ зрительного восприятия вступает в оппозицию семантическому компоненту «участие в процессе внешнего/внутреннего зрительного восприятия». Ср. наблюдение Н.Д. Арутюновой: «Глаголы зрительного восприятия амбивалентны: они могут соединяться как с предметным, так и с пропозитивным объектом. То же относится к предикатам "внутреннего зрения" (*вообразать, представлять себе, рисовать в воображении*) с тем лишь различием, что объект этих глаголов лишён референции к предмету или событию действительности, т.е.

имеет интенциональный характер» [Арутюнова 1976: 127]. Глагол *видеть* может употребляться в производном значении внутреннего зрения, т.е. воображаемого восприятия, так как в его семантике акцентирован компонент создания зрительного образа. Здесь отсутствует первый этап восприятия. Значение ЛСВ *видеть* 2.3. **‘мысленно представлять, воображать’** разделяется на два узуальных подзначения: 1) «видение, ориентированное в прошлое» (назовем его зрительным воспоминанием) и 2) «видение, ориентированное в будущее», т.е. предвидение (в буквальном, а не эпистемическом значении, т.е. в значении ‘видеть заранее’, а не ‘изучая, анализируя факты, данные и т.п., делать верный вывод о дальнейшем развитии чего-либо’):

1) Перцепт ($\neq$ Стимул) = (Зрительный прообраз) $\leftrightarrow$ Ментальный образ $\rightarrow$ Зрительный образ: *Вижу бабушку как сейчас: она подходит ко мне, пятилетнему карапузу, и прижимает к себе сильно-сильно.*

2) Перцепт ($\neq$ Стимул) = Ментальный образ $\rightarrow$ Зрительный образ: *(Я спросила у гадалки о своем Ванюше. Женщина обернулась ко мне, помолчала минутку и сказала, что видит моего сыночка – вот как сейчас – солидным преуспевающим бизнесменом...).*

В обоих контекстах на формирование Зрительного образа никакой внешней стимул не влияет, эта семантическая роль в Перцепте отсутствует. Зрительный образ возникает под воздействием Ментального образа – «концепта» Перцепта. Таким образом, исчезает Стимул и отношения мотивации между Ментальным образом и Зрительным образом меняются. Однако первый контекст отличается от второго тем, что на формирование самого Ментального образа влияет определенный Зрительный прообраз – человека, предмета, ситуации и т.д. – нечто, увиденное в прошлом, что извлекается из памяти и возникает перед внутренним взором, зрением. (Возникающая «картинка» может соответствовать Стимулу в прошлом, но скорее всего является его субъективной модификацией, так как пропущена сквозь призму сознания, памяти субъекта восприятия. Конечно, даже само актуальное видение субъективно (это отражено в самом языке: *точка зрения, обман зрения* и др.; на этом же основано искусство иллюзиониста и мн. др.), однако в данном случае речь идет о видоизменении самого Зрительного образа (в прошлом), а не о соответствии /

несоответствии воспринимаемого объекта – Стимула – Зрительному образу (и, следовательно, Ментальному образу)).

Как было сказано выше, расщепление Перцепта на разные семантические роли может приводить к тому, что их заполняют разные синтаксические актаны. Так, можно выделить конструкцию, реализующую ЛСВ *видеть* 2.3. ‘представлять’, в которой Стимул выражен сущ./мест. в Вин. п., а Ментальный ↔ Зрительный образы – в Тв. п.: *Она уже видела себя (X) его женой (K↔V)*. Этот контекст позволяет пролить свет на вопрос, каким образом у глагола *видеть* формируется значение (4.) ‘**считать, признавать кого-либо чем-либо, принимать за кого-либо**’. Дело в том, что слова, обозначающие Стимул, с одной стороны, а с другой – Зрительный и, главное, Ментальный образы – в данной конструкции имеют разную семантическую природу: Стимул имеет референтное, денотативное значение, а Ментальный образ – сигнификативное. Поэтому в предложении *Они привыкли видеть Петра (X) возжаком (K)* глагол *видеть* имеет значение (4.) ‘считать’ (в этом контексте Зрительный образ рассеивается). (Ср. следующие примеры: 1) *Ты однажды видел меня девочкой* и 2) *Ты привыкла видеть меня девочкой, и тебе странно, когда у меня серьезное лицо* (Чехов) (МАС). Если в первом примере глагол *видеть* реализует перцептивное значение – зрительного восприятия, то во втором примере в семантике глагола наблюдается переход от перцептивного значения к ментальному, от ‘видеть’ к ‘считать’. Ср.:

Нет, царевич, я не та,

Кем (K↔V) меня (X) ты видеть хочешь,

И давно мои уста

Не целуют, а пророчат. (А.А. Ахматова)

Аналогичный переход происходит и в семантике глаголов направленного восприятия *смотреть, глядеть* и др., но в иной поверхностной структуре и с другими смысловыми нюансами (см. ниже).

Примененный нами способ семантического анализа глагола *видеть*, как нам кажется, позволяет уточнить одно из толкований глагола *видеть* в МАС-е. В словаре под значением (3.2.) ‘**находить, обнаруживать**’, наряду с примером *Случается нередко нам / И труд и*

мудрость видеть там, / Где стоит только догадаться / За дело просто взяться (И.А. Крылов), в котором действительно реализуется данное значение, приводится следующий пример: *Нонна, как другие инженеры, работала на сборке и отгребала снег на путях и, как все, не видела в этом подвига, а видела только необходимость* (Панова). Конечно, в этом примере глагол *видеть* можно истолковать при помощи глагола *находить*, но лишь в его переносном значении, так или иначе связанном со значением 'считать'. Например: *Я нахожу это занятие неинтересным.* (См. *считать* 7.1. 'расценивать каким-либо образом, воспринимать как-либо'). Таким образом, значение *видеть* 4. реализуется еще в одной конструкции: *видеть в ком-, чем-либо кого-, что-либо.* При этом Стимул выражается словоформой в Пред. п. с предлогом *в*, а Ментальный образ – в Вин. п.: *Они видели во мне (X) героя (К); Иван видел в этом событии (X) предзнаменование (К) беды.*

Обратим внимание на функционирование глагола *видеть* (с базовым, визуальным значением) в составе главного предложения – с *что*-придаточными и *как*-придаточными – с характерным для этих союзов противопоставлением события и действия, точнее – цельности и дискретности, процессуальности события. Например: *Он видел, что Маша перешла улицу. – Он видел, как Маша перешла улицу.*

Данные контексты позволяют вычленить еще одно значение глагола *видеть* – (3.1.) **'сознавать, понимать, чувствовать'** (*Он прекрасно видел свои ошибки, но не хотел их признавать; Самуил Яковлевич зацепил вилкой кусок остывшего мяса, поспешно сжевал его, сглотнул, и Медея увидела, что он очень нервничает; Я вижу, что не уедем* (А.П. Чехов) (МАС); *Из твоего письма вижу, что обитаешь на даче, в жилище сирен* (К.Н. Батюшков)). В этом значении мы имеем дело с собственно ментальной сферой, из которой исчезает сема Образа (даже концептуализированного), зато добавляется сема эпистемичности. «Стало принято разделять зрительное восприятие на два типа – перцептивное («простое») и эпистемическое (когнитивное); объект эпистемического восприятия развертывается в пропозицию...» [Арутюнова 1989: 24]. Увеличение разрыва между исходным, сенсорным смыслом глагола и значением его дополнения сказывается на семантике глагола *видеть*,

который постепенно переходит в категорию эпистемических и в конечном счете получает статус глагола пропозициональной установки.

Варьирование объекта при глаголе *видеть* развивается в направлении постепенного его приближения к пропозициональному типу. В связи с этим хотелось бы прокомментировать толкование Е.Ф. Косицыной следующих примеров: «*Смерть Нади, первая, которую я видел воочию, надолго лишила меня чувства жизни* /И.А. Бунин/ или *У меня похолодело под ложечкой, как всегда, когда я в упор видел смерть* /М.А. Булгаков/. Сирконстанты «способа действия» в упор, воочию сдвигают абстрактное значение слова *смерть* в разряд конкретных. Значит, употребление абстрактных существительных в роли аргументов с объектным значением при глаголах анализируемых подгрупп связано с наполнением семантики отвлеченных существительных конкретными действиями и как следствие изменение разряда существительных» [Косицына 2002: 77]. На наш взгляд, «изменения разряда существительного» в данных примерах нет, речь здесь идет скорее не просто о сдвиге в сторону конкретности, но об актуализации пропозиционального значения существительного *смерть*, причем синтаксическая трансформация, «развертывание» пропозиции, осуществляется с помощью *как*-придаточного. Ср.: **У меня похолодело под ложечкой, как всегда, когда я в упор видел, как кто-то умирает*. Более того, расширение контекста подтверждает справедливость нашего предположения: «*Я взял безжизненную руку, привычным уже жестом положил пальцы и вздрогнул. Под пальцами задрожало мелко, часто, потом стало срываться, тянуться в нитку. У меня похолодело привычно под ложечкой, как всегда, когда я в упор видел смерть... Нижняя челюсть девушки задергалась, она словно давилась, потом обвисла, тело напряглось под одеялом, как бы замерло, потом ослабело. И последняя нитка пропала у меня под пальцами*» (М.А. Булгаков. Записки юного врача).

Как нам кажется, не совсем адекватно истолкованы Е.Ф. Косицыной и слова А. Вежбицкой относительно предложений с глаголом *видеть* в качестве глагола пропозициональной установки и *что*-придаточным, структуры I see that... 'Вижу, что...': «Рассуждая о подобных предложениях, А. Вежбицка полагает, что «они представляют собой

репортажи, сообщения какой-то информации, т.е. их можно рассматривать как вставленные в такие структуры, как *Я информирую тебя, что вижу (собаку)*» [Косицына 2002: 79, цитируется Вежбицка 1986: 360]. Но дело в том, что А. Вежбицка как раз противопоставляет данные конструкции, которые она называет не сообщениями, а эвиденциальными [“очевидностными”] заключениями, подлинным сообщениям, типа *вижу (собаку)*. [См.: Вежбицка 1986: 360-361]. С другой стороны, можно согласиться с Е.Ф. Косицыной относительно сомнительности предположения А. Вежбицкой о том, что предложение данного типа фактически никогда не может быть уместным ответом на вопрос ‘Что вы видите?’, поскольку, как можно убедиться, придаточная часть в принципе может служить ответом на данный вопрос, тем более если глагол *видеть* употреблен в своем основном, а не эпистемическом значении, например: «Вижу, что к дому подъехала машина».

Объект видения может претерпевать следующие изменения (модификации, происходящие с ним, представим обобщенно): 1) он утрачивает сенсорную согласованность с глаголом *видеть*: человек «видит» не только зримое, но и вообще чувственно не воспринимаемое: *Он испытывал несчастную способность многих, особенно русских людей, – способность **видеть** и верить в возможность добра и правды, и слишком ясно видеть зло и ложь жизни, для того чтобы быть в силах принимать в ней серьезное участие* (Л.Н. Толстой)); 2) объект “провоцирует” появление нового объекта (*в тебе*), соотносимого с личностью объекта, причем здесь наблюдаются “перевернутые” отношения: новый порожденный актант берет на себя функции объекта, а грамматический прямой объект берет на себя функции квалификатора: *Не **вижу** в тебе друга* ($\approx$ Не вижу (считаю) тебя другом); 3) снимается условие синхронизированности восприятия и его объекта: *Теперь я **вижу**, в чем была моя ошибка*; 4) глагол *видеть* допускает перемещение во вводную позицию: *Нет, вы, я **вижу**, не верите...* (Ф.М. Достоевский); наконец, 5) «видеоинформация» перестает быть достоверной, и к пропозиции может быть предъявлено требование обоснования: - ***Вижу**, что ты мне не поможешь. – Почему это ты так **думаешь**?* (но не видишь!) [см.: Арутюнова 1989].

Переключаясь в эпистемический план глагола *видеть*, а также его дериватов, отметим, что он может приобретать разные, недостаточно четко дифференцированные значения. Обобщая их, можно выделить весь спектр ментальных значений – от знания до мнения, полагания. В таком употреблении *увидеть* приобретает значение “заметить, осознав, проанализировав происходящее, выразить свою точку зрения, свое понимание и отношение к нему”; именно здесь на первый план выходит декартовская “воля”, вовлеченная в механизмы утверждения и отрицания. *Видеть* свою ошибку – *сознавать, усматривать. Вижу ход твоих мыслей.* ('Улавливаю ход твоих мыслей'). «В его семантический диапазон входят значения допущения, сомнения, понимания, заключения (*увидеть* = прийти к выводу), осознания (*увидеть* = отдать себе отчет), приобретения жизненного опыта (*Я видел многое на свете*) и нек. др.» [там же: 29]. Зрительное восприятие можно представить состоящим из нескольких этапов. Первый этап – физиологический. Здесь у воспринимающего возникает зрительный образ предмета (или ситуации), включающий все характеристики, которые можно воспринимать глазами (форму, цвет, размер). На втором этапе (этап психических процессов) зрительный образ объекта подвергается ментальной “обработке”, производится идентификация объекта, выявление его свойств. Однако в ментальном употреблении глаголов зрительного восприятия нужен или возможен еще и третий этап: важно отношение, “некая реакция” воспринимающего, приписывание оценок, мнения.

Реализация глаголом *видеть* ментального значения, способности субъекта все замечать (проницательности) выражается фразеологизмом *видеть на три (на два) аршина под землей (в землю)*, а отсутствие этого свойства – фразеологизмом *не видеть дальше своего (собственного) носа*.

Ментальное значение имеет также фразеологический оборот *видеть насквозь кого* – 'хорошо понимать кого-либо, знать его мысли и намерения': *Князь Андрей улыбался, глядя на сестру, как мы улыбаемся, слушая людей, которых, нам кажется, что мы видим насквозь. (Л. Толстой, Война и мир). Я его насквозь вижу, все дела его знаю вот как свои пять пальцев. (А. Чехов, В овраге).*

Таким образом, основной глагол собственно зрительного восприятия – *видеть* – актуализирует следующие ментальные значения [см. также Апресян 1996: 365]:

1. 'воображать, (мысленно) представлять': *Она уже **видит** себя женой президента = 'Она **представляет** себя в качестве жены президента';*

2. 'понимать, осознавать'. *Самуил посмотрел на Медею большими глазами: - Ну, ты **видишь**, Медея...- Он запнулся, потому что догадался, что она видит всё, что видит он, а сверх того ещё кое-что, и ловко вывернулся: - Теперь такую тяжесть придётся в Симферополь тащить и обратно (НКРЯ) = 'Ну, ты **понимаешь**, Медея, ... теперь такую тяжесть придётся в Симферополь тащить и обратно;*

3. 'знать'. Значение понимания может осложняться компонентом знания. Например: *Я не вижу иных путей выхода из кризиса. = 'Я не знаю иных путей выхода из кризиса';*

4. 'считать'. Ментальное значение может осложняться и компонентом оценивания, субъективного отношения, полагания: *Маша не **видела** в действиях Григория ничего плохого (НКРЯ) = 'Маша не **считала** действия Григория плохими'.*

В заключение считаем необходимым сделать несколько замечаний относительно некоторых сирконстантов глагола *видеть*. В ситуации видения могут присутствовать сирконстанты, обозначающие преграду и проход: *«У меня очень тёплая и уютная комната, много света, и я **вижу в** окно кусок неба», — писал Бакунин своей знакомой Матильде Рейхель. (Юрий Безелянский. Герой. Бунтарь. Анархист // «Наука и жизнь», 2009); Мы **видели сквозь** стекло, как молоточек звонка беззвучно бьет по чашечке. (Б. Болотовский. Эйнштейн и современная картина мира // «Наука и жизнь», 2006]; Она совершенно случайно оказалась около забора в это время и даже кое-что **видела сквозь** щель... (Алексей Слаповский. Синдром Феникса // «Знамя», 2006); и даже:*

Она убедила нас, что **видит сквозь стену**. (И.Э. Кио. Иллюзии без иллюзий (1995-1999)). В число сирконстантов, а по мнению некоторых авторов, например Е.Ф. Косицыной, факультативных актантов, глагола *видеть* входит переменная Инструмент. При помощи различных приборов Экспериент создает условия для наилучшего восприятия Перцепта, поэтому участником ситуации может также являться орудие восприятия: приборы, предназначенные для расширения возможностей зрительного восприятия (бинокль, микроскоп, телескоп, лупа), и приборы, предназначенные для компенсации зрительного восприятия (очки, линзы): *видеть без очков / линз, увидел в микроскоп / телескоп / бинокль...: Самсон Есеич видел в микроскоп мушиную ногу...* (Асар Эппель. Пока и поскольку (1991)); *Мы и Нептуна-то видим только в телескоп*. (К.Э. Циолковский. Любовь к самому себе, или Истинное себялюбие (1928)). По существу, инструмент служит обязательным компонентом при глаголах активно физического действия и должен был плохо согласовываться со стативной природой глагола *видеть*. Но этот глагол относится к состояниям с внутренней каузацией: чтобы видеть, субъект состояния должен обладать соответствующей способностью, точнее – органом, осуществляющим эту способность, т.е. **глазами** (см. выше). По всей вероятности, возможность участия в ситуации Инструмента, усиливающего действие этого органа, вытекает из того, что *глаза* – тоже орудие, инструмент видения. [См.: Падучева 2004: 252]. Таким образом, основное толкование глагола *видеть* можно модифицировать, включив в него факультативную переменную I – Инструмент, обозначающий оптические приборы, улучшающие процесс зрительного восприятия либо компенсирующие его: “Экспериент X воспринимает органом зрения Z-ом <иногда при помощи орудия/инструмента I> объект Y, который находится в месте L, формируя зрительный образ Y¹”.

3.2. Глаголы направленного зрения

Языковое обозначение ситуации направленного зрения опирается на интересную деталь – метафору движения, согласно Е.В.Падучевой – «фиктивного движения». Так,

например, у глагола *смотреть* предмет восприятия (Объект, или Перцепт) оформляется предлогами с локальным значением: *на, в, под, в направлении...*; кроме того, в ситуацию зрительного восприятия может входить участник (актант) Место воспринимающего субъекта (Экспериента) как исходный пункт движения. Таким образом, сочетаемостные связи глагола *смотреть* указывают на существование в его семантике компонента 'движения' – это движение взгляда от Экспериента к Перцепту¹.

В МАС-е определение исходного, базового значения глагола *смотреть I* представлено следующим образом: 'устремлять, направлять взгляд куда-то; иметь глаза направленными на кого-, что-либо'. Следовательно, этот глагол уже в своем основном значении может обозначать две различные ситуации:

1) *смотреть I.1* означает, что человек смотрит и видит (кого-, что-то); в ситуацию входит участник Перцепт (воспринимаемый объект) (*Я смотрю на него, слушаю и думаю, какую же новую легенду привезу о нем в Москву.* [НКРЯ]);

2) *смотреть I.2* обозначает ситуацию, в которой актант Перцепт отсутствует; Экспериент просто смотрит в определенном направлении (есть лишь актант Направление) – может быть, с целью увидеть некоторый предмет, а может быть, и без цели (*Представь себе, что ты стоишь у окна и смотришь наружу.* [НКРЯ]).

Е.В.Падучева, анализирувавшая глаголы восприятия, толкует эти два значения глагола *смотреть* следующим образом:

«*Усмотрит I.1* на X = 'Y имеет взгляд направленным на X и видит X'; 'Y держит X в поле зрения'.

Y смотрит I.2 в/на + предложный падеж; под + творительный падеж/ винительный падеж; в направлении + родительный падеж Z = 'Y имеет взгляд направленным в/на/под/в направлении Z (с целью увидеть X)'» [Падучева 2004: 233].

Однако данное толкование, как нам кажется, является не очень удобным, поскольку включает в себя 1) семантически неэлементарные компоненты, сами нуждающиеся в

---

¹ Е.В. Падучева приводит в качестве дополнительного аргумента в пользу данного семантического признака «многочисленные моторные коллокации со словами *взор, взгляд: бросить (взгляд / взор), скользнуть (взглядом), окинуть (взглядом), отвести (взгляд), перевести (взгляд), пробежать (взглядом), скосить (взгляд), устремить (взгляд), обратить (взор / внимание)*» [Падучева 2004: 232].

толковании (например, *взгляд*), 2) элементы поверхностного синтаксиса, экспликации семантического актанта Места/Направление в модели управления.

Толкование этих значений глагола *смотреть* можно записать следующим образом:

Х смотрит 1.1. на *Y* = 'Экспериент *X* (желая/имея целью воспринять объект, Перцепт *Y*), направляет орган зрения [глаза] на *Y* [расположенный в месте *L*]; например, *смотреть на книгу*.

Х смотрит 1.2. в направлении *Z* = 'Экспериент *X* (с целью / без цели воспринять Перцепт *Y*) направляет орган зрения [глаза] в направлении *Z*'. (Чтобы избежать тавтологичности, можно глагол *направлять* заменить на *устремлять* или предлог *в направлении* заменить на *в сторону*).

Предвосхищая некоторые вопросы, считаем нужным сделать следующие уточнения. Во-первых, общеизвестно, что целевой компонент аксиоматически постулируется при глаголах активного действия, но в данном случае глагол-классификатор приобретает определенные свойства активности, поскольку субъект-антропоним потенциально этой активностью обладает. Во-вторых, подобное «атомизированное» представление глагола *смотреть* не распространяется на случай с неантропонимичным субъектом, ср. *Окна смотрят на улицу; Собака грустно смотрит на хозяина*.

Указанные базовые толкования нуждаются в комментариях. Прежде всего, воспринимающий субъект (Экспериент) является иерархически первым и самым важным участником ситуации. Естественно, общее концептуальное значение восприятия предполагает, что Экспериент – живое существо. Однако при семантической деривации позицию Экспериента могут занять и неодушевленные предметы (см. ниже). Кроме того, как и с глаголами собственно зрительного восприятия, позицию Экспериента могут занять *глаза* – Инструмент по своему исходному актантному статусу при глаголах зрения: *Ее глаза смотрят на меня с ласковой настойчивостью*. (Андрей Геласимов. Год обмана (2003)); *И*

*большие светлые глаза глянули*¹ на меня, грустящие не по-детски мучительно (А.М. Ремизов. В плену (1896-1903)).

Необходимо также указать на важное семантическое различие в статусе Экспериента при глаголах зрительного восприятия (*видеть книгу*) и направленного зрения (*смотреть на книгу*). Экспериент при глаголах собственно зрительного восприятия – в исходном значении – по сравнению с глаголами данной подгруппы пассивен, он не прикладывает никаких усилий, чтобы Перцепт был воспринят. Напротив, Экспериент направленного зрения активен, он направляет орган зрения на Y или в направлении Z. Е.Ф. Косицына, в отличие от Е.В. Падучевой, включает в толкование глаголов направленного зрения семантический компонент Цель: «В толкование описываемых глаголов должен быть включен целевой компонент, поскольку он является тем маркером, который отличает глаголы направленного зрения от глаголов собственно зрительного восприятия» (ср. ‘желая воспринять объект Y’) [Косицына 2002: 59]. Однако нам кажется, что этот компонент, несомненно, очень частотный для глаголов данной подгруппы, все же не является структурно обязательным; ср. *смотреть отрешенным, отсутствующим взглядом*; или *смотреть, но не видеть* (быть погруженным в себя). Это особенно характерно для случаев *смотреть 1.2.*, когда задается даже не Перцепт, а всего лишь направление Z (эта деталь зафиксирована нами в толковании глаголов *смотреть 1.2.* в скобочной записи).

Глагол *посмотреть* (ЛСВ 1.1. и 1.2.) – видовая пара (по Маслову), инцептив (по Падучевой) – описывается аналогично глаголу *смотреть*, однако между ними существует и разница, вновь мотивированная вхождением в разные таксономические классы. Дело в том, что, в отличие от *смотреть* (в обоих основных значениях), *посмотреть* может характеризоваться неконтролируемостью: смотрим мы всегда сознательно, в то время как посмотреть можно и неумышленно, нечаянно. Следовательно, отнесение глагола *посмотреть* к таксономической категории контекстуально обусловлено: он может употребляться как действие (с акцентом на результате – *увидеть*) и как происшествие.

---

¹У глагола *смотреть* есть синоним – *глядеть*, совпадающий с ним и грамматически (в аспектуальных значениях), и семантически (в производных значениях), и словообразовательно (общие лексические дериваты (см. ниже)).

Отметим также, что не все глаголы подгруппы направленного зрения включают семантический компонент цели. Так, в ситуации с глаголами *коситься, глазеть, уставиться, таращиться, вылупиться, пялиться, впериться, воззриться* деятельность воспринимающего субъекта характеризуется как бы со стороны, то есть в толковании открывается позиция нового актанта – Наблюдателя. Таким образом, участвуют два субъекта восприятия: ‘Наблюдатель Н видит, что Х смотрит (1.1.) на Y’. Интересно, что данные глаголы по этой причине обычно не употребляются в форме 1 лица ед.ч., так как в этом случае произошла бы нейтрализация актантов, совпадение Экспериента и Наблюдателя. Однако в принципе возможно следующее употребление (в прошедшем времени): *Я на него уставился; Я минуту таращился на него*; что означает расщепление одного и того же субъекта на Экспериента (в прошлом) и Наблюдателя (тот же субъект описывает и оценивает себя со стороны в настоящем, в момент речи). Надо сказать, что «расщепление» субъекта вообще характерно для конструкций с глаголами в прошедшем времени: фактически мы имеем дело с разными ипостасями одного и того же субъекта-лица – субъект-1 описывает ситуацию, имевшую место в прошлом с ним (субъект-2). Можно сказать, что в данном случае мы сталкиваемся со «склеиванием» валентностей: ведь две валентности – Экспериента и Наблюдателя – передаются одним синтаксическим актантом. Кроме того, включаются еще два момента. Во-первых, очевидно, что в толкование должен быть введен актант Способ. Более того, именно этот компонент находится в фокусе внимания у ряда глаголов этой группы, например: *коситься 2 = ‘смотреть искоса, сбоку’: Кроме того, он молчал так долго, что я начал осторожно на него коситься, пытаюсь понять, не заснул ли он часом.* [НКРЯ]; *глазеть = ‘смотреть на кого-, что-либо из любопытства как на зрелище’: Разбуженные шумом соседи, ничего не понимая, глазели в окна;* *уставиться 3.2. = ‘не сводя глаз, неподвижно смотреть на кого-, что-либо’: Как она вдруг раскроет глаза и уставится на меня!* [НКРЯ]; *таращиться 2 = ‘смотреть, широко раскрыв глаза’: Люська таращится на меня в ужасе, открыв рот.* [НКРЯ]; *вылупиться 2. = ‘уставиться на кого-, что-либо широко раскрытыми глазами’: Детки, хотите, я вам сознаюсь? – Алька снял очки и вылупился на нас страшными глазами. – «Анну Каренину» я не читал! – Он снял колпак и наклонил голову. – Готов принять казнь.*

[НКРЯ]; *пялиться* = ‘смотреть упорно, не отрываясь на кого, что-либо’: *Он сидел на берегу и долго пялился на женские фигуры у противоположного берега; впериться* = ‘устремившись, остановиться на ком-, чем-либо (о глазах, взгляде, взоре)’: — Алла Владимировна икнула и вперилась в меня взглядом голубых и совершенно безумных глаз. (Андрей Волос. Недвижимость (2000) // «Новый Мир», 2001); *воззриться* = ‘устремить глаза на кого-, что-либо, упорно, пристально рассматривая’: *Он воззрился на мое лицо.* [НКРЯ].

Во-вторых, не вызывает сомнения тот факт, что со стороны Наблюдателя выражается оценка направленной зрительной деятельности воспринимающего субъекта; акцентируется не только интенсивность (*таращиться*), длительность и непрерывность (*уставиться, пялиться, воззриться*) или их сочетание (*вылупиться*), но и просто положительная либо отрицательная оценка его зрительной деятельности. Обычно речь идет об отрицательной оценке, поскольку в значениях этих глаголов актуализируется нарушение общепринятых норм, в толкование данных глаголов включается следующий пункт: ‘Наблюдатель неодобрительно оценивает действия Эксперимента’ (для глаголов *уставиться, пялиться, вылупиться, глазеть*; глагол *таращиться* включает дополнительный прагматический компонент – эмоциональное состояние (удивление, страх)). Хотя можно привести и примеры с некоторыми глаголами, обозначающими направленное зрение, в семантическом фокусе которых находится положительная оценка: ср. *созерцать* и, главное, *любоваться*: *Нет ничего приятнее, чем созерцать летней ночью звездное небо; Никогда дочь не казалась ему столь прекрасною; он поневоле ею любовался* [НКРЯ].

Способ восприятия актуализируется и у таких глаголов направленного зрения, как *рассматривать, осматривать, всматриваться* и др. (объектом исследования служат лексические дериваты, собственно деривационный потенциал базовых глаголов *смотреть* и *глядеть*).

Как считает Е.Ф. Косицына, «*рассматривать* и *осматривать* предполагают, что в ситуации восприятия субъект переходит от одной детали объекта к другой и объект для субъекта должен быть обязательно интересен, значим» [Косицына 2002: 55]. Однако анализ этих глаголов позволяет отметить важные отличия в их семантике: в сочетаниях

рассматривать / разглядывать картину, статую, фотографию и т.д. глаголы *рассматривать I* и *разглядывать* получают семантический признак: 'внимательно смотреть на каждую деталь Перцепта в отдельности'. Перцепт при рассматривании может быть как плоским, двухмерным, так и объемным, трехмерным; важно лишь, чтобы он был дискретным, «состоящим из...»; то есть фраза *рассматривать точку (на бумаге / стене)* выглядит сомнительно (в отличие от фразы *всматриваться в точку(на стене – на горизонте)*). *Всматриваться во что-либо* обозначает такой способ зрительной деятельности, при котором субъект сосредоточен на одной детали Перцепта). Причем сами размеры рассматриваемого объекта несущественны, в конце концов можно рассматривать и амёбу, клетку – в микроскоп. При глаголе *осматривать / осмотреть I.1* Перцепт должен характеризоваться объемностью, трехмерностью: 'внимательно, со всех сторон посмотреть на кого-, что-либо; оглядеть'. Соответственно, осматривание предполагает активное зрительное восприятие с разных сторон (*осматривать оружие*) (здесь префикс *о-* имеет значение 'вокруг'). В этом пункте кроется еще одно различие данных глаголов. Рассматривание (в стандартной ситуации) предполагает движение взгляда от одной детали Перцепта к другой при (относительной) неподвижности Эксперимента, если Перцепт двухмерен. При объемном же Перцепте зрительное восприятие может происходить и за счет изменения положения Перцепта по отношению к Эксперименту, то есть обращенностью к нему разными сторонами (при малых размерах Перцепта, например, *вертеть в руках статуэтку и рассматривать ее*), и за счет изменения положения Эксперимента по отношению к Перцепту (например, при больших размерах и статичности Перцепта, например, *обходя статую/дом, рассматривать ее/его с разных / со всех сторон*). Осматривание же допускает лишь зрительное восприятие при объемном Перцепте. Отметим, что глагол *осматривать/осмотреть* имеет еще одно значение (1.2): 'обходя и рассматривая, знакомиться с чем–либо' (*осмотреть картинную галерею, окрестности, квартиру*). В толковании этого значения *осматривать/осмотреть I.2* включается семантический компонент 'движение Эксперимента'. Этот компонент является связующим звеном между *осматривать I.1* и *I.2*, поскольку, как мы уже отметили, чтобы осмотреть статую – со всех

сторон, – мы обходим ее (*обойти* 1 ‘пройти вокруг чего-то’), для того, чтобы осмотреть сад, или квартиру, или галерею..., мы также должны обойти их (*обойти* 4.1 ‘пройти по всему пространству чего-либо; побывать всюду, у всех, переходя от одного к другому’), мы совершаем движение «по кругу», с возвращением в исходную точку. Итак, в семантику глагола *осматривать* / *осмотреть* 1.2. вводится компонент «пространства» - горизонтального, ограниченного (то есть имеющего границы), который может модифицироваться в значение «помещение». Кроме того, чрезвычайно важное отличие между *рассматривать* и *осматривать* заключается в цели двух указанных типов зрительной деятельности. Цель рассматривания может состоять в удовлетворении любопытства, информационной или эстетической потребности. Целью же осматривания, помимо указанного значения, может являться установление соответствия Перцепта (его внешнего вида, состояния) норме. Например: *Домой приехав, пистолеты / он осмотрел, потом вложил / Опять их в ящик* (Пушкин, Евгений Онегин); *Он со всех сторон осмотрел маленького гимназиста* [НКРЯ]. Так, глагол *осматривать* / *осмотреть* 1.2., в значение которого входит компонент ‘рассматривать что-либо’ и ‘знакомиться с чем-либо’, ориентирован на первое целевое значение, а *осматривать* / *осмотреть* 1.1. может ориентироваться на вторую цель.

При осматривании может вестись поиск чего-либо, то есть включается компонент Цель – найти что-либо (часто – нечто, не соответствующее общему стандарту, представляющее собой нечто лишнее, возможно, даже опасность): *Мы осмотрели оружие – оно было в порядке*; или: *Эксперты тщательно осмотрели машину – под капотом оказалась бомба*. Этот семантический компонент становится центральным в производном значении глагола *осматривать* / *осмотреть* 2. ‘производить осмотр; определять состояние здоровья, состояние какого-либо органа путем внешнего осмотра, выслушивания и т.п.’ (*осмотреть больного*). Ср. также одно из устаревших значений глагола *смотреть*: (4.5) (устар.) ‘производить смотр чему-либо’ (воен.) (*смотреть войска; Был получен приказ, что главнокомандующий будет смотреть полк на походе*) [НКРЯ].

Глагольная пара *всмотреться / всматриваться* толкуется в МАС-е следующим образом: ‘напрячь зрение и внимание, чтобы рассмотреть что-либо; взглядеться’, а *вглядеться/ взглядываться* соответственно – ‘пристально, внимательно глядя, постараться рассмотреть, всмотреться’. Для правильного понимания этих глаголов необходимо отметить, что они предполагают определенную цель: 1) различить, идентифицировать оптически сам Перцепт (например, если он слит с фоном (ср. детскую игру «Найди меня») или находится в отдалении: *Охотник еще раз всмотрелся в кусты и вдруг явственно различил волка; Иван всматривался в черную точку на горизонте. Она на глазах росла и вскоре превратилась в зловещую грозовую тучу*); 2) узнать, идентифицировать (зрительно воспринимаемый) Перцепт, когда Эксперимент напрягает память, чтобы вспомнить его (например: *Всмотревшись, он узнал своего друга детства*); 3) наконец, целью направленного зрительного восприятия (в данном случае всматривания) может быть желание увидеть за внешними признаками нечто «внутреннее», например, черты характера. В этом случае вся нагрузка ложится на ментальную обработку зрительно воспринимаемой, получаемой информации и опирается на индивидуальный опыт Эксперимента, его интуицию, на некие стереотипы (например, *Она всматривалась в его фотографию, пытаясь понять, что он за человек*).

Из проведенного нами анализа следует, что глаголы *вглядеться, всмотреться, высмотреть, разглядеть, рассмотреть* (и их видовые пары) объединены также двумя свойствами: они обозначают восприятие, которое возможно при определенных усилиях со стороны Эксперимента, и называют такой тип ситуации, для которого характерно наличие у Эксперимента мотива и цели действия, направленных на восприятие объекта.

Таким образом, направленная зрительная деятельность Эксперимента может проходить как бы три этапа восприятия: от различения, оптической идентификации Перцепта – к его узнаванию, «вспоминанию» – и, наконец, к «восприятию» внутренних характерных черт, обнаруживаемых, проявляющихся во внешних признаках.

Аспекты мотива и цели восприятия, а также Способ восприятия чрезвычайно важны и при толковании глаголов *подсмотреть I / подсматривать и подглядеть / подглядывать*.

Они обозначают конфликтную ситуацию, в которой сталкиваются интересы Эксперientа и Перцепта. В качестве Перцепта может быть только одушевленное существо, скорее даже его действия и результаты его действий / деятельности. Для Эксперientа Перцепт представляет значительный интерес (он и его действия для Эксперientа более значимы, чем их местоположение). Но еще важнее то, что Эксперient старается осуществить процесс восприятия незаметно для Перцепта (как в принципе и для стороннего наблюдателя), что отражено в значении глаголов: «тайком» [Ожегов, Шведова: 534], «украдкой, тайком» [МАС III: 218], собственно говоря, Эксперient заинтересован в незаметном получении «закрытой» информации: *Лжива, коварна, в связях неразборчива, любит **подсматривать** в замочную скважину, чтоб находить в человеке уязвимые места...* (Анатолий Азольский. Лопушок // «Новый Мир», 1998); *Нелепой казалась сама мысль, что кто-то мог бы **подглядывать** в окно на пятнадцатом этаже, пусть даже из домов напротив.* (Олег Павлов. Асистолия // «Знамя», 2009). Этим признаком данные глаголы схожи с глаголом *коситься 2* (см. выше), поскольку в последнем случае Эксперient пытается зрительно воспринять Перцепт, не желая демонстрировать свою цель: не поворачивая головы в сторону Перцепта, он лишь направляет взгляд вправо либо влево от себя – в сторону Перцепта. В описание ситуации, обозначаемой глаголами *подсмотреть 1. / подсматривать и подглядеть / подглядывать*, входит и прагматический аксиологический компонент: происходит нарушение этической нормы, соответственно, при выражении данной ситуации закадровым Наблюдателем данное действие характеризуется оценкой «плохо». Заметим, что глагол *подсмотреть* характеризуется еще двумя ЛСВ, в которых исчезают семантический признак «украдкой, тайком» - *подсмотреть 2.2.* – «наблюдая, увидеть то, что не легко, не сразу можно заметить, обнаружить» (*Люди, стремящиеся **подсмотреть** силы природы, при одном напоре воли отыскивают их.* (Конкордия Антарова. Наука радости (2002) // «Семейный доктор», 2002.01.15)) и значение цели и даже семантика «приложения усилий» со стороны Эксперientа – *подсмотреть 2.1.* – «случайно, нечаянно заметить, увидеть; подглядеть» (*Много лет назад, к моему удовольствию, мне удалось **подсмотреть**, как пятилетние дети и другие, немного постарше, сами сложили удивительную рабочую песню, которая*

прекрасно ритмизировала их трудовые процессы. (К.И. Чуковский. От двух до пяти (1933)).

В значении данных ЛСВ отсутствует негативная оценка. Замечательно, что авторы МАС-а не разграничивают 1 и 2 значения в глаголе *подглядеть* на два разных ЛСВ: «случайно, нечаянно **или** украдкой заметить, увидеть; подсмотреть». Значение же, аналогичное значению *подсмотреть*^{2.2.}, и вовсе не выделено, хотя языковой материал свидетельствует о его наличии: *В продолжение сего чудного рассказа я беспрестанно смотрел на нее, надеясь подглядеть в глазах ее признаки бреда или горячки, но, кроме тихой и спокойной грусти, я не мог заметить ничего на ее бледном и усталом лице.* (М.Н. Загоскин. Вечер на Хопре (1834)). *Нет, эти условия только мешают поэту подглядеть общие для всех нас, вечные законы жизни, истинные во всех положениях, типичные и для меня, и для вас, для каждого человека...* (К.И. Чуковский. Взгляд и нечто. О чем, бишь, нечто? // «Одесские новости», 1902).

Семантика ряда глаголов направленного зрения описывается собственно словообразовательной моделью, реализующей тот или иной способ глагольного действия. Так, среди исследуемых глаголов можно выделить:

1) Финитивные глаголы (или глаголы завершительного способа действия) – значение направленного зрительного действия осложняется значением завершенности, законченности, доведения действия до конечной фазы: *досмотреть* 1./ *досматривать* 1. ‘просмотреть до конца, до кого-либо предела’ (*досмотреть фильм до конца*). Следовательно, для глагола *досмотреть* Перцептом может быть только объект, имеющий пространственно-временную характеристику, протяженность, например: фильм, спектакль, представление и др.: *Ни разу не удалось мне досмотреть эту битву, в которой всегда погибал огонь* [Дина Рубина. Окна (2011) [НКРЯ]]. (Глагол *досмотреть* имеет и специальное значение – 3. ‘произвести досмотр’, т.е. ‘произвести проверочный осмотр’, например: *досмотреть товары на границе*; НСВ – *досматривать* 2.).

2) Глаголы прерывисто-смягчительного способа действия, обозначающие длительно-прерывистое и ослабленное в своем проявлении действие, осуществляемое время от времени, и образуемые с помощью префикса *по-* и суффикса *-ива-* (только НСВ):

посматривать – ‘время от времени смотреть (1. и 3.), поглядывать’, *поглядывать* – ‘время от времени глядеть (1. и 2.)’ (*поглядывать по сторонам*).

3) Глаголы распределительного (или дистрибутивного) способа действия со значением поочередного охвата действием нескольких объектов: *пересмотреть 1.1.* – ‘перебирая, осмотреть, просмотреть все, многое’ (например, *пересмотреть книги на полке, фотографии в альбоме*).

4) Глаголы интенсивно-результативного способа действия:

а) Сатуративные – в фокусе внимания оказывается значение полного удовлетворения или пресыщенности. Данные глаголы образуются при помощи префикса *на-* и постфикса *-ся*: *насмотреться, наглядеться*: *насмотреться 1.* ‘вдоволь, много посмотреть на кого-, что-либо’, *наглядеться 1.* ‘вдоволь поглядеть на кого-, что-либо; насмотреться’ (например: *Дворянство ему (царю) давало бал, я был на хорах собрания и мог досыта насмотреться на него. Я смотрела на него и никак не могла насмотреться.* (МАС)); *насмотреться 2., наглядеться 2.* ‘увидеть много чего-либо, неоднократно встречать на своем жизненном пути, в своей деятельности’ (например: *Погоди, еще намотришься разных чудес.* [МАС]).

б) Глаголы интенсивной погруженности в действие, полной поглощенности действием; образуются при помощи приставки *за-* и постфикса *-ся*: *засмотреться / засматриваться 1., заглядеться/заглядываться*: *засмотреться/засматриваться 1.* ‘глядя на кого-, что-либо, увлечься, забыться’ (например: *Я отстал от конвоя, засмотревшись на огромные скалы*); *заглядеться / заглядываться* – ‘увлечься пристальным рассматриванием кого-, что-либо’ (например: *Он перестал работать, заглядевшись на закат*). Глагол *засматриваться 2* имеет другое значение – (разг.) ‘проявлять сильный интерес, особое внимание к кому-, чему-либо’ (например, *засматриваться на девушек*).

в) Глаголы специально-результативного способа действия со значением завершенности, исчерпанности и тщательности действия, образованные с помощью приставки *вы-*: *высмотреть 1. / высматривать 1.* ‘внимательно осматривая, заметить, найти’ (например: *Они старались высмотреть среди нас и схватить руководителей*); *высмотреть 2.* – ‘все увидеть, все разглядеть при осмотре чего-либо’. Эксперименту объект, Перцепт, как

правило, заранее известен, однако он не уверен в том, находится ли объект в месте L: *Мы обходим бурлящий круг танцплощадки, я стараюсь высмотреть все танцующие пары и вижу, что их нигде нет.* [НКРЯ].

Надо сказать, что в данном случае глаголы *выглянуть I.* / *выглядывать*² не тождественны паре *высмотреть I.* / *высматривать I.*: ‘посмотреть, взглянуть, высунувшись, показавшись наружу’ (например, *выглянуть в окно*; ср. детское (Лиса – Петушку): *...выгляни* [а не просто *посмотри!*] *в окошко – дам тебе горошка*). Основное отличие заключается в отсутствии валентности объекта, семантического актанта Перцепт. Кроме того, в толкование данной пары, помимо фиктивного движения, связанного с направлением зрительного восприятия, включается и собственно движение субъекта восприятия. Интересным представляется сопоставление пар *выглянуть I.* / *выглядывать*² и *заглянуть I.I.* / *заглядывать I.I.* Специфика их различия заключается в соотношении валентностей Экспериента, (потенциального) Перцепта и Места, т.е. для них оказывается важным местоположение Экспериента по отношению к потенциальному Перцепту и характер осуществляемого им движения в процессе восприятия: для *выглянуть I.* / *выглядывать I.* Экспериент расположен внутри чего-либо, Перцепт же – снаружи, а для *заглянуть I.I.* / *заглядывать I.I.* наоборот: внутри расположен Перцепт, а снаружи Экспериент – конверсивные отношения: *Я решил приоткрыть дверь и **выглянуть из** комнаты.* (Андрей Геласимов. Год обмана (2003)); *Достаточно выйти на улицу или просто **выглянуть в** окно, чтобы увидеть манеру езды обладателей дорогих иномарок.* (Сергей Цирель. Какие силы могут создать гражданское общество в России? (2003) // «Неприкосновенный запас», 2003.03.16) – *Мы стояли вокруг джипа и старались **заглянуть внутрь.*** (Андрей Геласимов. Нежный возраст (2001)); *Как-то вечером он оделся и пошёл в сторону института, – ему захотелось **заглянуть в** окна своей лаборатории...* (Василий Гроссман. Жизнь и судьба, часть 3 (1960)). Особого внимания заслуживает частотное сочетание *выглянуть в (окно)*. В нем, в отличие от синонимичного сочетания *выглянуть из (окна)* (*Если **выглянуть из** окна второго этажа, <...>, то можно видеть...* (Александр Иличевский. Перс. 2009)), наблюдается сопряжение основного значения элатива (движение изнутри наружу),

выраженного приставкой *вы-*, с антонимичной иллативной (вхождение внутрь чего-либо) либо адитивной (направление) семантикой предлога *в*, которая в данной конструкции нейтрализуется. Кроме того, глагол *выглянуть* образует словосочетания и с предлогами *за* (*дверь*), *из-за* (*угла*), *из-под* (*стола*), в которых актуализируется лишь семантика «преграды» и/или «укрытия»: – *Всего лишь сделать шагов десять – пятнадцать. И выглянуть за дверь.* (Илья Бояшов. Путь Мури (2007)); *осторожно выглянуть из-за угла...* (Дмитрий Глуховский. Метро 2033 (2005)); – *Ма, ты чего? – строго спросил Мика, пытаюсь выглянуть из-за ларька.* (Татьяна Тронина. Никогда не говори «навсегда» (2004)); *Чавканье заставило сову выглянуть из-под крыла и тут же в страхе спрятаться обратно.* (Екатерина Романова, Николай Романов. Дамы-козыри (2002)). И наконец, языковой материал указывает на функционирование данного глагола в конструкциях как с полной реализацией диатезы – с синтаксическими актами со значениями исходной и конечной точек (*служащие посчитали приличным выглянуть в коридор из закутков офиса* (Улья Нова. Инка (2004)), так и только с конечной точкой (*...поросенок спал и жрал, не выказывая ни малейшего желания выглянуть на двор.* (Илья Бояшов. Путь Мури (2007)), где, как мы уже отметили выше, актанта исходной точки коррелирует с движением Экспериента, а актанта конечной точки связан с семантикой фиктивного движения направления зрительного восприятия. В НКРЯ наблюдаются примеры с семантической деривацией, когда глагол *выглянуть* означает собственно ‘выйти наружу...’, причем налицо развитие этого значения в динамике: *В это время смельчаки, решившиеся «выглянуть на улицу», неожиданно принесли радостные известия. Им на улице сказали, что начался перелом.* (М.А. Алданов. Пещера (1932)); *Потом потеплее оделся и выглянул на улицу... Алешкина маленькая нарта стояла возле дома. Мальчик быстро кинул в нее мешок и тихонько свистнул.* (А.Ф. Членов. Как Алешка жил на Севере (1978)). См. также приведенный выше пример «с поросенком», который может интерпретироваться именно как ‘выйти во двор’. Примечательно, что в литературе XIX века и даже начала XX века еще встречаются случаи функционирования данного ЛСВ глагола *выглянуть* с реализацией валентности объектного актанта – Перцепта: *Вдруг из-за лампы выглянул на него чёрт...* (А.П. Чехов. Беседа пьяного с трезвым чёртом

(1885-1886)); Елена Алексеевна **выглянула на** него в окно. (Вс.В. Иванов. Голубые пески (1923)); и даже: *Из-за туч холодно **выглянула на нас** луна.* (А.П. Чехов. Тысяча одна страсть, или Страшная ночь (1880)). Последний пример замечателен тем, что в нем сливаются значения двух ЛСВ – *выглянуть 1.* (см. выше) и *выглянуть 2.* – ‘стать видным; показаться, появиться’ (*Часам к двенадцати **выглянуло** солнце, и всё вокруг немного повеселело.* (Андрей Волос. Недвижимость (2000) // «Новый Мир», 2001): если ЛСВ 2 является результатом, следствием развития ЛСВ 1, сопровождающимся выдвиганием объекта восприятия, Перцепта, в позицию подлежащего и элиминацией Эксперientа в закадрового Наблюдателя (см. об этом ниже), то в данном чеховском примере именно благодаря нетривиальной диатезе – реализации на синтаксическом уровне в предложно-падежной конструкции *на + Вин. п.* объекта восприятия, Перцепта, - позицию подлежащего должен занять Эксперient: происходит метафорический сдвиг (в поэтике – олицетворение).

Опущение Перцепта (или отодвижение его на периферию) и выдвигание валентности Места и направления восприятия на передний план мы наблюдаем и в семантике глаголов *осматриваться 1. / осмотреться 1.1., оглядываться 1. / оглядеться 1.1., оглянуться 2* (разг.), *озираться 1.*, которые имеют следующее толкование: ‘Эксперient X, желая воспринять то, что происходит (находится) в месте L, **вокругX**, направляет орган зрения поочередно на разные окружающие объекты, находящиеся в месте L’. Например: *На каждой площадке Войцик непременно останавливался ... и **осматривался** по сторонам.* (Ю.О. Домбровский. Обезьяна приходит за своим черепом, часть 2 (1943-1958)); *Андрей **огляделся** по сторонам в поисках знакомых лиц.* (Виктор Пелевин. Желтая стрела (1993)); *Сидит такой красно-желтый красавец и тревожно **озирается** по сторонам...* (Ю.О. Домбровский. Хранитель древностей, часть 1 (1964)). Данные лексемы задают так называемое «дистальное пространство» (Касевич 1996: 33), при котором точкой отсчета является субъект восприятия – Эксперient. Однако у глагола *оглядываться 2. / оглянуться 1.1.* и *озираться 2* (устар.) иное толкование: ‘Эксперient, желая воспринять Перцепт Y, который находится в месте L, **за X-ом**, направляет орган зрения в сторону Y’. Например: *Выйдя за калитку, я **оглянулся** на нашу дачу.* (Вера Белоусова. Второй выстрел (2000)); *Она останавливалась и **озиралась***

назад, как будто прощалась с крестьянскими избами. (И.А. Гончаров. Обрыв (1869)). Таким образом, лексема *оглядываться* / *оглянуться* имеет два ЛСВ, отличающиеся разной валентностью Места, задающей направление взгляда субъекта восприятия – **вокруг** Экспериента и **за** Экспериентом. Кроме того, второй ЛСВ обладает также семантическим актантом Перцепт.

Вернемся к рассмотрению семантических дериватов глагола *смотреть*. В сущности, одно из таких значений рассмотрено во время анализа глагола *осматривать*, который связан с базовым глаголом через ступень: *осматривать* / *рассматривать* – *осмотреть* / *рассмотреть* и затем *осмотреть* / *рассмотреть* – *смотреть* 4.1. ‘осматривать, рассматривать кого-, что-либо с целью ознакомления’ и *смотреть* 4.4. ‘производить осмотр кого-, чего-либо’ (*Мы идем смотреть (4.1.) новую квартиру; В монастыре посетители обыкновенно смотрели (4.1.) старинную церковь; Доктора смотрели (4.4.) больную, слушали ее грудь, выходили в другую комнату, молча пожимали плечами* [МАС]). Данные ЛСВ глагола *смотреть* через семантический компонент «фиктивное движение» (взгляда) связаны с ЛСВ *смотреть* 4.2. и 4.3.: через ступень *просматривать* – *просмотреть* 1. и *просмотреть* 1. – *смотреть* 4.2. ‘просматривая, знакомиться с содержанием чего-либо’ (*Мне принесли какие-то телеграммы, но я еще их не смотрел*) и 4.3. ‘быть зрителем, присутствовать на каком-либо зрелище, представлении’ (*Завтра мы идем смотреть новый спектакль; Но даже когда на экране виднелась только «сетка», я была уверена, что уже смотрю долгожданную детскую передачу.* [НКРЯ]). Кроме того, семантическим дериватом является также ЛСВ *смотреть* 4.5. (устар.) ‘производить смотр чему-либо’ (см. выше).

Глагол *смотреть* 3. реализует новое, конструктивно обусловленное значение ‘(иметь надзор, попечение) заботиться о ком-, чем-либо’, актуализирующееся в синтаксической модели *смотреть за кем-, чем-либо* (*Ей было приятно смотреть за детьми*). Интересно, что в семантике этого ЛСВ в скрытом виде присутствует идея «фиктивного движения», возникающая благодаря предлогу *за* (в значении ‘позади’): ‘X перемещается вслед за Y, видит, что происходит, и при необходимости принимает меры’. Это же значение реализуется в лексическом деривате *присмотреть* / *присматривать* 1. (*за кем-, чем-либо*) ‘посмотреть,

последить с целью надзора, ухода; приглядеть' (*Мальчонка был чумазый, в грязной рубашонке: некому было за ним присмотреть*). Переходный глагол *присмотреть* 2. с пометой (*разг.*) актуализирует иное значение префикса *при-*: 'совершение действия в чьих-либо интересах: подыскать, подобрать, наметить с какой-либо целью' (*присмотреть невесту; присмотреть костюмчик для сына*).

Регулярным является семантический переход 'смотреть' → 'относиться', например, *смотреть* 2.1. 'относиться каким-либо образом к кому-, чему-либо' (*Я смотрю на это просто; Она смотрит на шалости детей сквозь пальцы*). Для реализации данного значения необходим синтаксически выраженный сирконстант, обозначающий отношение к Перцепту (обычно пропозиционального характера) и отвечающий на вопрос *как?* Следовательно, это значение мы тоже можем назвать – в определенной мере – конструктивно обусловленным: *Как вы на это смотрите? – Крайне отрицательно!*

Из числа значений ментальной сферы глагол *смотреть* реализует значение (2.2.) 'считать' (связанное со значением 'относиться'): *Смотрите на меня теперь как на вашего отца...* (Ф.М. Достоевский. Униженные и оскорбленные). *На меня смотрели как на сумасшедшего*. Как и с глаголом *видеть*, расщепление Перцепта на разные семантические роли приводит к тому, что их заполняют разные синтаксические актанты: *смотреть / глядеть на* Стимул (X) *как на* Ментальный образ (K), с семантической дифференциацией и распределением референтного (Стимул) и сигнификативного (Ментальный образ) значений. Однако есть и принципиальное различие, отраженное в структуре сравнения. При глаголах зрительного восприятия сигнификативное значение, выражаемое актантом в Тв.п. или Вин.п., **приписывается** объекту, выступающему в роли Стимула и выраженному актантом в Вин.п. или П.п. (*видеть кого? кем?; видеть в ком? кого?*), в данном же случае устанавливаются компаративные отношения: сигнификативные значения, свойственные одному объекту, переносятся на другой объект.

Глаголы *смотреть* и *глядеть* употребляется также в значении (5.) 'быть направленным в какую-либо сторону, куда-либо' (*Окна спальни смотрели в сад*). В этом значении утрачена и синтаксическая позиция для Экспериента, и компонент «фиктивное движение взгляда»;

остается только направленность одного предмета в сторону другого. Чаще всего это значение реализуется в контексте слова *окно*: окна, как непрменный атрибут дома, ассоциируются с глазами. (Ср. этимологическую мотивированность слова *окно* словом *око*). Были отмечены случаи с метафорическим сдвигом: *Деревянные дома ...смотрят пустыми глазницами окон*. [НКРЯ]. Включение «анатомического» компонента *глазницы* и – что гораздо важнее – отсутствие валентности Направление приводят к метафорическому переносу (олицетворению).

Несомненный интерес вызывает возвратная диатеза (рефлексив) глаголов *смотреть* и *глядеть* – *смотреться I*. и *глядеться*. При первом приближении кажется, что мы здесь имеем дело со «склеиванием» валентностей, т.е. в одной форме выражаются сразу два участника ситуации: и субъект, и одновременно объект действия: *смотреться (в зеркало)* – ‘*смотреть на себя*’ (*в зеркало*), так же как *умыться* – ‘*умыть себя*’. Однако семантика данных глаголов устроена несколько сложнее, ибо Перцепт расщепляется: он представляет собой отражение (Зрительный образ) Экспериента (который одновременно является Стимулом), и расположен он всегда на поверхности, способной к отражению (зеркало, вода, стекло и др.).

Представляет интерес также рассмотрение орудийной валентности у глаголов направленного действия. Дело в том, что возможность заполнения валентности Инструмента у глаголов данной подгруппы регулирует принцип семантической совместимости / несовместимости (как, собственно, и во всех остальных случаях). Базовый глагол подгруппы *смотреть*, как и многие другие глаголы, открывает эту факультативную позицию (*смотреть / глядеть / рассматривать в микроскоп / телескоп* и др.): *Он перестал смотреть в телескоп и попросил брата выяснить...* [НКРЯ]; *В один прекрасный вечер не менее прекрасный экзекутор, Иван Дмитрич Червяков, сидел во втором ряду кресел и глядел в бинокль на «Корневильские колокола»* (Смерть чиновника. А.П. Чехов).

Однако такие глаголы, как *коситься / покоситься, выглядывать / выглянуть, оглядываться* и некоторые другие, не открывают позиции Инструмента. Так, например, для глаголов *коситься / покоситься* семантические ограничения связаны со способом

зрительного восприятия и со скрытым характером процесса восприятия. Способ восприятия, расположение Экперента и Перцепта по отношению друг к другу в процессе восприятия накладывают свои селективные ограничения и на лексемы *выглядывать / выглянуть, оглядываться*. В то же время семантика некоторых глаголов непосредственно указывает на реализацию валентности Инструмента (речь идет не об инкорпорированном участнике – *глазах*). Вызывает сомнение точка зрения Е.Ф. Косицыной о том, что глаголы *смотреться и глядеться* не имеют валентности Инструмента: «Ситуация, обозначенная глаголами *глядеться, смотреться*, имеет двух участников: объект (отражение) и место (поверхности, способные к отражению), - что не позволяет этим лексемам открывать позиции для аргументов орудия действия» [Косицына 2002: 66]. Конечно, эти глаголы не допускают применения таких инструментов, как лупа, микроскоп, телескоп, бинокль или даже просто очки (речь идет о заполнении валентности!), ибо мы смотрим **через** них. Нам здесь нужен инструмент с отражающей поверхностью, например, зеркало: *С лица худая и синекожая, любит одеваться в чужое платье и глядеться в зеркало* [НКРЯ]. Следовательно, реализуется валентность инструмента, просто иного характера.

3.3. Глаголы, обозначающие способность зрения

Подгруппа глаголов, обозначающих способность зрения, представлена лексемами со значением приобретения или утраты зрения – *прозреть 1.1: Сознание постепенно ко мне возвращалось. К моменту, когда я предпринял решительное усилие, чтобы прозреть, я уже догадывался, чье примерно увижу лицо.* (Олег Зайончковский. *Счастье возможно: роман нашего времени* (2008)); *слепнуть / ослепнуть 1: Он открывает глаза и ничего не видит. Ослеп.* (Е. Хаецкая. *Синие стрекозы Вавилона/ Семеро праведных в раю господина* (2004)); и, разумеется, лексемой *видеть 1: Баклан может одинаково хорошо видеть в воздухе и под водой.* (Александр Зайцев. *Загадки эволюции: Краткая история глаза // «Знание -- сила», 2003); ...Зубр после некоторых событий стал плохо видеть.* (Даниил Гранин. *Зубр* (1987)) Именно под этим индексом представлен в МАС-е лексико-семантический вариант (ЛСВ)

глагола *видеть* – ‘иметь зрение, обладать способностью зрения’. Отличительной особенностью валентной структуры глагола *видеть* является отсутствие объектной валентности, т.е. Перцепта. В противном случае, т.е. при заполнении этой валентности, глагол из этой подгруппы переходит во вторую – глаголов собственно зрительного восприятия. Ср.: *Я вижу эту линию. Мне нужно просто в точности так же нарисовать.* (Евгений Гришковец. Одновременно (2004)).

3.4. Глаголы со значением “быть доступным для зрительного восприятия”

Четвертая подгруппа – глаголы со значением “быть доступным для зрительного восприятия” – занимает периферию группы глаголов зрения. Архилексемой данной подгруппы является глагол *виднеться*: *Сквозь ветви олеандров виднеется море и лодочный причал.* (Фазиль Искандер. Летним днем (1969)).

В значении «быть видным, быть доступным зрению» [МАС I: 174] глагол *виднеться* объединяется со своими синонимами – *смотреть б*: *И волосатая грудь смотрит из рваной, пропотелой, с отвисшим воротником гимнастерки.* (А.С. Серафимович. Железный поток (1924)); *глядеть б*: *Солнце глядит из-за тучи ...* (В.Н. Майков. Стихотворения Кольцова... (1846)); *выглядывать² 2*: *Из-за камней разной окраски и фактуры выглядывают растения с яркими цветками и необычными по форме и цвету листьями...* (Тайны гор (2003) // «Сад своими руками», 2003.07.15); *Из нагрудного кармана выглядывают очки на цепочке...* (Василий Аксенов. Таинственная страсть (2007)); *проглядывать² 2*: *То тут, то там в распахнутые двери, выбитые стёкла и в проломы стен проглядывает ночное небо.* (Василий Аксенов. Звездный билет // «Юность», 1961); *проглядываться*: – *А теперь стреляйте раз пять туда, где проглядывается спинка стула!* (Максим Милованов. Рынок тщеславия (2000)); *просматриваться 1*: *В январе деревья стоят оголенные, каждая веточка хорошо просматривается...* (Александр Рязанов. Весна не за горами (2004) // «Homes&Gardens», 2004.12.01); *сквозить 4.1* – «виднеться, проглядывать сквозь что-л.»: *Лесное утро: свистят птицы, сквозит солнце сквозь зеленый лесной полумрак.* (Светлана Аллилуева. Двадцать

писем другу (1963)); **просвечивать 3**: *Посмотрите, какую она одета прозрачною тканью, как просвечивает сквозь ткань божественное тело, сколько строгости и благородства в каждой линии.* (В.В. Вересаев. Воспоминания (1925-1935)); (разг.) **просвечиваться 2** – «быть видным благодаря проникновению света через какие-то щели, отверстия и т.п.»: *Некоторые улицы базара перекрыты циновками, и свет просвечивается через узкие щели.* (Амир Саргиджан. Сарай звезды (1928)); (устар.) **мерещиться 2** – «виднеться смутно, неясно»: *...Справа в ясном, совершенно прозрачном воздухе еле-еле мерещился Татарский берег.* (А.П. Чехов. Остров Сахалин (1893-1895)); (разг.) **маячить 1.1** – «виднеться в отдалении»: *А далеко впереди маячит зарево станционных огней...* (Л.Н. Андреев. Вор (1904)); с фразеологизмом **бросаться в глаза** – «быть особенно заметным» [ФСРЯ 1987: 49]: *Телефон не должен бросаться в глаза и привлекать к себе излишнее внимание.* (Михаил Попов. Не просто звонилка (2004) // «Бизнес-журнал», 2004.02.13). Наблюдаются также нетривиальные случаи, в которых в рамках одного контекста сочетаются 1 и 6 значения глаголов *смотреть / глядеть*: *Сад у тетки славился своею запущенностью, соловьями, горlinkами и яблоками, а дом – крышей. Стоял он во главе двора, у самого сада, – ветви лип обнимали его, – был невелик и приземист, но казалось, что ему и веку не будет, – так основательно глядел он из-под своей необыкновенно высокой и толстой соломенной крыши, почерневшей и затвердевшей от времени. Мне его передний фасад представлялся всегда живым, точно старое лицо глядит из-под огромной шапки впадинами глаз, – окнами с перламутровыми от дождя и солнца стеклами.* (И.А. Бунин. Антоновские яблоки (1900)). Первоначально *глядеть* употреблено в значении «быть видным, быть доступным зрению», но во второй раз, благодаря расширению контекста – включению сравнения, *глядеть* употреблено в основном своем значении – (1) «устраивать, направлять взгляд, иметь глаза направленными на кого-, что-либо или куда-либо; смотреть». И вновь связующим компонентом оказываются «окна – глаза».

Л.М. Васильев относит к этой подгруппе также глаголы со значением «быть видимым благодаря какому-л. выделяющемуся цвету»: *белеть* [«Белеет парус одинокий...»], *белеться*, *светлеть*, *светлеться* (разг.), *чернеть*, *чернеться*, *темнеть*, *краснеть*, *краснеться*, *алеть*,

алеться, розоветь, синеть, синеться, голубеть, зеленеть, зеленеться, желтеть, желтеться, рыжеть, сереть, сереться, пестреть, пестреться, рябеть (разг.) [Васильев 1981: 61]. Следовательно, происходит диффузия двух ЛСГ – глаголов зрительного восприятия и глаголов свето- и цветообозначения. В эту подгруппу входят только глагольные формы НСВ (формы СВ по своей природе противоречат идее статичности, которая в наиболее общем виде выражена глаголом *быть* в названии подгруппы).

В ситуации, обозначаемой глаголами данной подгруппы, субъект восприятия пассивен, так же как субъект глаголов собственно зрительного восприятия. Однако в отличие от последнего, первый субъект пассивно воспринимает ситуацию, наблюдает **со стороны**. Следовательно, имеет место диатетический (метонимический) сдвиг Перцепта в Центр, в позицию подлежащего, в то время как субъект восприятия формально не актуализируется, не получает позиции в поверхностной, синтаксической структуре и остается как бы за кадром. «Характерной чертой глаголов этой подгруппы является функционирование Перцепта в позиции подлежащего и переход Экспериента в закадрового Наблюдателя» [Акопян 2011: 27]. Особенно явственно этот аспект бросается в глаза при употреблении лексемы **выглядеть**² – «иметь какой-либо вид, казаться, представляться на взгляд кем-, чем-либо»: *Однако сама девочка выглядела грустной.* (Константин Арский. «Метровые» дети» // «Вечерняя Москва», 2002.05.16). Экспериент-Наблюдатель воспринимает Перцепт и – что важно для данного глагола – дает ему собственную оценку, следовательно, зрительно-ментальный образ, возникший в результате восприятия (см. выше), носит субъективно-оценочный характер.

Несомненный интерес представляет также объектный актанта – Перцепт. На первый взгляд, позицию Перцепта могут занимать лишь существительные, обозначающие физические объекты, но никак не пропозитивные имена, и, следовательно, глаголы данной подгруппы не могут распространяться *что*-придаточными и *как*-придаточными. Именно об этом пишет Е.Ф. Косицына: «Объектом восприятия глаголов анализируемой подгруппы является предмет, не имеющий пространственно-временной характеристики, - только физический объект. Например, **Виднеется, как дети строят крепость*» (Косицына 2002:

67-68). Тем не менее, языковой материал свидетельствует о большей семантико-синтаксической гибкости глаголов данной подгруппы. Так, в частности, глагол **просматриваться 1** может быть распространен *что-* и *как-*придаточными не только в собственно исходном значении “быть доступным для зрительного восприятия”: *При рентгеновском обследовании явственно просматривается, как кровь движется по сосудам.* (Н. Алексеева. Путь к сердцу лежит через кардиохирургию (2002) // «Семейный доктор», 2002.05.15), но и при метафорическом переносе в область ментальных значений (*Но даже и в этом варианте легко просматривается, что создание космических поселений не может быть путем решения проблемы перенаселенности Земли.* (К. Феоктистов. Траектория жизни (2000)); *На примере Пушкина просматривается, как профессиональная, принципиальная меркантильность вступает в свои права за счет аристократического аматерства.* (Л.Я. Гинзбург. Записные книжки. Воспоминания. Эссе (1920-1943)).

К подгруппе со значением “быть видным” примыкает синонимичная подгруппа – с ядерным значением “становиться видным”, противопоставленная исходной группе по смежности / становления. Ядерное значение «стать/становиться видимым» характеризует соответственно глаголы **завиднеться** (разг.): *То <...> васильковое платье девушки завиднеется на тропинке во ржи...* (В.А. Солоухин. Капля росы (1959)); **появиться 1.1.**: *Неожиданно перед ним появился человек и выстрелил в лицо, затем в ногу.* («Московский комсомолец», 2004.12.23); **показаться 2.1.** / **показываться 1.¹**: *Иззаповоротарекипоказываетсябаржа.* (А. Иличевский. Гладь // «Новый Мир», 2006) –и их синонимы **выглянуть 2., проглянуть 2.; промелькнуть 1.** – «показаться (показываться) на короткое время при быстром движении»: *Ни птица не пролетит, ни заяц не промелькнёт: всё безлюдно, мертво, дико, беспредельно и полно суровой таинственности.* (В.А. Соллогуб. Метель (1849)); *открываться, раскрываться, открываться (представляться) взору (глазам), представляться, обнаруживаться, обнажаться* – «становиться видимым, лишаясь покрова, переставая быть скрытым». Особо следует отметить глаголы со значением «стать видимым благодаря какому-л. выделяющемуся цвету», которые образованы от

¹ Обстоятельный анализ глаголов *появиться* и *показаться* проведен в работе [Падучева 1998: 23-28], сокращенный вариант см. в: [Падучева 2004: 237-243].

соответствующих бесприставочных глаголов и могут быть отнесены к глаголам начинательного способа действия с инхоативным значением: *забелеть, забелеться, засветлеть, засветлеться, зачернеть, зачернеться, затемнеть, покраснеть, покраснеться, заалеть, заалеться, зарозоветь, зарозоветься, засинеть, засинеться, заголубеть, зазеленеть, зазеленеться, зажелтеть, зажелтеться, зарыжеть, засереть, засереться* [Васильев 1981: 62]. Как отмечает Л.М. Васильев, «сема начинательности в сочетании со значением СВ, предполагающего действие в целом, т.е. его начало, продолжение и конец (или конец начала: *забелеться* = *начать, но не кончить белеть*), у этих глаголов ослабляется: *завиднеться* – это скорее «стать видным, видимым», нежели «начать виднеться» (там же). Однако, по крайней мере по отношению к глаголам со значением «стать видимым благодаря какому-л. выделяющемуся цвету», этот вопрос решается намного проще: мы имеем дело с разными значениями данных глаголов, например: *забелеть 1* “выделиться своим белым цветом, показаться (о чем-л. белом)”: *Смолкнут песни селян И седой забелеет Над болотом туман...* (И. Грекова. Фазан (1984)) – и *забелеть 2* “начать белеть; стать белым”: *И вот на ранней заре, чуть забелеет небо, выпустишь подтянутую индюшку.* (И.С. Шмелев. Солнце мертвых (1923)).

ВЫВОДЫ ПО ТРЕТЬЕЙ ГЛАВЕ

В данной главе глаголы ЗВ анализируются в соответствии с четырьмя подгруппами данной ЛСГ: глаголами собственно ЗВ, глаголами направленного зрения, глаголами, обозначающими способность ЗВ, и, наконец, глаголами со значением «быть доступным для ЗВ». На большом иллюстративном материале исследуются семантические валентности глаголов ЗВ – Экспериент, Наблюдатель, Перцепт – Стимул, Зрительный образ, Ментальный образ, - Направление (вкуче с «фиктивным движением»), Место, Инструмент, Способ.

Анализ глаголов зрительного восприятия позволил прийти к следующим выводам:

1. Субъект в глаголах собственно зрительного восприятия всегда пассивен.
2. Компонент “орган зрения” входит в пресуппозицию этих глаголов. Слова, называющие орган зрения, на поверхностном уровне могут функционировать в роли и субъекта, и объекта, и места, и способа восприятия.
3. Экспликация компонента “орган зрения” на поверхностно-синтаксическом уровне в группе глаголов собственно зрительного восприятия в роли инструмента связана с желанием повысить надежность передаваемой информации, а также дать характеристику субъекту действительности или самому действию. Именно с этим связано употребление слова глаза с определением.
4. При употреблении слов взгляд, взор в позиции Инструмента на первый план выдвигается адвербиальное значение образа действия.
5. Субъектный акт при глаголах собственно зрительного восприятия является Экспериентом. Позицию Экспериента могут занять как одушевленные участники, так и неодушевленные предметы. Например, в *видеть 2.4.* в значении ‘испытывать, переживать, а также встречать что-л., сталкиваться с чем-л.’ семантическая деривация создается за счет метонимического сдвига ‘город’ → ‘жители города’ (*Москва будет рада вас снова видеть*) и метафоры (*Эти стены видели многое*).
6. Значение ЛСВ зависит и от специфики Экспериента. Например, значение *видеть 2.2.* ‘видеться с кем-либо, лично встретить кого-либо; лицезреть’ (*Вот уже несколько лет, как*

я не видел своих друзей) указывает на то, что восприятие переходит в межличностный контакт, т.е. Экспериент в момент восприятия является одновременно Перцептом для субъекта, которого он (Экспериент) воспринимает. Происходит «склеивание» валентностей.

7. Всем глаголам собственно зрительного восприятия свойственна объектная валентность. Отличительной особенностью объектной валентности глаголов этой группы является ее расщепление на семантические роли Стимула, Зрительного образа и Ментального образа.

8. Разграничение двух типов «образов» позволяет объяснить разницу в семантике глаголов *видеть 2.1. / увидеть 1.1. и заметить / заметить 1.1.* В семантике *заметить / заметить* создание Зрительного образа не в фокусе, в центре находится Ментальный образ, он обязателен и акцентирован. В то же время для *видеть / увидеть* Зрительный образ несет на себе полноценный акцент. Этим обусловлена, к примеру, невозможность экспликации инкорпорированного актанта глаза в контексте с *заметить / заметить*: *Я своими собственными глазами заметил.

9. В стандартном употреблении все три семантические роли – Стимула, Зрительного образа и Ментального образа – совпадают в одном актанте – Перцепте; но в производных употреблениях, т.е. при семантической деривации, могут происходить определенные семантические и/или синтаксические сдвиги: во-первых, не все семантические роли могут актуализироваться; во-вторых, между ними могут устанавливаться разные причинно-следственные, мотивирующие отношения; в-третьих, эти роли на поверхностном уровне могут «играть» разные синтаксические актанты.

10. Расщепление Перцепта на разные семантические роли может приводить к тому, что их позиции заполняют разные синтаксические актанты. Например, в конструкции, реализующей ЛСВ *видеть 2.3. 'представлять'* Стимул выражен сущ./мест. в Вин. п., а Ментальный ↔ Зрительный образы – в Тв. п.: Она уже видела себя (X) его женой (K↔V). Этот контекст позволяет пролить свет на вопрос, каким образом у глагола *видеть* формируется значение (4.) '*считать, признавать кого-либо чем-либо, принимать за кого-либо*'. Дело в том, что слова, обозначающие Стимул, с одной стороны, а с другой – Зрительный и, главное, Ментальный образы, – в данной конструкции имеют разную семантическую природу: Стимул имеет

референтное, денотативное значение, а Ментальный образ – сигнификативное. Поэтому в предложении *Они привыкли видеть Петра (X) возжаком (K)* глагол *видеть* имеет значение (4.) ‘считать’ (в этом контексте Зрительный образ элиминируется). (Ср. следующие примеры: 1) Ты однажды видел меня девочкой и 2) Ты привыкла видеть меня девочкой, и тебе странно, когда у меня серьезное лицо (А.Р. Чехов) (МАС). Если в первом примере глагол *видеть* реализует перцептивное значение – зрительного восприятия, то во втором примере в семантике глагола наблюдается переход от перцептивного значения к ментальному, от ‘видеть’ к ‘считать’.

11. Увеличение разрыва между исходным, сенсорным смыслом глагола и значением его дополнения сказывается на семантике глагола *видеть*, который постепенно переходит в категорию эпистемических и в конечном счете получает статус глагола пропозициональной установки. Например, в значении глагола *видеть* – (3.1.) ‘сознавать, понимать, чувствовать’ (*Он прекрасно видел свои ошибки, но не хотел их признавать* мы имеем дело с собственно ментальной сферой, из которой исчезает сема Образа (даже концептуализированного), зато добавляется сема эпистемичности.

12. Основной глагол собственно зрительного восприятия – видеть – актуализирует следующие ментальные значения, реализуемые в соответствующей дистрибуции: ‘воображать, (мысленно) представлять’; ‘понимать, осознавать’; ‘знать’; ‘считать’.

13. В основное толкование глагола *видеть* можно включить и факультативную переменную I – Инструмент, обозначающий оптические приборы, улучшающие процесс зрительного восприятия либо компенсирующие его: “Эксперимент X воспринимает органом зрения Z-ом <иногда при помощи орудия/инструмента I> объект Y, который находится в месте L, формируя зрительный образ Y.

14. Отличительной особенностью валентностной структуры глаголов, обозначающих способность зрения (§3.3.), является отсутствие объектной валентности, т.е. Перцепта. При заполнении этой валентности, глагол из этой подгруппы переходит в группу глаголов собственно зрительного восприятия.

15. Субъект восприятия для группы глаголов со значением “быть доступным для зрительного восприятия”, (§3.4) так же как субъект глаголов собственно зрительного восприятия, пассивен. Однако здесь субъект пассивно воспринимает ситуацию, наблюдает со стороны. Следовательно, имеет место диатетический (метонимический) сдвиг Перцепта в Центр, в позицию подлежащего, в то время как субъект восприятия формально не актуализируется, не получает позиции в поверхностной, синтаксической структуре и остается как бы за кадром. Например, при употреблении лексемы *выглядеть 2* – «иметь какой-либо вид, казаться, представляться на взгляд кем-, чем-либо»: *Однако сама девочка выглядела грустной*. Эксперидент-Наблюдатель воспринимает Перцепт и – что важно для данного глагола – дает ему собственную оценку, следовательно, зрительно-ментальный образ, возникший в результате восприятия, носит субъективно-оценочный характер.

16. Позицию Перцепта для глаголов со значением “быть доступным для зрительного восприятия” могут занимать как существительные, обозначающие физические объекты, так и пропозитивные имена (предметы, имеющие пространственно-временную характеристику), т.е. глаголы данной подгруппы могут распространяться что-придаточными и как-придаточными. В частности, глагол *просматриваться 1* может быть распространен что- и как-придаточными не только в собственно исходном значении “быть доступным для зрительного восприятия”: *При рентгеновском обследовании явственно просматривается, как кровь движется по сосудам*, но и при метафорическом переносе в область ментальных значений (*Но даже и в этом варианте легко просматривается, что создание космических поселений не может быть путем решения проблемы перенаселенности Земли. На примере Пушкина просматривается, как профессиональная, принципиальная меркантильность вступает в свои права за счет аристократического аматерства*).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Объединение глагольной лексики в рамках ЛСГ, несомненно, является одним из эффективных способов познания языка и анализа языковых явлений. В работе рассмотрена с точки зрения семантической теории валентности одна из обширных и наиболее употребительных групп русской глагольной лексики - глаголы зрительного восприятия. При исследовании глаголов данной ЛСГ в первую очередь

- проанализированы классификации глагольных (предикатных) типов в различных ответвлениях функциональной лингвистики – в американской (З. Вендлер, У. Чейф) и русской (Г.А. Золотова, М.В. Всеволодова, В.А. Плунгян, Е.В. Падучева);
- изучены функционально-семантические, функционально-синтаксические, логико-семантические, универсально-семиологические, лексико-семантические параметры, которые были использованы различными авторами при создании глагольно-предикатных классификаций.

В результате такого широкого обзора были выявлены как значимость каждой из классификаций, так и общие, совпадающие и соприкасающиеся аспекты. Представленный обзор глагольных классификаций позволил показать и неослабевающий интерес лингвистов к данной проблеме, и исключительную сложность самой проблемы.

Приводимые классификации наиболее адекватно соответствуют характеру сложившейся парадигмы и точно представляют динамику развития данной проблемы. Как видно из нашего анализа, классификационные типы предикатов у разных авторов практически никогда полностью не совпадают. Нельзя также признать окончательными и исчерпывающими критерии, которые применяют лингвисты для выделения и описания предикатных типов. В каждом из серьезных исследований предлагаются лишь некоторые из некоего универсального набора существенных признаков, на основе которых систематизируются и классифицируются семантические типы предикатов.

Несмотря на многочисленные исследования, вопрос о составе группы глаголов зрительного восприятия остается одним из спорных и до конца не решенных: количество глаголов, входящих в данную группу, в различных словарях и справочниках, а также

научных исследованиях колеблется, не совпадает также распределение слов на подгруппы. Сравнительный анализ современной лингвистической литературы, посвященной данному вопросу, позволяет утверждать, что состав глаголов зрительного восприятия непостоянен и нефиксирован и их количество варьируется в диапазоне от 60 до 91 лексемы.

Поскольку наиболее эффективным инструментом исследования семантико-синтаксической структуры глагольной лексики является теория глагольной валентности, в работе

- 1) даны различные определения понятия *валентности*, которое отграничивается от квазисинонимичных понятий *сочетаемости, управления и дистрибуции*;
- 2) хронологически последовательно представлена история формирования теории валентности в лингвистике, как в зарубежной (Л. Теньер), так и в советской и российской науке (С.Д. Кацнельсон, М.Д. Степанова и Г. Хельбиг, Ю.Д. Апресян);
- 3) указаны основные валентные типы глаголов: авалентные, одно-, двух- и трехвалентные глаголы;
- 4) описаны критерии разграничения логических, семантических и синтаксических валентностей, показаны связь и различие понятий *валентность* и *актанти* представлены классификации валентностей Ю.Д. Апресяна, И.М. Богуславского, Ч. Филлмора, В.Г. Гака, В.В. Богданова;
- 5) дифференцированы валентности, заполняемые предметными и предикатными актантами; в последнем случае глаголы имеют валентность не на предмет, а на целую ситуацию, и такая валентность заполняется актантом с предикатным, пропозитивным значением, выражающимся глагольными формами, отглагольными словами либо даже придаточными предложениями;
- 6) рассмотрено явление невыраженной валентности с инкорпорированным актантом;
- 7) представлены случаи нетривиального соотношения семантических и синтаксических валентностей: семантическая валентность слова может быть представлена на поверхностном уровне с помощью двух соподчиненных словоформ, в этом случае мы имеем дело с «расщеплением» валентности; наблюдается и обратное

явление – «склеивание» валентностей, когда одной формой выражаются две семантические роли; кроме того, если семантическая валентность не порождает сочетаемости, то речь идет о валентности-«фикции», как, например, в случае валентности «Место (учебы)» у слова *школьник*.

- 8) исследована проблема разграничения обязательных и факультативных валентностей (Ю.Д. Апресян, Л.Д. Чеснокова, С.М. Кибардина);
- 9) сопоставлены понятия *валентности, диатезы и залога* (Л. Теньер, И.А. Мельчук и А.А. Холодович, Ю.Д. Апресян, Е.В. Падучева);
- 10) глаголы зрительного восприятия рассмотрены через призму концепции диатетического сдвига;
- 11) на большом иллюстративном материале исследованы валентности глаголов ЗВ – Эксперидент, Наблюдатель, Перцепт – Стимул, Зрительный образ, Ментальный образ, - Направление (вкуче с «фиктивным движением»), Место, Инструмент, Цель, Способ, Оценка.

Анализ глаголов зрительного восприятия был проведен в соответствии с четырьмя подгруппами данной ЛСГ: глаголами собственно ЗВ, глаголами направленного зрения, глаголами, обозначающими способность ЗВ, и, наконец, глаголами со значением «быть доступным для ЗВ». Проведенный анализ позволил прийти к следующим **выводам**:

- 1) Воспринимающий субъект (Эксперидент) при глаголах ЗВ (зрительного восприятия) и НЗ (направленного зрения) является иерархически первым и самым важным участником ситуации. Однако между Эксперидентами при глаголах данных двух подгрупп существует важное различие: при глаголах собственно ЗВ – в исходном значении – Эксперидент пассивен, он не прикладывает никаких усилий, чтобы Перцепт был воспринят; напротив, Эксперидент при глаголах НЗ активен, он направляет орган зрения на объект *У* или в направлении *Z*. Эксперидент для группы глаголов со значением “быть доступным для зрительного восприятия”, как и субъект глаголов собственно ЗВ, пассивен. Однако здесь субъект воспринимает ситуацию, наблюдает со стороны. Происходит диатетический сдвиг Перцепта в Центр, в позицию подлежащего, в то время как субъект восприятия формально

не актуализируется, не получает позиции в поверхностной, синтаксической структуре и остается как бы за кадром, становится закадровым Наблюдателем.

- 2) Направление органа зрения (*глаз*) на Перцепт указывает на важнейший отличительный признак в семантике глаголов НЗ – семантический компонент «фиктивное движение».
- 3) Второй отличительной особенностью глаголов НЗ является наличие в их семантической структуре валентности Цели. Для правильного понимания данных глаголов необходимо иметь в виду, что они предполагают определенную цель. Так, например, глаголы *рассмотреть, разглядеть, осмотреть, всмотреться, взглядеться, высмотреть* и другие будут различаться не только Способом восприятия, но и Целью. Цель рассматривания может состоять в удовлетворении любопытства, информационной или эстетической потребности. Целью осматривания, помимо указанного значения, может являться установление соответствия Перцепта (его внешнего вида, состояния) норме. При осматривании может вестись поиск чего-либо (часто не соответствующего общему стандарту, представляющего собой нечто лишнее, возможно даже опасность).
- 4) Общее концептуальное значение восприятия предполагает, что Эксперидент – живое существо. Однако при семантической деривации – при метонимических и метафорических сдвигах – данную позицию могут занять и неодушевленные предметы.
- 5) При употреблении глагола ЗВ в контексте межличностного контакта происходит «склеивание» валентностей, т.е. Эксперидент в момент восприятия является одновременно Перцептом для субъекта, которого он (Эксперидент) воспринимает.
- 6) В подгруппе глаголов НЗ выделяется целый ряд глаголов, в которых, помимо семантической валентности Эксперидента, открывается новая позиция – закадрового Наблюдателя, т.е. участвуют сразу два субъекта восприятия: ‘Наблюдатель Н видит, что Х смотрит на Y’ К ним относятся такие глаголы, как *коситься, глазеть, уставиться, тарачиться, вылупиться, пялиться, впериться, воззриться*, которые по этой причине обычно не употребляются в форме 1 лица ед.ч., так как в этом случае произошла бы нейтрализация актантов, совпадение Эксперидента и Наблюдателя.

- 7) Данные глаголы подгруппы НЗ указывают на две дополнительные валентности, актуализируемые в их семантике – Способа и Оценки. Собственно говоря, именно эти компоненты находятся в фокусе внимания у данных глаголов: ‘смотреть искоса, сбоку’ (*коситься*); ‘не сводя глаз, неподвижно смотреть на кого-, что-либо’ (*уставиться*); ‘смотреть, широко раскрыв глаза’ (*таращиться*); ‘смотреть упорно, не отрываясь на кого, что-либо’ (*пялиться*) и др. С другой стороны, Наблюдатель выражает оценку направленной зрительной деятельности воспринимающего субъекта, Эксперимента; акцентируется не только интенсивность (*таращиться*), длительность и непрерывность (*уставиться, пялиться, воззриться*) или их сочетание (*вылупиться*), но и просто положительная либо отрицательная **оценка** его зрительной деятельности. Обычно речь идет об отрицательной оценке, поскольку в значениях этих глаголов актуализируется нарушение общепринятых норм, в толкование данных глаголов включается следующий пункт: ‘Наблюдатель неодобрительно оценивает действия Эксперимента’ (для глаголов *уставиться, пялиться, вылупиться, глазеть*; глагол *таращиться* включает дополнительный прагматический компонент – эмоциональное состояние (удивление, страх)). Существуют также глаголы, обозначающие направленное зрение, в семантическом фокусе которых находится положительная оценка: *созерцать* и, главное, *любоваться*.
- 8) В толкование всех глаголов ЗВ входит имплицитно выраженный медиативный актант – «орган зрения» (*глаза*), т.е. компонент «орган зрения» является константой, **инкорпорированным актантом**, входит в пресуппозицию этих глаголов. В то же время слова, называющие орган зрения, могут эксплицироваться на поверхностном уровне и функционировать в роли и Эксперимента, и Перцепта, и Места, и Способа восприятия. Экспликация на поверхностно-синтаксическом уровне в роли Инструмента связана с желанием повысить надежность передаваемой информации, а также дать характеристику субъекту действия или самому действию. Именно с этим связано употребление слова *глаза* с определениями, описывающими состояние субъекта с точки зрения говорящего и характеризующими его.

- 9) Всем глаголам собственно ЗВ свойственна объектная валентность – Перцепт. Отличительной особенностью объектной валентности глаголов этой группы является ее расщепление на 3 семантические роли: Стимула (объекта, реально воздействующего на органы чувств), Зрительного образа (включающего форму, цвет, размер – все характеристики, которые можно наблюдать глазами) и Ментального образа (концепта увиденного, включающего таксономическую / концептуальную идентификацию, характеризацию, оценку и прочее). Глаголы НЗ отличаются большей гибкостью по отношению к объектной валентности, они могут обозначать две ситуации: открывая позицию Перцепта либо актуализируя лишь валентность Направления (при отсутствии самого Перцепта. Спецификой валентностной структуры глаголов, обозначающих способность зрения, является отсутствие Перцепта. При заполнении этой валентности глагол из этой подгруппы переходит в группу глаголов собственно зрительного восприятия. Позицию Перцепта для глаголов со значением “быть доступным для зрительного восприятия” могут занимать как существительные, обозначающие физические объекты, так и пропозитивные имена (предметы, имеющие пространственно-временную характеристику), т.е. глаголы данной подгруппы могут распространяться *что-придаточными* и *как-придаточными*.
- 10) Разграничение двух типов «образов» позволяет объяснить разницу в семантике ряда глаголов данной подгруппы. В частности, в семантике *заметить 1.1. / замечать* создание Зрительного образа не в фокусе, в центре находится Ментальный образ, он обязателен и акцентирован. В то же время для *видеть 2.1. / увидеть 1.1.* Зрительный образ имеет полноценный акцент. Этим обусловлена, к примеру, невозможность экспликации инкорпорированного актанта *глаза* в контексте с *заметить / замечать: *Я своими собственными глазами заметил.* Неразличение же двух типов «образов» – зрительного и ментального – приводит либо к неполной, либо даже к неверной интерпретации данных глаголов.
- 11) В стандартном употреблении все три семантические роли – Стимула, Зрительного образа и Ментального образа – совпадают в одном актанте – Перцепте; но в производных

употреблениях, т.е. при семантической деривации, могут происходить определенные семантические и/или синтаксические сдвиги: во-первых, не все семантические роли могут актуализироваться; во-вторых, между ними могут устанавливаться разные причинно-следственные, мотивирующие отношения; в-третьих, эти роли на поверхностном уровне могут «играть» разные синтаксические актаны.

- 12) Расщепление Перцепта на разные семантические роли приводит к тому, что на поверхностном уровне их заполняют разные синтаксические актаны.
- 13) Увеличение разрыва между исходным, сенсорным смыслом глагола и значением его дополнения сказывается на семантике глагола *видеть*, который постепенно переходит в категорию эпистемических и в конечном счете может получить статус глагола пропозициональной установки.
- 14) Основной глагол собственно ЗВ – *видеть* – актуализирует следующие ментальные значения: «воображать, (мысленно) представлять»; «понимать, осознавать»; «знать»; «считать». Для глагола же НЗ характерны семантические переходы «смотреть» → «относиться», «смотреть» → «считать».
- 15) В основное толкование глаголов ЗВ можно включить и факультативную переменную I – Инструмент, обозначающий оптические приборы, улучшающие процесс зрительного восприятия либо компенсирующие его: «Эксперимент X воспринимает органом зрения Z-ом <иногда при помощи орудия/инструмента I> объект Y, который находится в месте L, формируя зрительный образ Y». Возможность участия в ситуации Инструмента, усиливающего действие органа восприятия, вытекает из того, что *глаза* – тоже орудие, инструмент видения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авилова 1976 – *Авилова Н.С.* Вид глагола и семантика глагольного слова. М.: Наука, 1976. – 328 с.
2. Акопян 2011 – *Акопян К.С.* Глаголы зрительного восприятия (на примере семантико-деривационного и семантико-синтаксического анализа глагола *видеть*) //Лингвистические исследования. Сборник статей. – Ереван: Эдит Принт, 2011. – С. 24 - 41.
3. Антонова 1986 – *Антонова Л.А.* Зависимость пространственного значения сложноподчиненного предложения от семантики входящих в него глаголов (на материале английского и русского языков) // Классы глаголов в функциональном Фваспекте. Сб. науч. трудов. – Свердловск: УрГУ, 1986. – С.12-19.
4. Апресян 1967 – *Апресян Ю.Д.* Экспериментальное исследование семантики русского глагола. – М.: Наука, 1967. – 251 с.
5. Апресян 1974 – *Апресян Ю.Д.* Лексическая семантика. Синонимические средства языка. – М.: Наука, 1974.
6. Апресян 1995 I – *Апресян Ю.Д.* Лексическая семантика: синонимические средства языка. // Избранные труды. Т. 1. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. – 472 с.
7. Апресян 1995 II – *Апресян Ю.Д.* Интегральное описание языка и системная лексикография. // Избранные труды. Т.2. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. – 767 с.
8. Аристотель 1978 – *Аристотель.* Собр. соч. в 4-х томах. Т. 2. – М.: Мысль, 1978.
9. Арутюнова 1976 – *Арутюнова Н.Д.* Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы. М.: Наука, 1976
10. Арутюнова 1980 – *Арутюнова Н.Д.* К проблеме функциональных типов лексического значения / Н.Д. Арутюнова // Аспекты семантических исследований. – М.: Наука, 1980. – С. 156-249

11. Арутюнова 1989 – *Арутюнова Н.Д.* «Полагать» и «видеть» (к проблеме смешанных пропозициональных установок). // Логический анализ языка. «Проблемы интенциональных и прагматических контекстов». – М.: Наука, 1989. – С. 7-30.
12. Арутюнова 1999 – *Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека. Изд. 2-е, исправленное. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
13. Архипова 2000 – *Архипова Ю.Ю.* Состав, семантика и функционирование лексико-семантической группы глаголов зрительного восприятия. Дис... канд. филол. наук. – СПб, 2000. – 197 с.
14. Бейлин 2002 – *Бейлин Д.Ф.* Краткая история генеративной грамматики. // Современная американская лингвистика: Фундаментальные направления. / Под ред. А.А.Кибрика, И.М.Кобозевой и И.А.Секериной. Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Едиториал УРСС, 2002, с. 13-57.
15. Богданов 1977 – *Богданов В.В.* Семантико-синтаксическая организация предложения. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1977. - 204 с.
16. Богуславский 1980 – *Богуславский И.М.* О понятии сферы действия предикатных слов. // Изв. АН СССР. Сер. лит. и языка. Т. 39. № 4. 1980. – С. 359-368.
17. Богуславский 1985 – *Богуславский И.М.* Исследования по синтаксической семантике. – М.: Наука, 1985. – 176 с.
18. Богуславский 1996 – *Богуславский И.М.* Сфера действия лексических единиц. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 464 с.
19. Бондарко, Буланин 1967 - *Бондарко А.В., Буланин Л.Л.* Русский глагол. Л.: Просвещение, 1967. – 190 с.
20. Булыгина 1982 – *Булыгина Т.В.* К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов. / Отв. ред. О.Н. Селиверстова. – М.: Наука, 1982. – С. 7–85.
21. Бызова 2004 – *Бызова Ю.П.* Предложения с глаголами зрительного восприятия в русском и английском языках. Дис... канд. филол. наук. – Саратов: Изд-во СарГУ, 2004. – 216 с. - <http://diss.rsl.ru/diss/05/0262/050262035.pdf>

22. Бюлер http – Бюлер К. Теория языка. – <http://uztranslations.wol.bz> // Бюлер К. Теория языка. Репрезентативная функция языка. М., 1993. // http://www.classes.ru/grammar/111.Karl_Buller_Teoriya_yazika/html/unnamed.html
23. Валгина и др. 1987 - *Валгина Н.С.*, Розенталь Д.Э., Фомина М.И. Современный русский язык. – М.: Высшая школа, 1987. – 480 с.
24. Валгина и др. 2002 - *Валгина Н.С.*, Розенталь Д.Э., Фомина М.И. Современный русский язык. – М.: Высшая школа, 6-е изд., перераб. и доп. – М.: Логос, 2002. - 528 с.
25. Васильев 1971 – *Васильев Л.М.* Семантические классы глаголов чувств, мысли и речи. // Очерки по семантике русского глагола. – Уфа: Башкирский ГУ, 1971. – С. 38-310.
26. Васильев 1981 – *Васильев Л.М.* Семантика русского глагола: Учеб. пособие для слушателей фак. повышения квалификации. – М.: Высшая школа, 1981. - 184 с.
27. Васильев 1990 – *Васильев Л.М.* Современная лингвистическая семантика: Учебное пособие для вузов. – М.: Высшая школа, 1990. - 176 с.
28. Вежбицкая 1986 – *Вежбицкая А.* Восприятие: семантика абстрактного словаря. // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVIII. Логический анализ естественного языка. – М.: Прогресс, 1986. – С. 336-369.
29. Вежбицкая 1999 - *Вежбицкая Анна.* Семантические универсалии и описание языков. Пер. с англ. А. Д. Шмелева под ред. Т. В. Булыгиной. — М.: Языки русской культуры, 1999. — 780 с.
30. Вежбицкая 2001 – *Вежбицкая А.* Понимание культур через средство ключевых слов. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 288 с.
31. Виноградов 1986 – Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. Изд. 3-е. М.: Высшая школа, 1986. – 640 с.
32. Всеволодова 2000 – *Всеволодова М.В.* Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. – М.: Изв-во МГУ, 2000. – 502 с.
33. Гак 1968 – *Гак В.Г.* "Русский язык в зеркале французского. Актуальное членение и лексико-грамматическая структура предложения. Очерк третий" // Русский язык за рубежом, 3, 1968.

34. Гак 1969 – *Гак В.Г.* К проблеме синтаксической семантики: Семантическая интерпретация “глубинных” и “поверхностных” структур // Инвариантные синтаксические значения и структура предложения. – М.: Наука, 1969. – С. 77 – 85.
35. Гак 1988 – *Гак В.Г.* Комментарии. // Л.Теньер. Основы структурного синтаксиса. – М.: Прогресс, 1988. – С. 614-622.
36. Грамматика-70 – Грамматика современного русского литературного языка. – М.: Наука, 1970. – 768с.
37. Грамматика-80 I – Русская грамматика в двух томах. Т. I. – М.: Наука, 1980. – 784 с.
38. Грамматика-80 II – Русская грамматика в двух томах. Т. II. – М.: Наука, 1980. – 710 с.
39. Демиденко 1963 – *Демиденко Л.П.* Способы выражения начала глагольного действия в русском языке // Уч. зап. ЛГПИ им. А.И. Герцена. Т. 248. – Л., 1963. – С. 85-87.
40. Демьянков 1980 – *Демьянков В.З.* Предикаты и концепция семантической интерпретации. // Изв. АН СССР. Сер. лит. и языка. Т. 39. № 4. 1980. – С. 336-346.
41. Есперсен 1958 – *Есперсен О.* Философия грамматики. М.: Иностранная литература, 1958. – 404 с.
42. Жолковский, Мельчук 1965 - *Жолковский А.К., Мельчук И.А.* О возможном методе и инструментах семантического синтеза // Научно-техническая информация. — 1965. — Сер. 2.-№6.-С. 23-28.
43. Засорина, Берков 1961 – *Засорина Л.Н., Берков В.П.* Понятие валентности в языке. // Вестник Ленинградского Университета. Серия истории, языка и литературы. – Л., 1948. №8. Вып. 2. – С. 133-139.
44. Золотова 2010 – *Золотова Г.А.* Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. – М.: КомКнига, 2010. – 368 с.
45. Иванова 2004 – *Иванова Е.Ю.* О перцептивности номинативных предложений // ВЯ №1, 2004. – С. 107-117.
46. Кацнельсон 1948 – *Кацнельсон С.Д.* О грамматической категории // Вестник Ленинградского Университета. Серия истории, языка и литературы. – Л., 1948. №2. – С. 114-134.

47. Кацнельсон 1972 – *Кацнельсон С.Д.* Типология языка и речевое мышление. – Л.: Наука, 1972. – 216 с.
48. Кацнельсон 1986 – *Кацнельсон С.Д.* Общее и типологическое языкознание. – Л.: Наука, 1986. – 298 с.
49. Кацнельсон 1987 – *Кацнельсон С.Д.* К понятию типов валентности. // ВЯ. – М., 1987. № 3. – С. 20-32.
50. Кибардина 1986 – *Кибардина С.М.* Распространители в структуре предложения (К вопросу о реализации валентности глагола) // Единицы языка в коммуникативном и номинативном аспектах. Межвузов. сб. науч. трудов. – Л.: ЛГПИ им. А.И.Герцена, 1986. – С. 94-100.
51. Кибардина 1988 – *Кибардина С.М.* Валентность немецкого глагола. Автореф... док. филол. наук. – Л., 1988. – 34с.
52. Кильдибекова 1985- *Кильдибекова Т.А.* Глаголы действия в современном русском языке: опыт функционально-семантического анализа. – Саратов: Саратовский университет, 1985. – 160 с.
53. Клобуков 1986 – *Клобуков Е.В.* Семантика падежных форм в современном русском литературном языке: введение в методику позиционного анализа. – М.: Изд-во МГУ, 1986. – 117 с.
54. Колесникова 2003 – *Колесникова Э.В.* Валентная структура слова. // Рабочие тетради по компаративистике. – М.: Изд-во МГИМО, 2003. – С. 92-96.
55. Королев 1969 – *Королев, Э.И.* О залогах русского глагола. // Мысли о современном русском языке. М., 1969. - С. 199-214.
56. Косицына 2002 – *Косицына Е.Ф.* Семантические валентности глаголов зрительного восприятия и способы их выражения. Дис... канд. филол. наук. М.: Изд-во МГПУ, 2002. – 160 с.
57. Кретов 1981 – *Кретов А.А.* Синтаксическая проективность глаголов целенаправленного зрения // Исследования по семантике. Лексическая и

- синтаксическая семантика. Межвузовский сборник. – Уфа: Изд-во Башкир. ун-та, 1981. – С. 36-42.
58. Кретов 1984 – *Кретов А.А.* Функционирование лексико-семантической группы зрительного восприятия в русской прозе // Проблемы глагольной семантики: Сб. науч. трудов. – Свердловск, 1984. – С.78-85.
59. Кретов 1986 – *Кретов А.А.* О семантической классификации употреблений глагола *глядеть* // Классы глаголов в функциональном аспекте. – Свердловск: Уральский гос. ун-т 1986,. – С. 97-103.
60. Кретов 1992 – *Кретов А.А.* Научный прогноз в лексической семантике // Функциональная семантика слова. – Свердловск: Свердловский гос. пед. институт, 1992. – С. 99-110.
61. Кронгауз 2004 – *Кронгауз М.А.* Норма: семантический и прагматический аспекты. // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура. (Сб. статей в честь Н.Д. Аругтюновой / Отв. ред. Ю.Д. Апресян). М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 137-141.
62. Курилович 1962 – *Курилович Е.* Проблема классификации падежей. // Курилович Е. Очерки по лингвистике. – М.: Иностранная литература, 1962. – С. 175-203.
63. Кустова 1999 – *Кустова Г.И.* Перцептивные события: участники, наблюдатели, локусы// Логический английский язык. Образ человека в культуре и языке. – М.: Индрик, 1999. – С. 229-239.
64. Кухтенкова 1966 – *Кухтенкова Г.Г.* Способы действия и их влияние на вид глагола // Вопросы современного русского языка (Грамматический строй и стилистика). Вып.1. – Челябинск, 1966. – С. 9–20.
65. Кухтенкова 1967 – *Кухтенкова Г.Г.* Взаимодействие лексических и грамматических функций в глаголах с количественно-временными приставками // Вопросы современного русского языка (Грамматический строй и стилистика). Вып. 2. – Челябинск, 1967. – С. 105–124.

66. Лейкина 1961 – *Лейкина Б.М.* Некоторые аспекты характеристики валентности. // Доклады на Конференции по обработке информации, машинному переводу и автоматическому чтению текста. Вып. 5. – М.: Производственно-издательский комбинат ВИНТИ Люберцы, 1961. – 15 С.
67. Маркосян 1985 – *Маркосян Л.Е.* Семантика и синтаксис предикатов состояния. Дис ... канд. филол. наук. М.: Изд-во МГУ, 1985. – 203 с.
68. Маркосян 1986 – *Маркосян Л.Е.* Об одном способе анализа семантической структуры предикатов// Сочетание лингвистической и внелингвистической информации в автоматическом словаре. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1986
69. Маслов 1973 – *Маслов Ю.С.* Универсальные семантические компоненты в содержании грамматической категории совершенного/несовершенного вида // Советское славяноведение, № 4. – М.: Наука, 1973. – С. 73–83.
70. Маслов 2004 – *Маслов Ю.С.* Избранные труды: Аспектология. Общее языкознание / Сост. и ред. А.В. Бондарко, Т.А. Майсак, В.А. Плунгян. М.: Языки славянской культуры, 2004. – 840 с.
71. Мелиг 1985 – *Мелиг Х.Р.* Семантика предложения и семантика вида в русском языке (к классификации глаголов З.Вендлера) // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 15. Современная зарубежная русистика. – М.: Прогресс, 1985. – С. 227–249.
72. Мельчук, Холодович 1970 – *Мельчук И.А., Холодович А.А.* К теории грамматического залога. – Народы Азии и Африки, № 4, 1970. - С. 111–124.
73. Муравенко 1998 – *Муравенко Е.В.* О случаях нетривиального соответствия семантических и синтаксических валентностей глагола. // Семиотика и информатика. Вып. 36. – М: ВИНТИ, “Русские словари”, 1998. – С. 71-81.
74. Мухин 1987 – *Мухин А.М.* Валентность и сочетаемость глаголов. // ВЯ. № 6, 1987. – С. 52-64.
75. Недялков 1987 – *Недялков В.П.* Начинательность и средства ее выражения в языках разных типов. // Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л.: Наука, 1987. – С. 180–195.

76. Новиков 1982 – *Новиков Л.А.* Семантика русского языка: Учебное пособие. – М.: Высшая школа, 1982. – 272 с.
77. Падучева 1985 – *Падучева Е.В.* Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М.: Наука, 1985. – 272 с.
78. Падучева 1999 – *Падучева Е.В.* Принцип композиционности в неформальной семантике// ВЯ. № 5, 1999. – С.3-23.
79. Падучева 2004 – *Падучева Е.В.* Динамические модели в семантике лексики. Изд. 5-е– М.: Языки славянской культуры, 2004. – 608 с.
80. Падучева 2009 – *Падучева Е.В.* Лексическая аспектуальность и классификация предикатов по Маслову – Вендлеру // Вопросы языкознания. – М.: Наука, 2009. – No 6. – С. 3–20.
81. Пешковский 1935 – *Пешковский А.М.* Русский синтаксис в научном освещении. – М.: Учпедгиз, 1935. - 452 с.
82. Плунгян 2003 – *Плунгян В.А.* Общая морфология: Введение в проблематику: Учебное пособие. Изд. 2-е, исправленное. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 384 с.
83. Плунгян, Рахилина 1998 - *Плунгян В.А. Рахилина Е.В.* Парадоксы валентностей. // Семиотика и информатика. Вып. 36. – М: ВИНТИ, “Русские словари”, 1998. – С. 108-120.
84. Попов и др. 1986 – *Попов Р.Н., Валькова Д.П., Маловицкий Л.Я., Федоров А.К.* Современный русский язык: Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов.– 2-е изд., испр. и доп. – М.: Просвещение, 1986. – 464 с.
85. Примова 1983 – *Примова М.Б.* Предложения, обозначающие ситуации слухового и зрительного восприятия в современном русском языке. Дис. ... канд. филол. наук. – М., 1983. – 118 с.
86. Примова 1984 – *Примова М.Б.* Предложения, обозначающие ситуации слухового и зрительного восприятия в современном русском языке. АКД. – М., 1984.
87. Розенталь и др. 2002 – *Розенталь Д.Э., Голуб И.Б., Теленкова М.А.* Современный русский язык. – М., 2002. – 448 с.

88. Розенталь 1976 – Современный русский язык: в 2-х ч. Ч.1. /Под ред. Д.Э.Розенталя. Изд 2-е, испр. – М.: Высшая школа, 1976. – 573 с.
89. Розина 2005 – *Розина Р.И.* Семантическое развитие слова в русском литературном языке и современном сленге: глагол. – М.: Издательский центр Азбуковник, 2005. – 302 с.
90. Селиверстова 1982 – *Селиверстова О.Н.* Второй вариант классификационной сетки и описание некоторых предикатных типов русского языка (с.86–157) // Семантические типы предикатов. / Отв. ред. О.Н. Селиверстова. – М.: Наука, 1982. – 365 с.
91. Слонимская 1983 – *Слонимская И.М.* Соотносительность внешней и внутренней валентности (на материале слов *gold* и *silver*) // Словообразование и его место в курсе обучения иностранному языку. Ежегодный межвузовский тематический сборник. Вып. 10. – Владивосток: Изд-во ДУ, 1983. – С. 59-62.
92. СРЛЯ 1988 I – Современный русский литературный язык: Учеб. для филол. спец. пед. ин-тов / Под ред. П.А. Леканта. 2-е изд., испр. – М.: Высшая школа, 1988. – 416 с.
93. СРЛЯ 1988 II – Современный русский литературный язык: Учеб. для филол. спец. пед. ин-тов / Под ред. Н.М. Шанского. 2-е изд., перераб. – Л.: Просвещение, 1988. – 672.
94. Степанов 1981 - *Степанов Ю.С.* Имена, предикаты, предложения (семиологическая грамматика). - М.: Наука, 1981. — 361 с.
95. Степанова 1968 – *Степанова М.Д.* Методы синхронного анализа лексики (на материале современного немецкого языка). – М.: Высшая школа, 1968. – 201 с.
96. Степанова 1973 – *Степанова М.Д.* Теория валентности и валентный анализ (на материале современного немецкого языка). – М.: МГПИИЯ, 1973. – 110 с.
97. Степанова, Хельбиг 1978 – *Степанова М.Д., Хельбиг Г.* Части речи и проблема валентности в немецком языке: Учебное пособие для институтов и факультетов иностранных языков. – М.: Высшая школа, 1978. – 259 с.

98. Стрельцова 2007 – *Стрельцова И.Д.* Внутренняя и внешняя деривация как системообразующие факторы в языке (на материале глаголов зрительного восприятия). // Вестник Ереванского университета. Общественные науки. – Ер.: Изд-во ЕГУ, 2007, №2. – С. 50-66.
99. Стрельцова 2009 – *Стрельцова И.Д.* Глаголы зрительного восприятия в армянском языке (сопоставительный анализ). // Вестник Ереванского университета. Общественные науки, Ереван: Изд-во ЕГУ, 2009, №1. – С.126-139.
100. Теньер 1988 – *Теньер Л.* Основы структурного синтаксиса. – М.: Прогресс, 1988. – 656 с.
101. Филлмор 1981₁ – *Филлмор Ч.* Дело о падеже. // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X. Лингвистическая семантика. – М.: Прогресс, 1981. – С. 369-495.
102. Филлмор 1981₂ – *Филлмор Ч.* Дело о падеже открывается вновь. // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X. Лингвистическая семантика. – М.: Прогресс, 1981. – С. 496-530.
103. Чейф 1975 – *Чейф У.Л.* Значение и структура языка. – М.: Прогресс, 1975. – 432 с.
104. Чеснокова 1973 – *Чеснокова Л. Д.* О факультативности и обязательности компонентов синтаксической структуры// Вопросы синтаксиса русского языка. Ростов-на-Дону, 1973. С. 3-11.
105. Шведова 2004 – *Шведова Н.Ю.* Три заметки о смысловых пересечениях.// Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура. Сб. статей в честь Н.Д. Арутюновой. Отв. редактор Ю.Д. Апресян. – М.: Языки славянской культуры, 2004. -880 с.
106. Шмелев 1996 – *Шмелев А.Д.* Референциальные механизмы русского языка. Тампере, 1996.
107. Шмелев 1998 – *Шмелев А.Д.* Типы “невыраженных валентностей”. // Семиотика и информатика. Вып. 36. – М: ВИНТИ, “Русские словари”, 1998. – С. 167-176.
108. Шустова http – *Шустова С.В.* Семантическая структура предложения и роль глагола в ее формировании. – http://www.sid.ir/fa/VEWSSID/J_pdf/68213874403.pdf
109. Щерба 1974 – *Щерба Л.В.* Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974. – 427 с.

110. ЭСЮФ_я 1984 – Энциклопедический словарь юного филолога (языкознание) / Сост. М.В. Панов. – М.: Педагогика, 1984. — 355 с.
111. Яковлева 1994 – Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). – М.: Гнозис, 1994. – 344с.
112. Tatevosov 2002 – Tatevosov S.G. The parameter of actionality. Linguistic typology, v.6, 2002. – P. 317–401.
113. Vendler 1967 – Vendler Z. Verbs and times. – In: Z. Vendler. Linguistics in Philosophy. Ithaca, N. Y.: Cornell Univ. Press, 1967.
114. Wierzbicka 1980 – Wierzbicka A. Lingua mentalis. Sydney, 1980.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ

1. Апресян 2003 – *Апресян Ю.Д.* Лингвистическая терминология словаря. // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. / Под общим руководством акад. Ю.Д. Апресяна. Изд. 2-е, испр. и дополн. – М.: Школа «Языки славянской культуры». – С. XXII – LII.
2. Ахманова 1969 – *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1969. — 608 с.
3. БТСРГ - Большой толковый словарь русских глаголов. Под редакцией Л.Г.Бабенко. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2009. - 576 с.
4. Лексико-семантические группы русских глаголов. Учебный словарь-справочник. Под общей редакцией Т.В. Матвеевой. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1988. – 154 с.
5. Лексико-семантические группы русских глаголов. Под редакцией Э.В. Кузнецовой. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1989. – 180 с.
6. ЛЭС 1990 - Лингвистический энциклопедический словарь. Глав. ред. В.Н.Ярцева. – М.: «Советская энциклопедия», 1990 (ЛЭС). - 685 с
7. Марузо 1960 – *Марузо Ж.* Словарь лингвистических терминов. М.: Изд-во Иностранной литературы, 1960. – 436 с.
8. Мельчук, Жолковский 1984 – *Мельчук И.А., Жолковский А.К.* Толково-комбинаторный словарь современного русского языка. Вена, 1984, - 992 с.
9. Ожегов И.С., Шведова Ю.Н. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., дополненное. – М.: ООО «ИТИ ТЕХНОЛОГИИ», 2005. – 944 с.
10. Розенталь, Теленкова 2003 – *Розенталь Д.Э., Теленкова М.А.* Словарь-справочник лингвистических терминов. – М.: «ОНИКС 21 век», «Мир и образование», 2003. - 624 с.
11. МАС - Словарь русского языка в 4-х тт. Под ред. А.П. Евгеньевой. 3-е изд., стереотип. – М.: «Русский язык», 1985-1988. Т.1. – 696 с. Т. 2. – 736 с.; Т. 3. – 752 с.; Т. 4. – 800 с.

12. СЭС - Социологический энциклопедический словарь. Под ред. Г.В.Осипова. – М.: ИНФРА-М – Норма,; 1998. – 488 с.
13. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка в 2-х тт. – М.: «Русский язык», 1985. Т. 1 – 854 с.; Т. 2 – 885 с.
14. Фразеологический словарь русского языка. Составили Л.А. Войнова, В.И.Жуков, А.И. Молотков, А.И.Федоров. Под редакцией А.И. Молоткова. Изд. 4, стереотипное. – М: “Русский язык”, 1987. – 543 с.